

Алексѣй Федоровичъ
МЕРЗЛЯКОВЪ

ЧТЕНІЯ

СОДЕРЖАНИЕ

О талантахъ стихотворца	3
О гениі, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ	14
О прекрасномъ	37
Гимнъ къ дѣятельности	47
Чтеніе пятое въ Беседахъ Любителей Словесности въ Москвѣ	49
<u>Приложеніе:</u> Біографія Мерзлякова изъ Энциклопедіи Брокгауза-Эфрона	62

© Подготовка текста канд. филолог. наук А. И. Любжина

© «Im-Werden-Verlag», 2002
Гравюра К. Афанасьева, 1820

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

О талантахъ стихотворца

Въ предыдущемъ Чтеніи своемъ, милостивыя государыни и милостивые государи, старался я доказать, что искусство и успѣхи въ стихотворствѣ предполагаютъ и великіе таланты, и великіе труды; я также опровергнулъ нелѣпое мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что стихотворцу ненужно ученье, и что талантъ его все замѣняетъ. — Подкрѣплю мысли свои словами знаменитѣйшаго Поета, столь хорошо постигнувшаго свое искусство:

*Natura fieret laudabile carmen, an arte,
Quaesitum est. Ego nec studium sine divite vena,
Nec, rude quid prosit, video, ingenium...*

Какіе же сии таланты исключительные, отличающіе любимаго питомца Музъ? — По какому знаменію допускается къ таинственному источнику Иппокрены, и восходитъ на крутую гору Парнасъ, недоступную для тѣхъ, которыхъ Минерва, въ минуту ихъ рожденія, не освятила благодѣтельною своею улыбкою?..

*Quem tu Melpomene semel
Nascentem placido lumine videris...*

Все измѣряющіе Ученые, которые иногда, подобно человекамъ Вольтеровымъ, гнѣздящимся на ногтѣхъ Микромегаса, даютъ системы тому, дѣлятъ обыкновенно способности души нашей на два рода, на высшія и низшія. — Однѣ называютъ умственными, другія чувственными; первыя оказываются во всѣхъ высокихъ, или такъ называемыхъ основательныхъ наукахъ; последними занимается Естетика, или наука Вкуса; ибо всѣ его творенія, по словамъ сихъ Ученыхъ, имѣютъ цѣлю воспламенить воображеніе и чувства. — Мы благодарны господамъ Ученымъ. Они нехотя уступаютъ намъ много. — Это значитъ, даютъ художникамъ и стихотворцамъ Амуровы стрѣлы, отъ которыхъ иногда кружилась и выпрениная глава великаго Юпитера. Когда воспламенено воображеніе, тронута сердце; тогда, что значитъ гордость холоднаго ума, облеченнаго въ броню силлогизмовъ? — Не будемъ спорить, и разсмотримъ удѣлъ нашъ. — Память и воспоминаніе, способность растить идеи, или соединять ихъ, воображеніе, чувствительность и энтузіазмъ, разумъ, разсудокъ, умъ, доброта сердца и вкусъ: вотъ таланты, изъ коихъ, каждой болѣе или менѣе участвуетъ въ произведеніяхъ изящнаго, и всѣ, по различному смѣшенію своему, составляютъ различія между геніями. Въ Поетѣ воображеніе и чувство должны господствовать; но если разумъ не управляетъ ими, если неприметъ на себя труда, быть скромнымъ, невидимымъ ихъ путеводителем: то онѣ теряютъ настоящую свою дорогу и заблуждаются. Острый умъ есть глазъ генія; воображеніе и чувство его крылья. — Державинъ въ разобранной мною Одѣ имѣлъ орлиной взоръ, и при всѣхъ видимыхъ отступленіяхъ, стремился быстро къ солнцу. А Г-нъ сочинитель Драмы, которой заставляеть страстнаго любовника въ часы самые опасныя отчитывать длиннымъ монологомъ утопившуюся свою любовницу, кажется, въ етомъ случае, имѣлъ только крылья безъ глазъ. И то надобно сказать, что всѣ выше

Изъ читанной въ 1812 году первой половины Курса словесности. Г. профессоръ, занимая слушателей и слушательницъ своихъ правилами теоріи, старался сколь возможно избѣгать сухости. Онъ имѣлъ въ виду различіе между юношествомъ, ищущимъ единственно точныхъ познаній о наукѣ, и свѣтскими образованными людьми, которые отъ чтеній его ожидали для себя удовольствій другаго рода.

Изд.

упомянутые мною способности не суть необходимы для каждого рода поэзии; но умъ вездѣ дѣйствует. Умъ ложной искажаетъ всѣ таланты; умъ поверхностной, мѣлкой, не умѣетъ ни однимъ изъ нихъ пользоваться.

Но сохранимъ порядокъ, принятой нами.

Я имѣлъ честь сказать недавно предъ симъ, что каждое изящное искусство, въ особенности занимается чувственными способностями нашей души, хотя оно въ то же время дѣйствуетъ и на высшія силы нашего ума. Что же принадлежитъ къ чувственнымъ или низшимъ способностямъ души? — Не однѣ только впечатленія наружныхъ чувствъ, но и все то, что рождается въ умѣ чрезъ возобновленіе и сопряженіе прежде полученныхъ ею впечатленій: это производится посредствомъ памяти и воображенія. Не можетъ быть того въ умѣ, чего не было сперва въ чувствахъ: онѣ единственные питатели души нашей; она врата, чрезъ которыя приобретаетъ она свои сокровища. Впечатленіе, ощущеніе, чувство: вотъ степени къ ея святилищу. Встрѣчаю цвѣтокъ; онѣ обратилъ на себя мое вниманіе: я ощущаю его дѣйствіе посредствомъ вида и запаха; я чувствую отвращеніе или любовь къ нему, и обнаруживаю свою волю приказаніемъ садовнику, чтобы онѣ сорвалъ его. — Воля производимая и удовлетворенная сладкими чувствованіями составляетъ главной предметъ всѣхъ представленій искусства.

Между наружными чувствами слухъ и зрѣніе — самые ревностные, неутомимые служители, обогащающіе художника. Первой есть тонкой и строгой судія Поэзіи, Краснорѣчія и Музыки; другое цѣлнать искусства образующія. — Непостижима премудрость Божественная, устроившая столь чудесно сіи органы, и одарившая ихъ толикою нѣжностію и быстротою! Они обнимаютъ весь міръ, и приносятъ отъ него дани на алтарь ума съ непонятною силою, скоростію и многообразіемъ. Но положимъ, что взоръ созерцалъ и кончилъ свои наблюденія; слухъ закрылся и не внимаешь болѣе. — Тогда душа наша, какъ доброй хозяинъ, обращается на безчисленныя свои стяжанія, дабы расположить ихъ по порядку, дабы пользоваться ими съ благоразуміемъ. Мѣсто первыхъ смѣняетъ другая служебная сила души. Она представляетъ умному взору всѣ совершенныя ею труды, наблюденія и опыты. Прошедшее становится настоящимъ: чрезъ нее возобновляется все что вы прежде читали, слышали, чувствовали, видѣли. Въ картинахъ ея соблюдены всѣ подробности, самая мѣлкія, вся живость и разительность, всѣ отношенія предметовъ. Она ничего не теряетъ: все въ порядкѣ и цѣлости. Какъ же называется сей столь благотворной сокровищехранитель души? — Это память. — Иногда самая богатая память уподобляется кремнистой горѣ, въ неприступномъ сердцѣ которой заключено золото; или походить на скупца, которой бережетъ свое сокровище за замками и не пользуется ими. Надобно, чтобы она была щедрою, всегда открытою. При первомъ мановеніи ума должна отверзать она свою храмину и представлять ему все что будетъ нужно. — Такое свойство памяти, быстро возобновлять тысячи предметовъ кстати, весьма необходимо. Оно называется воспоминаніемъ. — Многіе помнятъ, но неумѣютъ припоминать въ свое время.

Вы безъ сомнѣнія много разъ изволили видѣть людей восторженныхъ, исполненныхъ своего предмета, которые въ изступленіи своемъ, какъ говорится, изъ мухи дѣлаютъ слона. Чего не придумываютъ они въ минуты своей меланхоліи, своего гнѣва, боязни, или сильныхъ желаній? Взволнованная душа, перебирая собственныя свои мысли, умножаетъ ихъ болѣе и болѣе. — Размышленіе въ поетѣ можетъ производить подобное дѣйствіе. Положимъ, что онѣ намѣренъ живописать корабль среди бури въ решительную минуту крушенія. — Съ начала сія картина представляется ему въ нѣкоторомъ мракѣ, въ отдаленіи; но онѣ хочетъ ее приблизить къ себѣ: онѣ озаряетъ ее свѣтомъ размышленія. Предъ очами его постепенно открываются всѣ ея части относительно къ водѣ, къ воздуху, къ самому кораблю. — Въ воздухѣ видитъ онѣ бурные вѣтры, которые борются сами съ собою; тучи помрачающія небо сходятся, сливаются, изъ челюстей воспламененныхъ молніею изрыгають разрушительныя громы. — Въ морѣ являються ему пѣнистые валы, какъ горы носящіяся до облаковъ; гладкіе хребты ихъ отсвѣчиваются подобно хребтамъ огромныхъ змій, лежащихъ при сіяніи луны; громады водъ, висящія надъ безднами; корабль, которой, кажется, готовъ уже быть ихъ жертвою, но онѣ вдругъ восхищенъ

на крутизну ближайшаго вала, и снова наклоняется въ бездну. — Обратитесь къ землѣ: вамъ представляются острыя высокія скалы, о которыя разбивается море съ ужаснымъ ревомъ, около которыхъ плаваютъ отломки корабля недавно погибшаго: несчастные мореходцы видятъ въ нихъ собственный свой жребій! — Грозное предвѣстіе! — Что видите вы наконецъ въ кораблѣ? — Райны, которыя гнутся отъ усилія парусовъ полураздранныхъ, мачты переломанныя, упадающія; бока корабля, ударяемые волнами, трещать, угрожаютъ раствориться; кормчий, истощивъ все свое искусство, предается отчаянію; матросы, изнуренные бесполезною работою, висятъ на веревкахъ, и жалостными криками молятъ Небо способствовать послѣднимъ ихъ усиліямъ. Подлѣ главной мачты виденъ герой: онъ ободряетъ ихъ; онъ желаетъ внушить въ сердца ихъ надежду, которой самъ неимѣетъ. Хотите ли еще сдѣлать картину сію болѣе трогательною, болѣе ужасною? Представьте на кораблѣ отца сжимающаго въ объятіяхъ единственнаго своего сына; представьте супруговъ, любовниковъ нѣжныхъ, которые не словами, но взорами говорятъ послѣднее прости!.. Отъ васъ зависитъ сдѣлать корабль театромъ страстей, и возбуждать всѣ движенія ужаса и состраданія!.. Такимъ образомъ отъ одной мысли родились многія: — обильной запасъ для цѣлаго сочиненія! Стихотворецъ невидаль Куликова поля; но онъ разсуждалъ, собиралъ все то, что могло происходить на семь полѣ Россійской славы по всему возможному вѣроятію — и составилъ картину. Такимъ же образомъ начертался Водопадъ Державина, со всею прелестною своею дикостію, со всеми величественными эпизодами. Чѣмъ болѣе размышляете, тѣмъ болѣе картина раскрывается предъ вашими очами. — Сія драгоценная способность, дарованная каждому человѣку, называется совокупленіемъ идей, и способностію растить идеи. Она даже не предполагаетъ особенной силы воображенія. Случается иногда, что она вредитъ успѣхамъ сочиненія самымъ своимъ изобиліемъ. — Образованный вкусъ никогда всего не живописуетъ; о нѣкоторыхъ предметахъ довольно намекнуть. Величайшее искусство не въ томъ, чтобы все живописать, но умѣть выбрать самыя разительныя, самыя пламенныя черты, которыя разсѣяны въ природѣ, и которыя возбуждаютъ въ воображеніи вашемъ полную, совершенную картину. Душа наша свободна и любитъ свободу. — Предоставляя ей самой дорисовывать, мы ей дѣлаемъ удовольствіе. Изображая всѣ подробности, мы ее утомляемъ, мы поступаемъ съ нею точно также, какъ тиранствующій етикетъ съ нѣкоторыми Королями, предписывая имъ часъ, время, мѣру и качество ихъ наслаждений! — Чего невозможно прибрать напр. для описанія всемірнаго потопа? Всякой можетъ сдѣлать изъ сего всеобъемлющаго предмета картину, для которой невозможно сыскать рамъ! но живописецъ-поетъ весь всемірной потопъ помѣщаетъ въ маленькой труппѣ — въ одномъ семействѣ, — и картина безконечна! Чѣмъ долѣе на нее смотрите, тѣмъ болѣе видите; вы дополняете ее непрерывно собственнымъ вашимъ воображеніемъ. — Петровъ овладѣніе всѣмъ лагеремъ Турецкимъ подъ предводительствомъ Графа Румянцова описываетъ однимъ стихомъ: Я вижу, говоритъ онъ:

Турецкіе шатры, Россійскія знамена!

Что можетъ быть етого короче и полнѣе?

Но изъ всѣхъ способностей души, дѣйствующихъ въ твореніяхъ вкуса, нѣтъ ни одной важнѣе, привлекательнѣе, обольстительнѣе воображенія! Посредствомъ его представляемъ мы отсутствующіе предметы живо и разительно, и возбуждаемъ въ другихъ тѣ самыя чувствованія, которыя могутъ быть производимы только подлинниками. Кто исчислить всѣ безконечныя дѣйствія сего могущественнаго чародѣя! — Оно есть истинный творецъ всѣхъ изящныхъ наукъ и искусствъ; оно есть — первый ранній цвѣтокъ, развертывающійся въ разумѣніи нашемъ, украшающій юныя наши занятія, наслажденія! Воображеніе — цѣлительный бальзамъ для изнуреннаго заботами сердца въ лѣта зрѣлыя; — оно подкрѣпляетъ хладную старость, и на снѣгахъ разсѣваетъ еще нѣкоторые цвѣты, если не весенніе, то по крайней мѣрѣ принадлежащіе поздней осени. Оно стоитъ передъ страдальцемъ, лежащимъ на смертной постелѣ въ видѣ

Ангела утѣшителя, и оживляетъ ослабѣвшую природу или надеждою выздоровленія, или радостями блаженной вѣчности; оно есть даръ благодатнаго Неба, неизсякаемый источникъ удовольствій. Странникъ на чуждомъ берегу, отдѣленный морями обширными отъ своего отечества, посреди сердець хладных, незнакомых, призываетъ къ себѣ свою милую родину съ ея лугами, деревьями, цвѣтами, градами, селами, рѣками и играми. — Благодѣтельная Фея въ легкомъ розовомъ облакѣ переноситъ къ нему все для него любезное. Уже онъ сидитъ въ кругу друзей своих, и рассказываетъ имъ дивныя свои похождения; уже онъ ласкаетъ милую супругу; уже онъ утѣшаетъ престарѣлую мать, которая не хотѣла умереть безъ него, дабы ничья рука, кроме сыновней, не закрыла тяжелыхъ ея веждѣй. Несчастной узникъ, осужденный на вѣчное заточеніе, въ сладостной забывчивости располагаетъ домашними своими дѣлами, какъ бы свободный, раздаетъ повелѣнія, предается замысламъ честолюбія и корысти, прогуливается, путешествуетъ, строитъ планы, веселится съ родными и отмщаетъ непріятелямъ. Звукъ цѣпей пробудилъ его... но это не на долго! — Тотъ же самой геній благотворительный показываетъ ему, что двери темницы растворились, оковы разрушились; летитъ вѣрная супруга, кинулась въ его объятія, и юныя малютки, играя его цѣпами, влекутъ ихъ по полу какъ трофеи своей побѣды надъ гонителями невинности. Такъ воображеніе наше золотыми своими мечтами вознаграждаетъ насъ за существенность невыгодную, — и мечты радостныя всегда равновѣсятъ съ дѣйствительными бѣдствіями. — Но по что я называю ихъ мечтами? Не заключено ли въ нихъ благо существенное? не уже ли оно состоитъ въ золотѣ и въ почестяхъ? — Но гордый вельможа, но Царь на престолѣ, веселятся въ мысляхъ не пышностью своею, не богатствами; въ счастливую минуту воображаютъ они завидную простоту сельскую — образъ жизни простолюдима, и часто желаютъ его свободы, его покоя, его радостей. Они видятъ ихъ, и отдыхаютъ въ великолѣпномъ своемъ рабствѣ. Утомленные трудами военными, среди грома пушекъ, въ виду смерти, наслаждаются мысленно благами вождѣльнаго мира. Славолюбивый юноша, посреди нѣги и праздности, когда все тихо, когда война неразвиваетъ кровавыхъ знаменъ своихъ, скучаетъ покоемъ: радостно воображаетъ онъ битвы и лавры имъ собираемые. Счастливый любовникъ терзается боязнію измѣны, или холодности; несчастной — живетъ надеждою и воображаетъ будущее блаженство свое въ той, которая теперь столь къ нему жестока. Такимъ образомъ посредствомъ воображенія, не получивъ, мы еще наслаждаемся, и наслаждаясь, не скучаемъ, или раздробляя свои старыя удовольствія, или стремясь къ новымъ. Но я не Аддисонъ, и никогда не буду въ силахъ описать всѣхъ пріятностей, зависящихъ отъ сей драгоценной способности, управляемой благоразуміемъ и осторожностію. —

Необходимыя свойства воображенія слѣдующія: легкость, живость, богатство; первая требуетъ, чтобы всѣ картины стихотворца не казались выисканными, издали приведенными; надобно, чтобы онѣ, такъ сказать, сами рождались и чтобы душа наша переходила отъ одной къ другой со всею свободою и удобностію. —

Прочтите слѣдующую Анакреонтическую Оду Державина:

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ;
Богъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говорить: и пр.

Какая легкость! Это не выдуманно, это не стоило стихотворцу ни малѣйшаго труда! Стихи родились сами собою; можетъ быть, Хариты, сочинивъ ихъ, надиктовали Державину. Живость воображенія представляетъ предметы со всѣми ихъ цвѣтами, оттѣнками, въ отношеніяхъ разительныхъ и смѣлыхъ! По различнымъ степенямъ живости воображенія называютъ его пламенным, стремительным, живописнымъ и пр. Лучшіе примѣры весьма удобно найти можно въ богатыхъ галереяхъ Ломоносова, Державина, Петрова и другихъ нашихъ писателей.

Богатство воображенія знаменуетъ обиліе въ матеріалахъ для украшенія каждой мысли. — Признакъ его — какая-то торжественная роскошь въ картинахъ, легко и быстро встрѣчающихся при всякомъ случаѣ, и, кажется, начертанныхъ съ нѣкоторою небрежностію. Оно производитъ разнообразіе, цвѣтность, великолѣпіе, пышность слога. Но надобно отличать всегда ложное богатство отъ истиннаго. — Ложное, точно также, какъ случается между людьми, блистательной наружностію прикрываетъ бѣдность или слабость внутреннюю, и, разумѣется, ослѣпляетъ только взоръ неопытной. Вкусъ долженъ быть распорядителемъ сокровищъ воображенія. — Онъ устанавливаетъ время, мѣсто, мѣру его убранствамъ. Невсегда потребна живопись; стихотворецъ иногда бросаетъ кисть, и говоритъ какъ философъ важнымъ и сильнымъ, иногда, какъ угнѣтенной и несчастной, слабымъ и простымъ, чуждымъ всякаго украшенія языкомъ. Есть мысли и чувства, которыя портитъ всякое украшеніе: нужны ли брилліанты и золото для Грацій и для Венеры, низпускающей къ счастливому Адонису? Онѣ отягчили бы только небесныя прелести, не придавъ къ нимъ ни малѣйшей красоты. Воображеніе — Нарциссъ, влюбляющійся всегда въ самага себя: оно увлекается прелестію картинъ своихъ и часто ничего болѣе не терпитъ въ своей рабочей, кромѣ картинъ. Одинъ и тотъ же предметъ оно украшаетъ вдругъ многими образами, и тѣмъ самымъ портитъ ихъ, подобно прихотливымъ дѣтямъ, которыя, лелѣя свои куклы, ихъ ломаютъ.

Между всѣми нашими поэтами, кажется, Державинъ болѣе всѣхъ отличается богатствомъ воображенія своего. Весь Водопадъ его клубится, такъ сказать, драгоценностями. — Какая дикость и величіе природы! — Какая живость и яркость въ краскахъ! Во всѣхъ Одахъ его примѣтна удивительная роскошь богача, получившаго какъ бы даромъ несмѣтное наслѣдство. Ломоносовъ также богатъ; но съ большею скромностію разсвѣваетъ свои сокровища. Онъ походитъ на такого богача, которой обязанъ не одному наслѣдству, но и собственнымъ трудамъ своимъ, а потому и болѣе дорожитъ своимъ имуществомъ. Онъ обилень, но економень, — и каждую минуту даетъ чувствовать, что оставляетъ у себя болѣе, нежели сколько показываетъ.

Воображеніе есть даръ природы; но подобно другимъ способностямъ души человѣческой, весьма много зависитъ отъ образованія. Упражненіе, чтеніе, путешествія даютъ ему силу, умножаютъ его, обогащаютъ.

Мы можемъ воображать, также какъ видимые предметы, и невидимыя чувства сердца, живописуя ихъ измѣненія и порывы. — Для этого потребно глубокое познаніе человѣческой природы.

Стихотворецъ, и всякой другой художникъ, не ограничиваетъ себя одною природою: онъ разширяетъ ея предѣлы; онъ творитъ новые предметы, иногда невидимые, или видимые, но въ другомъ порядкѣ, въ другомъ расположеніи: даетъ имъ образъ, дѣйствіе, разговоръ; составляетъ цѣлое, какового въ природѣ не находится; одушевляетъ вещи, лишеныя жизни и чувства. Такимъ образомъ Гомеръ создалъ свой великолѣпной міръ, населивъ его богами и героями, плѣняющими наше воображеніе! По манію его двигались народы, кипѣли сѣчи ужасныя, волновалась земля, небо и царство подземное!.. Какое богатство и разнообразіе въ характерахъ, въ дѣйствіяхъ, въ разговорахъ! — Не уже ли вы думаете, что сіи герои въ самомъ дѣлѣ такъ дѣйствовали, такъ говорили, такъ сражались? — Это все есть магія Гомерова. Нѣжная Дидона обязана страстію своею, несчастіями и безсмертіемъ Виргилію. — Тассъ воздвигнулъ чертоги Армиды; Тассъ образовалъ и создалъ сіе прелестнѣйшее зло, сію Армиду, на испытаніе своихъ героев! Откуда Мильтонъ почерпнулъ сіе, превосходное безъ прекословія, описаніе Адама и Евы! — Муза его воспаряла за предѣлы природы, — и тайны небесъ онъ повѣдалъ, и страшный мятежъ ада открывается предъ нашими очами. Камоенсъ велѣлъ — и изъ среды моря возстаетъ исполинъ величайшій, достойный быть сотоварищемъ Титанамъ, грознымъ воителямъ противъ всемогущаго Зевеса! Онъ возвѣщаетъ Португальцамъ, стремящимся къ неизвѣстнымъ тогда берегамъ Индіи, будущую ихъ славу. — Ктожь етотъ великанъ грозный? Кремнистой мысъ Доброй надежды, по которому удостовѣрились остроумные мореплаватели, что есть вѣрной путь въ землю сокровищъ. — Заира, Алзира, сей благочестивый Законестъ, сія прелестная Версона, сей бурный Рогдай

приведены изъ небытія въ бытіе, изъ міра возможнаго въ міръ дѣйствительной геніями Поезіи. Почти всѣ лица Трагедіи и Комедіи сотворены поетами; ибо если и существовали сіи характеры, то кто же имъ далъ образъ дѣйствія, чувства, разговоръ, сообразные цѣли писателя? — Вотъ что называется воображеніемъ творческимъ, симъ неотъемлемымъ достояніемъ великихъ геніевъ, которые изъ собранныхъ отдѣльныхъ частей въ Природѣ, составляютъ свое новое, совершеннѣйшее нежели Природа, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ видамъ поэта!.. Такія творенія называются вымыслами стихотворцевъ, изобретеніемъ, идеалами, и проч. Божественная сія сила зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ мѣры и полноты воображенія. Она управляется вкусомъ и остроуміемъ.

Воображеніе поэта воспаляетъ наше воображеніе предметами великими, высокими, любезными и пріятными: но что оно произведетъ въ насъ, если не управляемо будетъ тѣмъ безцѣннымъ участіемъ, которое стихотворецъ принимаетъ въ нашемъ благополучіи, въ нашихъ удовольствіяхъ? Что оно будетъ, когда я не увѣренъ, что все представляемое мнѣ есть плодъ и жертва добраго сердца, желающаго раздѣлить со мною свои радости и печали, — сердца, которое любитъ то же что я люблю, груститъ о томъ же что составляетъ мои грусти, и веселится моимъ веселіемъ; — однимъ словомъ: что работа воображенія, если не оживлена, не одушевлена, не воспламенена будетъ нѣжнымъ, или страстнымъ добрымъ чувствомъ поэта, которой отъ полноты сердца говоритъ вамъ и проситъ вашего соучастія? — Чувство въ поезіи все замѣняетъ; недостатка чувствованій замѣнить ни что не можетъ. Оно вдыхаетъ въ сочиненіе какую-то теплоту питательную, цѣлебную, оживляющую насъ! — Непріятно ли вамъ бесѣдовать съ добрымъ, чувствительнымъ человѣкомъ, которой также и терпитъ, и веселится иногда какъ вы сами? — Что вы захотите лучше: слушать ли строгаго, неумолимаго проповѣдника, которой съ негодованіемъ и гнѣвомъ осыпаетъ васъ укоризнами въ слабостяхъ, нечуждыхъ ему самому и свойственныхъ всей природѣ человѣческой; или лучше хотите внимать кроткаго, снисходительнаго друга, которой въ минуты вашего заблужденія пришелъ не укорять васъ, но скорбѣть вмѣстѣ съ вами, — не проповѣдывать утѣшеніе о вашей потерѣ, но сѣтовать вмѣстѣ съ вами; которой наконецъ усладивъ вашу горестъ собственными вашими слезами, представитъ вамъ способы не утѣшиться, но слаще плакать, не терзаться раскаяніемъ, предвѣстникомъ ожесточенія, — но надѣяться на благость Божию, не отчаеваться — но терпѣть съ усладительнымъ умиленіемъ. — Знаю напередъ отвѣтъ вашъ: и вотъ величайшая тайна искуснаго стихотворца! Сочиненіе его должно дышать чувствами доброжелательства къ человѣчеству, чувствами уважаемыми среди гражданъ, сообразно нравамъ, обычаямъ, религіи! — Онъ долженъ принимать все то близко къ сердцу, что относится къ людямъ, для которыхъ онъ пишетъ! — Это чувство избираетъ предметы для описаній; это чувство угождаетъ иногда нашей любви, иногда ненависти, мщенію, самолюбію, страсти смѣяться надъ другими, состраданію, великодушію, благотворительности, скупости, щедрости, безпечности, нѣжн: словомъ, всѣмъ добродѣтелямъ и всѣмъ слабостямъ человѣка, притворяясь быть ихъ другомъ и участникомъ, — разумѣется, съ добрымъ намѣреніемъ, чтобы исправить, чтобы улучшить нравственность способомъ неоскорбительнымъ и скромнымъ. Вотъ цѣль стихотворца! Я увѣренъ, что грознаго Ювенала при всей высотности, силѣ и справедливости мыслей ненавидѣли въ Римѣ; но съ Гораціемъ отъ доброй души смѣялись тѣ сами, которыхъ онъ осмѣивалъ. Кто ставитъ себя выше насъ, того мы чуждаемся, или не вѣримъ ему; кто съ нами равенъ, или старается во всемъ сравниться, того мы любимъ, и того скорѣе будемъ слушать. — Пусть возбуждаютъ стихотворцы въ насъ тѣ чувствованія, которыя намъ пріятны, которыя даютъ идею о благородствѣ, о нѣжности чувствованій нашихъ, о состраданіи, о добродѣтеляхъ, о нашихъ выгодахъ и удовольствіяхъ: тогда и сочиненія, и они сами будутъ намъ любезны. Отсюда извлечено правило, что ораторъ и стихотворецъ должны быть мужи чувствительные, нѣжные, добродѣтельные. Теплое чувство есть душа сочиненій.

Сіе чувство въ самой высокой своей степени называется энтузіазмомъ, вдохновеніемъ, восторгомъ. Это небесной огонь, которой конечно не всегда оживляетъ генія. Самъ великій

Гомеръ иногда засыпалъ. Въ Тассѣ и Мильтонѣ есть неровности, которыя показываютъ тяжесть работы, усталость или слабость. — Бываютъ минуты, когда душа, какъ будто воспламененная чудесною силою, живо видитъ предъ собою всю природу, даетъ новую прелесть всѣмъ окружающимъ ее предметамъ, означаетъ ихъ чертами, которыя насъ увлекаютъ и утѣшаютъ. Сіе-то состояніе души называется энтузиазмомъ художника: — слово, которое всякой разумѣетъ, и очень немногіе удовлетворительно определяютъ. — Иные говорили объ немъ въ энтузиазмѣ, и потому не сказали намъ ничего яснаго. — Это видѣніе небесное, внушеніе божества, духъ пророческій; это упоеніе, восторгъ, радость смѣшанная съ ужасомъ, съ удивленіемъ въ присутствіи существа, или предмета необыкновеннаго! — Такъ часто восклицаютъ предъ нами вдохновенные таинственники Аполлона... Разсмотримъ энтузиазмъ художника съ философскимъ равнодушіемъ.

Божество, одушевляющее великихъ писателей, когда они сочиняютъ, подобно тому, которое воспламеняетъ война въ жару сраженія. *Sua cuique deus fit dira cupido*, — говоритъ Virgilii. Въ войнахъ — сей богъ есть смѣлость, отвага, воспламеняемая самыми ужасами предстоящей опасности. Въ писателяхъ — сей богъ есть великія усилія собственнаго ихъ генія, обильное воображеніе, сердце, исполненное огня благороднаго, которое быстро и легко воспламеняется при видѣ великихъ предметовъ. Сіи необыкновенныя души принимаютъ сильныя впечатленія, и сами еще болѣе усиливаютъ ихъ въ себѣ, сообщая имъ новой характеръ, пріятность и разительность. — Вотъ начало и основаніе энтузиазма. Очевидно, каковы должны быть его слѣдствія въ искусствахъ подражающихъ природѣ. — Сперва отличите энтузиазмъ художника отъ обыкновеннаго дѣйствія страстей, свойственныхъ всѣмъ. Вы изволите сердиться, плакать, отчаяваться, по случаю какой-нибудь существенной потери или неудачи — это другое. Энтузиазмъ художника происходитъ отъ живаго представленія изобрѣтеннаго имъ же самимъ предмета во всемъ его совершенствѣ, — отъ образа, мечты, сотворенной нашимъ воображеніемъ и плѣнившей наше сердце, или по крайней мѣрѣ отъ представленія существующаго предмета, но одѣяннаго, расположеннаго, удачно дѣйствующаго по тѣмъ видамъ, которые имѣю. — Зевксисъ изъ множества видѣнныхъ имъ красотъ составилъ одну совершеннѣйшую: — онъ ее представилъ живо. Огонь его воспламеняется; онъ забылся, и думаетъ что картина дышетъ: его душа переходитъ вся въ предметъ, имъ сотворенной; онъ Пигмалионъ, оживляющій свою Галатею. Такъ гений стихотворца попеременно бываетъ Дмитрий Донской, Шуйской, Ксенія, Рославъ; онъ въ баснѣ то волкъ, то лисица, то заяць. — Занятъ ли онъ высокими предметами: предъ очами его очарованными преклоняются небеса, столпы міра упадаютъ подъ стопами Предвѣчнаго, море убѣгаетъ, горы трепещутъ радостію. Юпитеръ подвинулъ своею главою, и движеніе главы безсмертной потрясло вселенную. —

Вотъ энтузиазмъ стихотворной, вотъ вдохновеніе художника! — Это есть внутреннее самоувѣреніе, что я не я, но то лице, которое описываю; что я въ самомъ дѣлѣ нахожусь тамъ, гдѣ себя представляю въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ тѣхъ выгодахъ и невыгодахъ, въ счастіи и несчастіи, которыя принадлежатъ лицу, мною выводимому на сцену: такъ поступаю, дѣйствую, говорю, какъ ему только прилично. — Къ какому роду поэзіи не принаровили вы сего определенія энтузиазма, вездѣ будетъ оно справедливо. Сей талантъ располагать самимъ собою есть конечно даръ врожденной; но онъ очень много образуется обращеніемъ съ людьми, изученіемъ природы и образцовъ искусства. Это наука цѣлой жизни; но и того не довольно: онъ предполагаетъ особливую чувствительность, гибкость, дѣятельность души, которыя свойства даетъ намъ только природа. Совсѣмъ ненужно испытать самому всѣ страсти, любовь, отчаяніе, гнѣвъ и проч. для того чтобы знать, какъ ихъ выразить; довольно имѣть въ сердцѣ это начало дѣятельности, гибкости, способности превращаться во всѣ лица, во всѣ положенія. — Доброй, нѣжной Расинъ не былъ ни лютымъ Нерономъ, ни низкимъ и злобнымъ Нарциссомъ, и при всемъ томъ душа его была на несколько минутъ душою и Нарцисса и Нерона. Не уже ли Сумароковъ могъ въ самомъ себѣ питать столь злобное чувство, какое далъ онъ Дмитрію Самозванцу:

Поди душа во адъ, и буди вѣчно плѣнна,
Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна! !

Озеровъ былъ совершенно Фингалъ, когда сказалъ онъ:

Я здѣсь не въ первой разъ,

И совершенно Едипъ въ сценѣ укорительной съ Полиникомъ, также въ прекрасномъ словѣ:

Ахъ!... я Едипъ! —

И совершенно Тезей — въ сильномъ и благородномъ отвѣтѣ Креону на вопросъ: Кто оградишь тебя? — Мои дѣла.

Я бы представилъ охотно подобныя сильныя мѣста изъ трагедіи Росслава; — но можно ли подумать, что Княжнинъ чувствовалъ возвышенную характеръ сего Героя, когда онъ въ одной сценѣ его съ Христіерномъ помѣстилъ почти все высокія слова Корнеля и Вольтера! — Переводить можно. Но надобно чувствовать, надобно знать ходъ и порывы сердца человеческого; знать, что оно не способно выдержать столь многихъ усилий вдругъ, какія даетъ ему переводчикъ со всею холодностію своего сердца. — Для такихъ восторговъ есть особенныя минуты и случаи. Часто, желая сдѣлать героя болѣе, мы дѣлаемъ его уродомъ. Энтузиазмъ любви, удивленія къ Монархинѣ дышетъ въ одахъ Ломоносова, хотя онъ и не свободенъ отъ нѣкоторыхъ падений. Послушайте Державина:

Музы Богиня удалилась,
Изъ Петрополя сокрылась,
Матерь отъ своихъ дѣтей;
Солнцу красному подобно,
Щастье кажется народно
Укатилось за ней.
Пусты дома, пусты рощи,
Пустота у насъ въ сердцахъ.
Какъ среди глубокой ноши
Дремлетъ тишина въ лѣсахъ,
Такъ съ тобою въ разлученіи
Скорбью мы помрачены;
Лишь о насъ твои раченіи
Оживленье сей страны.
Мы уставы получаемъ,
Вновь блаженство почерпаем
Отъ премудрости твоей;
Но оно съ тобою намъ краше!
Возвратись свѣтило наше,
Возвратися къ намъ скорѣй! и проч.

Вотъ какъ изливается изъ сердца истинное чувство! — И такъ энтузиазмъ художника не есть быстрый, слѣпой восторгъ, случайностію, пылкію произведенный, и пылкію управляемый; но самая страсть дѣйствительная, представленная во всей ея простотѣ и вѣрности. — Гомеръ былъ совершенно Приамомъ, когда заставилъ его говорить при ногахъ Ахиллеса: «Я гораздо его несчастнѣе (то есть Пелея отца Ахиллесова). Послѣ столь многихъ бѣдствій жестокая судьба заставляетъ меня сдѣлать то, чего ни одинъ смертный прежде меня недѣлалъ:

я долженъ облобызать руку, омытую кровію моего сына.» — Всѣ сіи слова очень просты, потому что взяты совершенно изъ природы. Но дабы изобразить сію картину, мало того чтобы имѣть ее предъ глазами; надобно имѣть ее въ своемъ сердцѣ.

Энтузиазмъ столь необходимъ для поэта, что нѣкоторые почитали его существомъ поэзіи. — И конечно, не можетъ быть ни одного живаго и вѣрнаго подражанія, если стихотворецъ самъ не очарованъ, то есть, если онъ не видитъ того; что онъ живописуетъ, не чувствуетъ что выражаетъ. Это правило вѣрно даже в разсужденіи стихотворца — переводчика; онъ долженъ быть въ энтузиазмѣ таковомъ же, какъ его Авторъ: въ противномъ случаѣ можетъ перевести только слова, а не мысли и чувства. — «Какъ близко переведено! слово въ слово!» кричатъ всеобщіе хвалители. — Чтожъ въ етомъ достоинства, когда въ сихъ словахъ насильно, какъ на убой притащенныхъ, худо связанныхъ между собою, изуродованныхъ какъ будто послѣ взаимнаго смертнаго поединка, нѣтъ ни природы, ни легкости, ни свободы: вѣриѣйшихъ признаковъ очарованія, чувства, изступленія! — Переводчикъ борется со своимъ Авторомъ, и старается превзойти его въ нѣжности и чувствительности сердца... Но я отступилъ отъ матеріи; признаюсь, не могу утерпѣть, когда дѣло касается до нѣкоторыхъ всеобщихъ предразсудковъ, вредныхъ нашей словесности. — И такъ надобно быть очаровану, чтобы вѣрно и живо подражать; но есть сочиненія легкія, тихія, спокойныя, которыя, кажется, чужды всякаго необыкновеннаго волненія души; а потому, говорятъ, энтузиазмъ и не составляетъ существеннаго свойства поэзіи. По крайней мѣрѣ надобно допустить, что онъ можетъ быть разныхъ родовъ по существу предметов, и по отношенію ихъ къ намъ: или страстной, или умѣренной, или тихой. — Державинъ въ одахъ своихъ на смерть Перфильева къ сосѣду, или на смерть Бецкаго, и во многихъ другихъ философскихъ своихъ сочиненіяхъ совершенно исполненъ своего предмета; но сіи пѣснопѣнія не имѣютъ ни тѣхъ порывовъ, ни той стремительности, какъ другія торжественныя. Если отказать симъ твореніямъ въ энтузиазмѣ, то должно отказать въ немъ и славной, можетъ быть единственной сценѣ въ своемъ родѣ, въ которой Катонъ, имѣя предъ очами мечъ для пораженія самаго себя, одинъ, въ сумракѣ ночи, разсуждаетъ о смерти, за минуту вѣрнаго ея пришествія. Неутверждая, неотвергая сего точно, могу предложить только то въ осторожность молодымъ писателямъ, что самой сильной энтузиазмъ подверженъ строжайшимъ правиламъ: одно слово недостающее или излишнее разрушаетъ очарованіе.

Кто же сей распорядитель и мѣритель нашихъ мыслей и чувствований? — Конечно, сердце наше, или вкусъ утонченный, здравый. Но поелику вкусъ, какъ послѣ буду имѣть честь предложить вамъ, очень много заимствуетъ отъ образованія ума, отъ высшихъ нашихъ способностей, то съ позволенія вашего, Мм. Гг., на нихъ теперь осмѣлюсь обратить благосклонное ваше вниманіе. —

Къ высшимъ способностямъ души принадлежатъ силы ея: — разумъ, разсудокъ, и умъ. Сіи способности въ твореніяхъ вкуса также не остаются безъ дѣятельности, если токмо позволяютъ это существо и цѣль сочиненій. Разумъ заблаговременно предвидитъ, какое впечатленіе должны произвести тѣ или другіе предметы; разсудокъ обнаруживаетъ себя чрезъ сравненіе отношеній между многими предметами и ихъ дѣйствіями, замѣчая, въ чемъ они сходны, и въ чемъ отличны; умъ наконецъ испытуетъ отношенія между многими истинами, и выводитъ оттуда новые положенія и слѣдствія. Сіи дары природы нужны не только для того, кто самъ обрабатываетъ изящныя искусства и науки, но также и для тѣхъ, которые хотятъ быть судіями изящныхъ твореній, и наслаждаться ими. Разсудокъ заключаетъ въ себѣ двѣ особливныя способности, необходимо нужныя для каждаго художника, — остроуміе и проницательность. Та и другая сравниваютъ отношенія между предметами и ихъ свойствами, но не одинакимъ образомъ. — Остроуміе находитъ сходства; проницательность видитъ различія. Остроумный философъ нашелъ сходство между янтаремъ, погребеннымъ на днѣ моря, и между молніею, раждающей въ выпренихъ предѣлахъ небесъ; остроумный поетъ видитъ сходство между богачемъ всего желающимъ, и бѣднымъ, ни въ чемъ неимѣющимъ нужды; между правителемъ народа и часовымъ, которой стоитъ вѣчно на часахъ; между властію и рабствомъ; между душею скупаго и металломъ,

которое хранить онъ. — Проницательность видить тайныя несходства между словами хитрѣйшаго льстеца и его сердцемъ. Остроуміе показываетъ тѣмъ болѣе своей силы и тонкости, чѣмъ разнообразіе, богатѣе и занимательнѣе сходства имъ замѣченныя, и чѣмъ различнѣе предметъ, на которые оно обратило взоръ свой. Проницательность напротивъ тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ болѣе предметы другъ на друга похожи.

Поезія не всегда живописуетъ. — Бываютъ случаи, что она принимаетъ или простой и благородной слогъ исторіи, или быстрой и умѣренной краснорѣчія, или ясной и точной философіи. Не все въ поемѣ образъ и чувство: часто мысль сіяетъ одна и собственнымъ своимъ блескомъ; ибо надобно помнить всегда, что всякой образъ есть только украшеніе, а не сущность. Даже и тогда, когда мысль озарена воображеніемъ, или оживлена чувствомъ, — даже и тогда поражаетъ она тѣмъ болѣе, чѣмъ плодовитѣе, чѣмъ болѣе предполагаетъ ума, тонкости, силы, чѣмъ новѣе въ связяхъ и отношеніяхъ. — И такъ умъ глубокой, дальновидной столь же много свойственъ поэту, какъ философу, историку и оратору.

Свойства ума различны; каждое изъ нихъ господствуетъ въ какомъ нибудь одномъ родѣ поезіи. — Напр. тонкость принадлежитъ эпиграммѣ; нѣжность элегіи, мадригалу; легкость письму; точность и сила сатирѣ; простота баснѣ; возвышеніе одѣ, трагедіи, епосѣ.

Есть роды, которые требуютъ въ поетѣ многихъ качествъ, вмѣстѣ соединенныхъ. — Острота, проницательность, сила, глубокомысліе, легкость, живость, тонкость, должны составлять талантъ писателя комедіи; напротивъ возвышенность, глубокомысліе и точность достаточны для трагедіи: но она все затемняетъ страстями, которыхъ неизмѣтъ комедія въ равной силѣ.

Представьте, что поетъ намѣренъ писать Поему эпическую: Россиаду, Владимира, или Петриаду. — Онъ долженъ смотрѣть на природу, или на весь міръ, если смѣю сказать, также, какъ взираетъ на него Существо высочайшее. Онъ долженъ обнимать ее однимъ взглядомъ. — Природа имѣетъ свою систему постоянную, свои законы непреложные: всякая вещь связана одна съ другою: всѣ въ отношеніяхъ взаимныхъ, все движется и дѣйствуетъ. Сію-то систему, сей порядокъ и стройность, сію вселенную, небо, землю и адъ переноситъ онъ въ міръ, имъ созидаемой. — Мѣсто, мѣра, дѣйствіе: все должно быть соблюдено. — Какое изученіе природы, какія размышленія, какой творческой умъ предполагается въ такомъ писателѣ! — Составленіе цѣлаго, частей его, безчисленныя подробности, все, устремленное къ одной цѣли, все поддерживающее, украшающее, возвышающее предметъ стихотворца въ безчисленныхъ его измѣненіяхъ, — все царство природы нравственной и физической: — о! для етаго потребенъ умъ всеобъемлющій, божественный. — Гомеръ былъ философъ, политикъ, іеологъ, естества испытатель великій. — Оттолѣ сіе разнообразіе неизчерпаемое въ видахъ, въ характерахъ, въ дѣйствіяхъ; — оттолѣ сія чудесная точность и вѣрность въ подражаніи! — Его поема не подражаніе, но самая природа во всемъ величествѣ и красотѣ своей! И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, живописать, не зная, что внѣ насъ и внутри насъ находится? — Если предметъ каждаго сочиненія есть убежденіе, искусство преклонитъ читателя или слушателя къ моимъ чувствамъ, къ моимъ видамъ; то можно ли достигнуть етаго, не зная вѣрнѣйшаго пути къ сердцу, его слабостей, его желаній, переходовъ, измѣненій въ чувствахъ, не зная свойства предметовъ, о которыхъ я долженъ говорить? — Умъ ясной и мудрой, испытующій правила природы и средства искусства, есть одинъ и тотъ же умъ для философа, для поэта.

Искусство мыслить, ключъ къ искусству сочинять.

Какъ пріятно встрѣчать въ твореніяхъ Державина, между прелестями живописи тѣ сильныя, разительныя черты нравоученія, свѣтской мудрости, которыя почерпнулъ онъ изъ познанія Двора и людей! — Какъ пріятно видѣть въ немъ вмѣстѣ живописца природы и учителя нравовъ!

Скажутъ: слишкомъ ученый стихотворецъ бываетъ рабомъ своей учености. Защищающіе собственные свои недостатки вопіютъ: ученье связываетъ крылья генію. — Онъ не можетъ нравиться, кричитъ селадонъ-стихотворецъ. — Онъ пустится въ мрачныя области Метафизики; онъ поведетъ насъ по узкой, бесплодной тропинкѣ Логики, по песку, гдѣ нѣтъ ни лилей, ни ландышей, гдѣ не шумятъ задумчивыя деревья меланхоліи, гдѣ не благоухаютъ розы, гдѣ даже

нѣтъ ни одного кладбища, ни милыхъ и страшныхъ привидѣній... Утѣшьтеся, милостивые государи! утѣшьтеся, томные сыны мечтаний! онъ поведетъ васъ вездѣ, куда угодно. — Та же Логика, которой вы не изволите жаловать, внушитъ ему слѣдующее правило: здравой умъ устремляется по разнымъ наклоненіямъ, сообразно своимъ намѣреніямъ: ты хочешь нравиться, употребляй всѣ возможные способы для возбужденія чувства удовольствія. — Слѣдуя сему правилу, возраститъ онъ ваши лилеи и ландыши, и роши меланхолическія, и замки Феины. — Такимъ образомъ будутъ и въ его стихахъ ворковать горлицы, голубки цѣловаться: но только съ тѣмъ различіемъ, что все будетъ, и въ своей мѣрѣ, и въ своемъ мѣстѣ! — Одна истина прекрасна, сказалъ Боало. Правила разсудка, по словамъ Платона, не цѣпи, которыя насъ связываютъ, но крылья возносящія насъ къ небесамъ. Истинная свобода состоитъ въ томъ, чтобъ покоряться однимъ только законамъ справедливости.

Кромѣ сихъ талантовъ, — и собственной характеръ сочинителя имѣетъ великое вліяніе на его твореніе. — Любопытно знать, съ какой стороны смотритъ онъ на описываемые имъ предметы, какой ходъ, или направленіе имѣла его вообразительная сила, какова собственная его нравственность. — Читая сочиненіе, я влекусь сердцемъ своимъ къ самому сочинителю, — хочу повѣрить его слова собственными его поступками. Только тотъ достигнетъ надлежащей степени совершенства въ искусствахъ, кто соединилъ въ себѣ здравой разумъ и доброе сердце. Его ожидаетъ двоякая награда: слава писателя и всеобщая любовь сердець просвѣщенныхъ.

О гении, объ изученіи поэта, о высокомъ и прекрасномъ¹

* * *

Въ предыдущемъ Читеніи имѣлъ я честь предложить Вамъ, милостивые государи, мнѣнія свои о вкусѣ, — въ его образованіи, въ его возможной степени совершенства, въ его измѣненіяхъ. — Мое намѣреніе было доказать, что вкусъ, при всѣхъ прихотяхъ своенравія, непостоянствѣ и уклоненіяхъ, существуетъ одинъ, и лучшій; что онъ, какъ врожденная способность, управляемая разсудкомъ, не смотря на время и заблужденія, рано или поздно, возвращается въ объятія своей матери — Природы, рано или поздно, покоряется тѣмъ законамъ, которые она ему предназначала. Вѣки и народы это доказываютъ. — Сіе разсужденіе конечно отвлеченно и сухо; но я долженъ былъ его себѣ позволить, подкрѣпленный надеждою на благосклонное ваше вниманіе, и въ то же время убѣжденный необходимостію углубиться нѣсколько подробнѣе въ предметъ сей. Ибо если вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, достигнувшихъ уже золотого вѣка своей словесности, неоднократно подверженъ былъ столь страннымъ отступленіямъ и перемѣнамъ: то что же онъ долженъ быть у насъ, когда словесныя науки, а особливо ихъ теорія въ первомъ еще своемъ возрастѣ; когда языкъ не имѣетъ своей опредѣленности, а словесность, при множествѣ превосходныхъ образцовъ, теоріи постоянной и прочной, такой, которая пользовалась бы всеобщимъ довѣріемъ! — Куда можетъ быть завлеченъ вкусъ, когда и въ наше время есть писатели драмъ, которые не вѣрятъ, что существуютъ для драмы правила, и писатели басенъ, которые презираютъ путь освященный Федрами, Лафонтенами и Дмитріевыми? Надобно, чтобы великіе гении и теорія искусства остановили волненія вкуса, точно также, какъ явившееся изъ мрака туч солнце усмиряетъ бури и возвращаетъ тишину и великолѣпіе Природѣ.

Въ мерцаніи утренней зари, въ нѣдрахъ питающаго душу уединенія, въ часы мечтаній божественныхъ, является Истина избранному любимцу своему, Генію. Она беретъ его за руку, и возноситъ его въ горня: тамъ съ высоты блистательной показываетъ ему цѣлую вселенную, міръ² нравственной и физической; вотъ твоя художественная храмина, говоритъ она ему; познай твое призваніе. — Обозри ее отселѣ со мною, чуждый еще³ оковъ, налагаемыхъ обычаями и нравами, обними ее дѣвственною душою, незараженою предразсудками, вникни во внутренность сея дивныя машины, познай сложность ея, отношенія частей и всеобщее согласіе. — И теперь избери стезю свою, кратчайшую во благо существъ нравственныхъ: ты свободенъ: назначь ее, укрѣпись и шествуй стопою постоянною!⁴ Терпѣніе и неутомимость будутъ твоими спутниками! — Тамъ, на стражѣ міра, встрѣтитъ тебя злобная Зависть, ожидающая твоего появленія. Ей дана власть возмущать покой твой, да никогда почіешь ты на своихъ лаврахъ, да не ослабнуть усилія твои, обольщенные успѣхами, да не вознадѣешься на себя болѣе нежели сколько потребно; это пѣтель, долженствующій возбуждать тебя на работу; это непріятель, часто полезнѣйшій самаго друга; — огонь очистительной, которой снѣдая, уничтожая себя самаго, озаряетъ тебя свѣтомъ и окружаетъ теплою. — Тебѣ встрѣтятся повсюду препоны, ужасы, несчастія: онѣ должны воспламенять духъ твой; онѣ — утвержденіе твоего характера; онѣ воскресить тебя, онѣ противъ своей воли окружать тебя зарями чистой и прочной славы. И что безъ нихъ путь твой? — Стезя темнаго пресмыканія, которую проложили боязнь и слабость, на которой шатается нѣга и почіеть праздность, — стезя къ туманному блату забвенія! — Шествуй стезею труда и дѣятельности: — безсмертіе тебя ожидаетъ! — Такъ вѣщаетъ Истина избранному, прикасается

¹ «Вестникъ Европы», ч. LXVI, № 21–22, с. 24–91.

² Чернилами дописано: весь.

³ Слово зачеркнуто чернилами.

⁴ Чернилами сбоку дописано: дорогой свободной.

къ челу его божественнымъ своимъ пламенникомъ, благословляетъ; — и Геній, подобно звѣздѣ отъ небесъ падающей, подобно орлу стремящемуся отъ солнца на свою добычу, ниспускается въ глубину сего міра, и стоитъ на своемъ мѣстѣ. Но сіе мѣсто гораздо уже далѣе мѣстъ, занимаемыхъ обыкновенными людьми, которые давно уже начали свое поприще. — Се юный Петръ! се юный Суворовъ! се юный Ломоносовъ, юный Державинъ! — се исполнѣтъ, готовящійся теши путь свой! — Облеченный въ порфиру, — онъ творитъ образование народа, разсѣваетъ мраки невѣжества, даетъ законы, вѣру, устройство, жизнь отечеству. — Онъ дѣйствуетъ какъ Богъ, окруженный облакомъ таинственнымъ: — невидимъ, но блистанія молній и волненіе бездны являютъ его присутствіе до тѣхъ поръ, пока хаосъ не содѣлается міромъ. Онъ полководецъ — и неприятель трепещетъ его, какъ всепроникающаго, вездѣ присутствующаго чародѣя. — Шаги его необыкновенны, образъ дѣйствія новой. Онъ предводитъ новыми душами, онъ — особенной въ оружіи, въ битвѣ, въ побѣдѣ, и послѣ побѣды; — желѣзные холмы Требиі упадаютъ, и Сен-Готардъ дымится! и сѣверной орелъ свиваетъ гнѣздо свое на облачныхъ Альпахъ. — Онъ политикъ, — и вѣсы спорящихъ могуществъ стоятъ равномѣрны, разногласіе производитъ согласіе; буря страстей превращается въ попутной вѣтръ ко пристани спокойствія и славы; мечъ уснулъ въ ножнахъ своихъ: перо ратуетъ и обвивается безсмертною пальмою. — Онъ пѣтъ; — внявъ своему призванію, подобно Геркулесу въ колыбели, разрываетъ змѣевъ, обвивающихся около его тѣла; бѣдность, мрачная униженность состоянія, отдаленность, робость не могутъ заглушить сего внутренняго гласа: — изъ лѣсовъ Холмогорскихъ, отъ рыбацкѣй лодки, отрокъ изнуренный, безъ хлѣба, безъ помощи, бѣжитъ онъ туда, гдѣ улыбается ему благопріятствующая звѣзда просвѣщенія: оставилъ родныхъ, семейство, всѣ другія выгоды жизни: вотъ Геній Ломоносовъ! — И вскорѣ увидѣли его въ лучезарномъ свѣтѣ. — Онъ даетъ языкъ, котораго мы не имѣли; даетъ правила и образцы краснорѣчія и поэзіи; онъ отнимаетъ поношеніе отъ Академіи, въ которой до сихъ поръ не было еще Россійскаго Профессора; углубляется въ науки основательныя, и споритъ съ Франклиномъ о томъ, кто изъ нихъ прежде обезоружитъ громоноснаго Юпитера. — Обратился къ солнцу, — и раздробляетъ цвѣты съ Невтономъ, раздробляетъ стихіи существъ, и составляетъ мозаики: вотъ изображеніе истиннаго Генія. По обыкновенному ходу природы надлежало бы подумать, что прежде Ломоносова цѣлой вѣкѣ, или болѣе уже существовали науки въ Россіи: языкъ обогащенъ, опредѣленъ, и были уже стихотворцы лирическіе, оставившіе назидательной для него примѣръ. По крайней мѣрѣ должно бы помыслить, что публика была на такой степени образованности, что могла быть его учителемъ и судіею. — Со всѣмъ напротивъ. Рожденный среди невѣжества, гонимый своимъ жребіемъ и неприятелями, онъ нерѣдко встрѣчалъ или непонимающихъ его, или злобствующихъ. — Онъ явился въ міръ, какъ бы съ готовымъ запасомъ прочнѣйшихъ опытовъ; отъ рыболовной мрежи, отъ крилоса сельской церкви, шагнулъ въ Академію, потекъ своимъ путемъ, увлекъ за собою націю. Труды его многообразны, безчисленны, безсмертны. И ето все сдѣлалъ одинъ человекъ, умершій на 52 году жизни!

Таковъ характеръ истиннаго Генія! —

Онъ неозначаетъ особенной, одной какой нибудь способности ума; но заключаетъ ихъ всѣ, и имѣетъ силу дѣйствовать ими со всею быстротою, легкостію и благоразуміемъ; Геній знаменуетъ не одни только таланты врожденные, но вмѣстѣ все то, что сіи таланты могутъ получить отъ образованія, просвѣщенія того вѣка, который онъ озаряетъ собою. — Признаки его: непреодолимое стремленіе, или лучше, влеченіе самихъ Небесъ къ той наукѣ, которую совершенствовать суждено ему; — страсть пламенная къ трудамъ, острота ума, все объемлющая скоро и быстро, присутствіе духа, необыкновенныя духовныя и тѣлесныя силы.

Хотите ли сравнить его съ талантомъ? — Вотъ разность: талантъ есть особенное расположеніе и привычка?> человека успѣтъ въ какомъ нибудь искусствѣ; онъ есть способность, дающая предметамъ образъ, ободряемый искусствомъ, удовлетворяющій вкусу: порядокъ, ясность, легкость, красоту, исправность, приятность. — Геній есть какъ бы нѣкое вдохновеніе частое, но временное; ибо выше природы человѣческой было бы его непрерывное постоянство и ровность.

— Онъ творить. — Человѣкъ съ гениемъ возвышается и упадаетъ попеременно, по мѣрѣ того какъ его живить и оставляетъ вдохновеніе; онъ иногда бываетъ не разборчивъ, не исправенъ: потому что, увлекаемый своей силою, нигдѣ не можетъ остановиться и совершенствовать себя. — Онъ великъ во всемъ великомъ, какъ въ собственной своей сферѣ, и небреженъ въ вещахъ обыкновенныхъ, поелику они его ниже, и не трогаютъ. — Но восхощетъ рѣшиться, и имъ доставляетъ новыя красоты, новое обиліе. Терпѣливое вниманіе, устремленное имъ на одинъ предметъ, даетъ сему послѣднему жизнь и красоту: это солнце, оплодотворяющее ниву, и золото, сокрытое въ горѣ кремнистой. — Въ наше время, въ нашемъ Отеествѣ, мы имѣемъ отличнаго генія поэзіи, которой, оканчивая свое поприще, въ вечеру своей жизни неперестаетъ удивлять насъ своими твореніями. Что можно сдѣлать изъ описанія Ласточки, Павлина, и другихъ обыкновенныхъ предметовъ? — Но предметы сіи обновляются подъ рукою любимаца Музы.

Одинъ живописецъ имѣлъ у себя двухъ учениковъ; картины одного почти не поправлялъ: онѣ были исправны, въ нихъ сохранены были всѣ возможныя приличія и отношенія цвѣтовъ и тѣней; другаго картины мараль, перечищаль, поправлялъ; но всегда съ большимъ удовольствіемъ, съ особеннымъ жаромъ, и всегда осыпалъ его похвалами. — Что это значить? наконецъ вышедши изъ терпѣнія, спрашиваетъ первой: ты у меня не находишь, что поправить, но всегда ко мнѣ равнодушенъ и никогда не хвалишь; картины моего товарища стоятъ тебѣ великаго труда, но ты ими восхищаешься! — Твои картины исправны, отвѣчалъ учитель; но ты держишь въ оковахъ мое воображеніе; его не исправны, но всегда воспаляютъ меня, чертами новыми и рѣзкими. — Я вижу болѣе нежели сколько онъ представляетъ; я наслаждаюсь ими, и не могу разстаться. — Вотъ талантъ! вотъ геній!

Гомеръ, Мильтонъ, Шакеспиръ, Ломоносовъ, и другіе имъ подобные иногда падаютъ, иногда засыпаютъ: но за то каково ихъ пробужденіе! Такъ пробуждаются львы къ отважнѣйшимъ новымъ подвигамъ и побѣдамъ.

Сравните творенія великаго генія и произведенія таланта. Сей послѣдній обладаетъ искусствомъ и даетъ образъ: геній изобрѣтаетъ и даетъ существо; заслуга одного — въ тщательной разборчивости, другаго въ вымыслахъ: одинъ великъ въ подробностяхъ, другой въ составѣ цѣлаго. — Человѣкъ съ талантомъ думаетъ и пишетъ обыкновенное, всѣми повторяемое, но гораздо болѣе украшенное, и съ лучшимъ вкусомъ расположенное. Человѣкъ съ гениемъ напротивъ того имѣетъ свой собственной способъ видѣть, мыслить и чувствовать. — Читая оду Горация, или Державина, видишь что-то новое — имъ принадлежащее, въ ходѣ мыслей, въ порядкѣ, въ расположеніи, въ слогѣ, въ самыхъ словахъ, сказать болѣе — въ самыхъ погрѣшностяхъ. — Ни кто прежде такъ не думалъ! никто прежде не изъяснялся! — Одинъ токмо планъ оды — есть уже дѣло генія: и въ одномъ планѣ, необлеченномъ предметомъ видна уже поэзія. —

Если геній живописуетъ характеры, ихъ разительныя отличія, ихъ удивительную силу: тогда вы видите Ахиллесовъ, Аяковъ, Діомидовъ, Агамемноновъ; если онъ соединяетъ ихъ вмѣстѣ по взаимнымъ стремленіямъ выгодъ или въ противоположности страстей ихъ: какой великолѣпной міръ въ чудесномъ своемъ дѣйствіи! — Въ подробностяхъ похищаетъ геній у природы тайны, которыхъ никому другому она неповѣряла; онъ проникаетъ въ наше сердце, прежде нежели мы сами въ него проникнемъ, открываетъ намъ насъ самихъ, и мы чувствуемъ, что онъ понялъ насъ совершенно вѣрно. Обыкновенные люди часто смотрятъ и не видятъ; геній видитъ чрезвычайно быстро, и почти не смотря. — Самой извѣстной предметъ, многими уже описанный, истощенный, при его воззрѣніи оплодотворяется снова, и дѣлается обильнымъ.

Были великіе, необыкновенные мужи, въ которыхъ геній соединялся съ великимъ талантомъ; подъ симъ послѣднимъ я всегда разумѣю болѣе даръ искусства. — Такое счастливое соединеніе избавляетъ писателя отъ грубыхъ неровностей и несовершенствъ: упадки Генія замѣняются талантомъ; когда одинъ засыпаетъ, другой бодрствуетъ; когда одинъ небреженъ и безпеченъ, другой совершенствуетъ свое твореніе: дѣйствіе таланта столь очаровательно, что съ перваго

разу не примѣтишь отсутствія генія; кажется вездѣ онъ одинъ работаетъ. Геній старѣется, талантъ можетъ безпрестанно возрастать: когда одинъ, подобно солнцу, утопающему въ западныхъ облакахъ, слабѣетъ подѣ вечеръ жизни; другой въ то время, подобно лунѣ восходящей на восточной сторонѣ неба, старается занять его должность, хотя и хладнымъ, но приятнымъ сіяніемъ. — Въ стихахъ устарѣвшаго генія примѣтны повторенія собственныхъ старыхъ красотъ, нѣкоторая слабость и небрежность въ слогѣ: онъ, кажется, отдыхаетъ на своихъ лаврахъ. — Усталый Поетъ съ талантомъ до конца жизни пишетъ равно гладкіе, равно благородные, чистые стихи, всегда съ одинаковою легкостію и исправностію. Вкусъ долженъ слѣдовать по стопамъ генія, долженъ раздѣлять съ нимъ его работы: — это помощникъ живописца, приготовляющій иногда для него краски, иногда сливающій тѣни, а иногда доканчивающій и поправляющій картину. — Нѣкоторые вкусъ и геній почитаютъ за одно дарованіе; однако они совершенно различны. — Есть люди, которые имѣютъ великой вкусъ въ музыкѣ, въ поэзіи, въ живописи; но не могутъ ничего произвести собственнаго: — судить и творить, два дѣла совершенно разные. Впрочемъ вкусъ долженъ быть всегда собственностію генія: онъ гораздо ниже его; ибо Геній не ограничивается однимъ прекраснымъ, встрѣчаемымъ въ области природы; онъ созидаетъ новыя красоты, способныя поражать наше воображеніе и чувство. Вкусъ можетъ образовать хорошаго критика; потребенъ геній для того, чтобъ быть великимъ ораторомъ и стихотворцомъ. Представимъ себѣ вѣрнаго друга, остерегающаго насъ на пути жизни, въ обращеніи, въ приличіяхъ, удерживающаго наши страсти, наши излишнія стремленія, возбуждающаго насъ ко всему благородному. То же самое вкусъ въ отношеніи къ генію. — Геній Державина иногда самовластвуетъ, будучи увлеченъ пламеннымъ своимъ воображеніемъ: но развѣ читатель и самъ не увлекается, при воззрѣніи на его прекрасныя картины! Въ такомъ случаѣ трудно и примѣтить отлучеловѣку<?> вкуса.

Есть геній математической, политической, военной: — такъ называется онъ по предметамъ, которые избралъ своимъ занятіемъ. Есть геній въ работахъ совершенно механическихъ. Но вездѣ, во всѣхъ наукахъ и искусствахъ великіе Геніи рѣдки. Природа, кажется, готовится дѣлать вѣки для произведенія столь необыкновеннаго духа: она весьма экономна въ высокихъ дарахъ своихъ. Еще не случилось, чтобы въ одномъ и томъ же человѣкѣ открылся геній музыки, математики, политики, поэзіи. — Успѣть совершенно можно только въ одномъ; устремившись за многими предметами, мы не достигаемъ своей цѣли: такъ называемые всеобщіе геніи были по большей части поверхностные. Тогда только является пламень отъ стекла зажигательнаго, когда всѣ лучи солнечные обращены будутъ въ одну точку. Это правило должно быть свято для всѣхъ молодыхъ писателей, которые, въ лѣта пылкости, кидаются стремительно на всѣ блистательные предметы, лестные для ихъ самолюбія. —

Такимъ образомъ мы обозрѣли врожденныя способности писателя. Много отъ него требуется; но это еще не все: дарованія безъ ученія, какъ земля необработанная, погибающая втунѣ. —

Я представляю, что вижу передъ собою святилище Истины, храмъ безсмертной, воздвигнутый Мнемозиною на высокой горѣ, прохлаждаемый росой небесною и источниками Иппокрены. Богиня возсѣдитъ на алмазномъ престолѣ, столь же неизмѣнномъ, какъ вѣчность; она окружена Музами и Геніями служебными, которые подносятъ ей сочиненія счастливейшихъ писателей, внимаютъ судъ ея, записываютъ уроки ея преподаваемые, и сообщаютъ ихъ смертнымъ. Преддверіе храма и переходы наполнены стихотворцами, ораторами, критиками, удостоенными благоволенія богини. — Всѣ они разбираютъ знаменитыя творенія древнихъ, хвалятъ, или обвиняютъ. — Положимъ что избранный молодой любимецъ Музъ, одаренный отъ природы всѣми потребными талантами, приведенъ къ подножію храма благодѣтельнымъ геніемъ любви или дружбы. — Непосвященные не входятъ, говорить онъ ему: ты долженъ быть испытанъ мудрецами, здѣсь водворенными; — съ симъ словомъ подводитъ его къ четверемъ почтеннымъ и сановитымъ мужамъ, которые, кажется, особливо были дружны между собою: это Аристотель, Гораций, Вида и Боало, оставившіе намъ драгоценныя правила о существѣ и духѣ поэзіи. Юноша принять былъ ими ласково. — Онъ объявилъ имъ свое призваніе, и первой изъ

четырёхъ, Аристотель спросилъ его важнымъ, но приятнымъ голосомъ: вѣдаетъ ли онъ, что было написано надъ вратами храма Дельфійскаго? — Познай самого себя. — Вотъ первое правило для стихотворца, продолжаетъ онъ; его повторилъ другъ мой Горацій въ книгѣ, которую всѣ желающіе вступить въ храмъ сей должны читать непременно.

Берите трудъ всегда не выше силъ своихъ,
Умѣйте разбирать, судить себя самихъ.

Презрѣніе къ сему правилу, особливо въ первые дни вашихъ занятій, влечетъ за собою пагубныя слѣдствія.

Если воображеніе ваше воспаляется при великихъ предметахъ природы и искусства; если сердце трогается скоро и сильно; если воображеніе и сердце дѣйствуютъ другъ на друга; если слухъ вашъ чувствителенъ къ нѣжнѣйшимъ оттѣнкамъ гармоніи, и вы живо наслаждаетесь красотами поэзіи; если душа ваша, восторженная при чтеніи великихъ образцовъ, чувствуетъ благородное соревнованіе за ними слѣдовать, созерцаетъ въ самой себѣ предметъ свой, какъ бы отразившимся въ зеркалѣ, въ новыхъ подробностяхъ, въ новыхъ цвѣтахъ, въ новыхъ отношеніяхъ безпрестанно, такъ сказать, растущихъ и умножающихся; — если вы чувствуете наконецъ безпокойное нетерпѣніе, нужду, сообщать мысли и чувства свои другимъ: то можете назвать себя поетомъ, и предаться изученіямъ, образующимъ талантъ свой! —

Доброй и мудрой другъ въ етомъ случаѣ скорѣе всего поможетъ, сказалъ Расинъ, держащій въ рукахъ своихъ Пинтику г-на Боало.

Позволимъ надъ собою мы другу посмѣяться,
Чтобъ послѣ никогда смѣшными не остаться! —

прибавилъ веселый Горацій.

Нужны правила, вопіялъ Сочинитель Телемахида, нужны однѣ правила, труды и раченіе. —

Правила конечно необходимы, говорилъ мужъ почтенный, стоящій подлѣ Аристотеля съ его Пинтикой. Онѣ приуготовляютъ искусство; но правила однѣ недостаточны. Стихотворецъ долженъ знать свое искусство, свои средства и матеріалъ, которой онъ обрабатываетъ. — Правила служатъ стихотворцу тѣмъ же, чѣмъ звѣзды небесныя служатъ мореплавателямъ. — Впрочемъ онъ прежде всего обязанъ обратиться на языкъ свой... «Что за правила! подхватилъ насмѣшливый Сумароковъ. Читай пофранцузски! — Французы учили за насъ правила. Пусть они ихъ учатъ; намъ довольно кроить по ихъ мѣркѣ; знаете ли вы, что я въ своемъ Сновидѣніи разбиралъ Французской театръ, и послалъ разборъ сей къ Вольтеру? — Сіе сновидѣніе составляетъ лучшее изъ моихъ ученыхъ разсужденій!» Всѣ поняли, что Сумароковъ смѣется надъ многими нынѣшними нашими молодыми писателями, — и Ломоносовъ началъ говорить:

Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійской, изобилуетъ всѣми красотами доброгласія, величествомъ, громкостію, нѣжностію и легкостію, столько же какъ языки древніе. — При всѣхъ усиліяхъ, посвященныхъ ему мною я едва вступилъ въ преддверіе поприща: — ето обширнѣйшее поле или едва предѣлы имѣющее море... Какъ жаль, что немногіе изъ моихъ соотечественниковъ обращаютъ вниманіе на языкъ свой! — Труды Шишкова почтенны; почему же не подражаютъ ему! помните, обратившись къ юношѣ продолжалъ онъ, что языкъ въ рукахъ стихотворца долженъ быть подобенъ воску и принимать такую форму, какую дать ему будетъ угодно. Измѣненія, оттѣнки стіля безчисленны, ихъ степени не постижимо различны. Вкусъ, быстрое, тонкое чувство изящнаго, вкусъ можетъ одинъ опредѣлить ихъ. — Къ тому присоединить должно силу ощущать нѣжно, разборчивость дальновидную, которая не всякому достается въ удѣлъ. — Вы вездѣ найдете правила о механизмѣ стіля, и обо всемъ томъ, что относится къ уму, чувству и слуху; но я напередъ скажу, что всѣ сіи правила безъ истиннаго

таланта могутъ произвести только бѣднаго, сухаго писателя. Живописецъ можетъ знать всѣ цвѣты; набросать ихъ не значить еще живописать.

Вступите въ преддверіе храма, сказалъ благодѣтельный Геній. Сами познайте сокровища, которыя даетъ вамъ Природа для подражанія.

Храмъ растворился: питомецъ Музъ вступаетъ въ нѣкоторую райскую обитель, или паче, въ самыя чертоги неба. — Блестательныя, неудобопереносимыя очамъ смертнаго, сіянія наполняли храмъ сей... Онъ, кажется, видитъ передъ собою вселенную: онъ чувствуетъ себя отдѣленнымъ только чрезъ одно облако отъ Существа высочайшаго. — Онъ, кажется, внимаеть слухомъ своимъ таинственную гармонию, которая движеть безчисленные шары!.. Солнца, какъ Серафимы, стройно парять вокругъ сего святилища; оно едино недвижимо во всеобщемъ движеніи, — возгремѣла небесная арфа, и онъ слышитъ гласъ Хераскова:

Всея вселенныя отверста красота
Есть вышняго руки единая черта;
Движеніе міровъ есть перста мановенье,
Дыханье тварей всѣхъ Господнее дхновенье;
Во славѣ искони Создатель пребывалъ,
Онъ Самъ въ Себѣ, Онъ Самъ единъ существовалъ;
Еще небесна твердь звѣздами не сіяла,
Но мудрость Божія вселенну озаряла;
Ни солнца не было, ни моря, ни земли,
Но Богъ смотрѣлъ на нихъ изъ вѣчности вдали;
Какъ зодчій предъ собой имѣя начертанье,
Объемлетъ разумомъ намѣренное зданье:
Такъ Богъ вселенну зрѣлъ, въ ней плавалъ какъ Творецъ,
Начало бытія Онъ видѣлъ и конецъ;
Все видѣлъ, вѣчными одѣянъ небесами,
Какъ наше бытіе мы ощущаемъ сами.

Такъ долженъ взирать ты на вселенную, вѣщаетъ Геній стихотворства. Зрѣлище природы, ея механизмъ, ея чудесныя явленія, ея средства: вотъ предметъ твоихъ занятій, — картина безконечная! — богатство неистощимое, разнообразіе несказанное, требующее изученія многихъ вѣковъ! — Но труды твои не суть труды испытателя, или астронома. — Наблюдающій ходъ природы опредѣляетъ движеніе тѣлъ небесныхъ и причину его. Ты живописуешь ихъ равновѣсіе, ихъ гармонию, ихъ измѣненія, подверженныя непреложнымъ законамъ необходимости: одинъ различаетъ безчисленные роды существъ организованныхъ, которые наполняютъ различные стихіи; ты рѣзцомъ пламеннымъ и быстрымъ изображаешь сію лѣствицу безконечную и непрерывную, гдѣ сливаются царства природы, гдѣ господствуетъ порядокъ постоянной и правильной, отъ самой той бездны, которая раздѣляетъ насъ съ ничтожествомъ, до другой, которою отдѣляешься ты отъ Существа высочайшаго. — Когда физикъ разбираетъ звукъ грома и свѣтъ, — Поеть гремитъ; въ его пѣсняхъ слышны сіи потрясающіе удары грома, сіи перекаты, которые отъ одной горы до другой, кажется, возвѣщаютъ паденіе міра и славу Бога. Онъ являетъ намъ блѣдный огонь молній, косвенными браздами разсѣкающій бездны мрака, отяготившаго сводъ небесной. — Одинъ хочетъ истолковать намъ дыханіе цвѣтовъ; другой творить его видимымъ, представляя Зефира, которой отрясаетъ крыла свои, окропленныя слезами Авроры и свѣжими благоуханіями утра. Одинъ учитъ природу для того чтобы знать ее, другой для того чтобы подражать ей; одинъ хочетъ изъяснить, другой живописать... Углубляйся и въ самыя таинственныя причины дѣйствій природы, не презирай и сего труда тебѣ собственно не принадлежащаго. — Истины философа, будучи облечены въ прелести вымысла, доставятъ новыя сокровища для подражанія!

Здѣсь Геній сдѣлалъ мановеніе, и зрѣлище переменилось... облако низпало, и онъ увидѣлъ самую Истину во всемъ ея величествѣ, окруженную Музами, Геніями и мудрецами!.. Онъ возмашаетъ:

Труднѣе всѣхъ наукъ, некончимая въ вѣкъ,
Для человѣка есть наука человѣкъ!
Изъ всей вселенныя Всевышнимъ сокращенный
Онъ самъ во существѣ міръ малой, совершенный;
Изъ тварей всѣхъ извлекъ чистѣйшее Господь,
И вдунулъ духъ живой въ его ничтожную плоть;
Онъ то человѣка средняя, онъ сердце всей Природы;
Въ немъ воздухъ и земля, въ немъ скрыты огонь и воды.
Какъ солнце возсіялъ сей образъ Божества,
И помрачилъ всего пригожество естества,
Но услаждался онъ своею славой мало!

Міръ физической есть облаченіе міра нравственнаго, взываетъ далѣе Геній стихотворства; — его долженъ ты обнять и постигнуть. Самой занимательнѣйшей предметъ для человѣка есть самъ человѣкъ, разсматриваемой какъ человѣкъ просто и какъ гражданинъ, — его нравы, привычки, страсти, слабости, добродѣтели, зависящія отъ правленія, отъ законовъ, отъ религіи. — Попеченіе о своей жизни и защитѣ, чувствованія добра и зла, связи родства и любви, благотворительность, состраданіе, ревность, мщеніе, желаніе господствовать: все это открыто въ человѣкѣ необразованномъ болѣе, нежели образованномъ. — Замѣчай, живописуй черты сіи, подавленные въ сердцѣ его предразсудками воспитанія и привычекъ; обнаруживай сіи свободныя движенія сердца чрезъ нѣжную завѣсу приличія: тогда ты достигнешь своей цѣли. Сердце всегда отзывается на тѣ звуки, которые какъ родныя заключены въ немъ самомъ; сердце, сколько бы оно ни искажено было свѣтомъ, любить возвращаться къ тѣмъ простымъ любезнымъ чувствованіямъ, съ которыми оно родилось. — Не спрашивай, гдѣ искать природу; она въ твоёмъ сердцѣ; изучая себя, ты изучаешь другихъ. Но этого мало! —

Войди въ чертоги Исторіи, раскрой лѣтописи міра, испытывай человѣка въ разныхъ вѣкахъ и климатахъ. — Образованность, законы, мнѣнія, обычаи, различные образы правительствъ, вліяніе нравовъ на законы, законовъ на жребій царствъ: однимъ словомъ постановленія нравственныя, политическія народовъ и земель: все что есть въ человѣкѣ врожденное и приобретенное должно входить въ планъ твоихъ изученій. — Работа безконечная! —

Но можно ли знать людей не выходя изъ своего дома? Чтеніе и размысленіе никогда незамѣняютъ общенія съ ними. Книга есть мертвой свидѣтель. — Сочинитель ея могъ смотрѣть съ особенной стороны, и видѣть искаженно!... Отъ чего древніе столь хорошо описывали природу и человѣка? — Отъ того что они учились не изъ книгъ. — Иди, внимай, испытай людей, безпрестанно живучи посредѣ ихъ. — Одно слово, взоръ, молчаніе, движеніе рукъ часто даетъ жизнь, выразительность и страсть твоей картинѣ. —⁵ Люди притворны: надобно долго дожидаться минуты, въ которую бы они, забывъ свою осторожность, показали намъ истинную сторону своего сердца; не съ одного или другаго образца списывать должно характеръ и дѣйствія страсти, но собирать ихъ съ тысячи наблюденій, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ въ разное время, при разныхъ обстоятельствахъ. Ступай въ общество свѣтское, дабы перенять образъ благородства и приличія. Но чтобъ познать движенія сердца человѣческаго, удались и живи въ обществѣ съ людьми простыми и необразованными. Простота, чувство, сила, страсти, душа свободная, открытая, скорѣе встрѣчается между народомъ, нежели при дворѣ. — Люди вездѣ люди: но политика обращенія стерла съ нихъ почти все цвѣты натуральные. — Свѣтъ есть маскарадъ. —

⁵ Зачеркнуто чернилами.

Хочешь ли еще болѣе обогатить себя сокровищами Поезій? — Наблюдай природу образованную или искусства человѣческия: земледѣліе, мореплаваніе, всѣ искусства изящныя и полезныя могутъ доставить тебѣ новыя образы, новыя сравненія, новыя описанія. Наблюдай великихъ писателей, дабы присвоить себѣ ихъ взоры и духъ! — Чтеніе Ломоносова и Державина можетъ возбудить въ читателѣ пламень вдохновенія.

Не уже ли оставишь ты сей прелестной, очаровательной міръ мифологіи, населенной богами, богинями, сифами, гениями, гдѣ столько чудесныхъ происшествій, столько красотъ вѣчно цвѣтущихъ, гдѣ все играетъ, улыбается, веселится, — сей рай Грека и Римлянина, рай всякаго мечтателя, рай всякаго чувствительнаго сердца! — Тамъ громоносной Юпитеръ, возсѣдѣвшій на вершинѣ Иды и единымъ мановеніемъ главы потрясающій вселенную: — передъ нимъ золотыя вѣсы его, утвержденныя на концахъ востока и запада. — Тамъ Венера, вручающая волшебной свой поясъ ревнивой матери боговъ; тамъ Марсъ, дающій повелѣнія Ужасу и Быстротѣ впрячь коней въ желѣзную свою колесницу... Можно ли отказать поезіи въ сихъ красотахъ, чрезъ двадцать вѣковъ сохранившихъ свою свѣжесть? — Но отдѣлай басни, заключающія смыслъ философа отъ басней, рожденныхъ дѣтскими прихотями суевѣрія; — ибо чѣмъ болѣе стихотворецъ философъ, тѣмъ онъ болѣе пѣтъ! —

И такъ, вотъ ваши занятія: природа простая и образованная, или природа и искусства, нравственность простая и измѣненная, или человѣкъ самъ въ себѣ и въ недрахъ общества со всѣми привычками, нравами, обычаями: — поприще великое! но рѣшитесь и вѣнчайте себя славою. Такъ вѣщалъ Геній, и храмъ исчезъ.

Признаться, планъ сего ученія необъятной, невозможной для одного человѣка. Но здѣсь разумѣется ученіе поэта, вообще. — Онъ можетъ избрать для себя одинъ родъ поезіи, и заниматься тѣмъ, что къ нему относится ближе. Для писателя басенъ не нужно то, что потребно для сочинителя поемы; — всякой можетъ выбрать свою сферу и стремиться къ метѣ своей. Быть всегда съ излишнимъ запасомъ гораздо лучше нежели безъ запаса. Излишество простибельнѣе бѣдности; и оно есть погрѣшность, — но прекрасная. Пускай познанія поэта будутъ также готовы какъ краски на палитрѣ живописца, и всегда болѣе нежели сколько надобно. Это приводитъ его въ состояніе управлять своимъ предметомъ по своей волѣ.

До сихъ поръ ММ. ГГ. говорилъ я о необходимыхъ врожденныхъ дарованіяхъ стихотворца или художника вообще, и о способахъ постороннихъ, которые онъ приобретаетъ отъ воспитанія и науки: онѣ всѣ исчислены. — Юный витязь одѣтъ въ броню свою; представьте, что Атлетъ нашъ уже дѣйствуетъ. Разсмотримъ богатый колчанъ его, или тѣ средства, которыми онъ убѣдилъ, плѣнилъ, очаровалъ сердца наши. —

Вотъ силы эстетическія, которыя всегда и несомнѣнно дѣйствуютъ на сердце во всѣхъ искусствахъ изящныхъ: красота, добро или польза, великое и высокое, новость, неожиданное и необыкновенное, чудесное, забавное. О другихъ силахъ вкуса, относящихся къ измѣненіямъ слога, теперь не упоминаю: онѣ будутъ изъяснены въ своемъ мѣстѣ. — Вы изволите напередъ уже замѣтить, что мы порядокъ, назначенный себѣ, сохранили, и что всѣ сіи силы подчинены главному началу выбора подражанія, которое опредѣлено въ одно изъ предыдущихъ нашихъ чтеній. Нѣкоторыя прибавляютъ еще къ сему числу красотъ — совершенное. Но что такое совершенное, — совершенство существъ несовершенныхъ! — Всѣ совершенства наши суть относительныя, сравнительныя; довольно упомянуть о великомъ и высокомъ. — Надѣмся въ сихъ словахъ объяснить все то, чего желаетъ столь страстно наша суетность. —

Между всѣми удовольствіями воображенія конечно чувство красоты всѣхъ разнообразіе, обширнѣе, приятнѣе; но поелику мы объ ней уже отчасти сказали въ своемъ мѣстѣ, и поелику предметъ сей самой сложной и тудной для опредѣленія; то съ большею подробностію будемъ говорить объ немъ въ одну изъ слѣдующихъ бесѣдъ. —

Благо или польза также объяснена мною тогда, когда предлагалъ я объ отношеніи и вліяніи, окружающихъ насъ предметовъ, на благо наше, или удовольствія. — Буду теперь имѣть

честь, ММ. ГГ., предложить вамъ о великомъ или высокомъ въ вещахъ, подражаемыхъ стихотворцомъ или вообще художникомъ.

Высокое объяснить словами трудно, хотя впечатлѣніе, которое мы чувствуемъ въ присутствіи предметовъ великихъ и важныхъ, кои поражаютъ съ перваго взгляду всѣмъ извѣстно и всякой испыталъ его. — Высокое распространяетъ и озаряетъ пределы ума нашего, возноситъ его выше обыкновеннаго состоянія, и заставляетъ чувствовать сіе возвышеніе: — ощущеніе безъ сомнѣнія сладостное, но совсѣмъ отличное отъ того, которое производятъ въ насъ предметы приятные или красивые. — Представьте, что вы съ какой нибудь горы взираете на долину обширную, которой не видно конца, или на океанъ безбрежной, или на лазоревой сводъ неба: все то, что слишкомъ обширно, чего не можете вы объять взглядомъ, производитъ въ васъ чувство высокаго. Кремнистая скала, нависшая надъ бездною; высокая башня, съ которой мы обозрѣваемъ отдаленные предметы, производитъ въ душѣ удивленіе смѣшанное съ какимъ-то ужасомъ. Величіе небесъ основано на возвышеніи и пространствѣ; мысль о величіи океана всегда сопрягается съ понятіемъ о силѣ и огромности водъ непреодолимыхъ. Не одно пространство производитъ чувство высокаго: необыкновенный звукъ, шумъ грома, ревъ вѣтра посреди скрипучей дубравы, рокотъ народа многочисленнаго: однимъ словомъ все, что предполагаетъ великую силу или могущество, можетъ служить источникомъ высокаго, и стихотворцы имъ пользуются; такъ на пр. землетрясенія, горы разрушившіяся, великіе пожары, бури посреди открытаго моря, наводненія, ураганы, молніи, громы — всегда предметы высокіе. — Могущество неограниченное, когда отъ него безопасны, также возбуждаетъ въ насъ потрясеніе, оканчивающееся удовольствіемъ. — Рѣка, которая величественно клубитъ свои воды въ берегахъ — есть предметъ прекрасной; но вышедшая изъ береговъ своихъ, съ ревомъ покрывающая окрестныя долины, увлекающая съ собою стада и села — есть предметъ высокій. Точно то же можно сказать о львахъ и тиграхъ, столь часто употребляемыхъ въ стихотворныхъ сравненіяхъ; о ратномъ конѣ, который услышавъ гласъ трубной, несется на пламя и на мечи неприятельскіе; о кровопролитномъ сраженіи двухъ многочисленныхъ армій, которыя стеклись, какъ два моря, и спорять о побѣдѣ. —

Всѣ идеи важныя, безмолвныя, близкія къ ужасу, какъ-то мракъ, уединеніе, тишина мертвая способствуютъ къ возбужденію чувства высокаго. Въ самомъ дѣлѣ разберите, какія сцены природы болѣе возвышаютъ духъ нашъ? — Это не зеленыя луга, не долины, украшенныя цвѣтами, ни веселыя города; но горы, отягченныя снѣгомъ, среди которыхъ уединенное болото, или древній лѣсъ, или ручей, низвергающійся съ утеса. Явленія ночи производятъ впечатленія возвышенныя. Голубой сводъ, усыянной безчисленнымъ множествомъ звѣздъ, болѣе величественъ, нежели прекрасной день во всей своей лучезарности. Звукъ вечерняго колокола, бой часовъ въ безмолвіи ночи имѣетъ что-то важное. Мраками окружаетъ себя великій Строитель міра; праки возбуждаютъ въ насъ идею величія. — Непостижимость Существа безначальнаго, вѣчность Его бытія, Его всемогущество, — наша слабость, кратковременность, бѣдствія, мракъ неизвѣстности безпредѣльной, отдѣляющій насъ отъ Него; вотъ источникъ высокаго.

Претящимъ окомъ Вседержитель
Возрѣвъ на полкъ вечерній рекъ:
О дерзкій мира нарушитель!
Ты мечъ противъ меня извлекъ;
Я правлю солнце, море, землю,
Кто можетъ стать со мною въ спорѣ?
Моя десница мещетъ громъ,
Я въ пропасть свергъ за грѣхъ Содомъ;
Я мракомъ небо покрываю,
Я самъ Россію защищаю.

Короче: что выше нашихъ силъ, нашего понятія, въ разстояніи времени и мѣста, все то кажется для насъ великимъ, возвышеннымъ. Безпорядокъ, подобно мрачности, также производитъ идеи великія. Правильное огромное зданіе — прекрасно; древнее готическое, или развалины заставляютъ насъ чувствовать что-то томное, очень близкое къ высокому. Перейдемъ въ міръ нравственной, и тамъ увидимъ также, что мысли о величїи, объ усилїяхъ необыкновенныхъ, все то что въ слабости человѣческой природы показываетъ намъ нѣкое могущество Бога, — все принадлежитъ къ великому; подвиги героизма, презрѣніе смерти, великодушїе, возбуждаютъ въ насъ благоговѣйное удивленіе. Горацийъ представляетъ цѣлую вселенную въ развалинахъ, упadaющую на главу праведника. — Онъ остается спокойнымъ и непремѣннымъ въ своихъ правилахъ.

Регуль, по объѣту своему, спокойно возвращается на ужаснѣйшія мученія въ Кариагенъ, и запрещаетъ о себѣ плакать; Катонъ хладнокровно умстуетъ при видѣ меча, которой окончитъ жизнь его; — Гермогенъ, въ изнуренїи гладной смерти, не смотря на прещеніе изверговъ, дрожащею рукою благословляетъ защитниковъ Отечества; Великій Петръ при Прутѣ посылаетъ письмо въ Сенатъ о выборѣ достойнейшаго, или во время страшной бури утѣшаетъ Голландскаго Посланника: всѣ сіи предметы есть сокровище для художника, изображающаго высокое.

Петусъ осужденъ къ позорной смерти; — жена его Арія, пронзивъ грудь свою кинжаломъ, подаетъ ему оной и говоритъ: ето не больно, другъ мой!

Чего боишься, говоритъ Цезарь въ страшную бурю перевозчику, управляющему лодкою: чего боишься? — Ты перевозишь Цезаря.

Какъ поступить съ тобою? вопрошаетъ Александръ плѣннаго Пора. Какъ съ Царемъ, отвѣтствовалъ онъ. —

Часто довольно бываетъ для произведенія чувствъ высокихъ одного простаго слова, ясно и точно выражающаго мысль. — «Тогда (во время идолопоклонства) все было богомъ, кромѣ одного истиннаго Бога» — говоритъ Боссюетъ. Часто высокое неимѣетъ нужды въ словахъ: самое безмолвіе выражаетъ его. У Виргилїя, Аяксъ молчанїемъ отвѣтствуетъ Улиссу, Дидонѣ и Енею: ето самая высокая степень негодованїя и презрѣнїя. —

Два солдата хотѣли посѣтить гробъ своего полководца. Пришедши на мѣсто, гдѣ покоился прахъ его, въ безмолвіи почтенїя и горести, извлекаютъ они свои сабли, касаются ими камню, покрывающему великаго человѣка, и не могли выговорить ни слова, уходятъ. — Какимъ образомъ лучше можно выразить довѣренность ихъ къ нему и настоящее отчаянїе? —

И такъ: все что восхищаетъ наши мысли до самой высочайшей степени, и поражаетъ душу столь живо, что она приходитъ въ какое-то замѣшательство и недоумѣнїе: все то производитъ чувство высокое.

Всѣ другія удовольствїя вкуса и воображенїя происходятъ отъ вещей относящихся къ бренной природѣ нашей, къ стремленїямъ чувственнымъ, къ выгодамъ или невыгодамъ житейскимъ, къ прихотямъ нашимъ: одно высокое чувство, кажется, являетъ небесное наше происхожденїе. — Красота, новостъ, удовольствїе, совершенство искусства, все зависитъ отъ мнѣнїя, и измѣняется съ обычаями, правами, съ образованїемъ, съ возрастомъ народа. — Напротивъ того, необыкновенное могущество, чрезвычайная сила, неудобно-объемлемое пространство, великость духа, пожертвованїя, постоянство среди ужасовъ величайшихъ: все ето поражаетъ удивленїемъ человѣка равно во всѣхъ вѣкахъ, во всѣхъ народахъ, подъ каждымъ поясомъ неба. — Дикой Лапландецъ и образованный житель Москвы взираютъ съ равнымъ восторгомъ на темно-голубой сводъ, усыянной звѣздами безчисленными, распрострѣтый въ видѣ шатра необъемлемаго надъ нашею землею, и служащїй для человѣка, для сего царя природы, какъ бы нѣкоторою великолѣпною сѣнїю, въ которой онъ законодательствуетъ другимъ озоренїямъ. Чувство высокаго вообще свойственно душѣ человѣческой. Она, какъ бы усыпленная явленїями предметовъ обыкновенныхъ, сѣтующая на границы ее стѣсняющїя, на слабость, которая приковала ее къ землѣ, вдругъ пробуждается при воззрѣнїи на что-либо великое, чудесное, необъятное, выходитъ изъ своего состоянїя, возносится, хочетъ сравниться съ

предметомъ ее поражающимъ, чувствуетъ свое замѣшательство, свое удивленіе, свое возвышеніе, и, кажется, мыслить сама въ себѣ: вотъ собственная моя сфера! вотъ для чего рождена я! — Представьте узника, истегающаго въ оковахъ, въ неисходномъ мракѣ, вдругъ увидѣвшаго свѣтъ и свободу: каково должно быть его наслажденіе!.. Таково наслажденіе души, заключенной въ темницѣ тѣла, когда она вдругъ почувствуетъ себя восхищеною выше міра, при созерцаніи предметовъ высшей небесной природы! Кажется, въ эту минуту отверзается для нее небо, и она познаетъ свою родину! — Вотъ удовольствіе и сущность высокаго; — оно встрѣчается очень рѣдко, и бываетъ кратковременно, какъ мы увидимъ послѣ. — Узникъ очарованной, скоро, очень скоро чувствуетъ свои оковы, не можетъ долго себя обманывать, и опять погружается въ обыкновенное свое томленіе. Но мы перейдемъ теперь отъ высокаго въ природѣ къ высокому въ сочиненіяхъ.

Высокое должно раздѣлится на высокое чувство и высокіе предметы. — Первое слѣдствіе другаго. Потомъ должно различать высокое и возвышенное. — Одно относится къ предмету и чувству; другое — къ слогу. Пожарскій, вступившій въ Кремль, освободившій Москву отъ неприятелей, когда снова возсіяло солнце отечественнаго счастья, и насталъ день его; — когда снова возблистали сіи златыя главы храмовъ, покрытыя доселѣ мракомъ стыда, униженія, страха; — когда отцы возвращенные дѣтямъ, дѣти отданныя матерямъ, вся спасенная, признательная Россія, такъ сказать, стояла передъ героемъ великимъ, умоляя дабы онъ, какъ возвратитель короны украсился ею, и какъ освободитель отечества, былъ его стражемъ: Пожарскій хладнокровно, свободно, безъ малѣйшаго принужденія своему честолюбію, въ глазахъ народа преклоняетъ колѣно предъ Юношею Царскаго племени. Вотъ предметъ высокой. — Державинъ почувствовалъ все его величіе, и написалъ прекрасную Оду: его оживляло высокое, живое чувство. — Пожарской дѣйствовалъ спокойно, равнодушно. — Душа его была выше міра и его соблазновъ, тверда и неподвижна, какъ скала среди моря, рѣшительна, какъ мудрость, обнимающая начало и конецъ, управляющая сама собою безъ усилія, легко и просто. Характеръ высокаго больше состоитъ въ покоѣ нежели въ движеніи: такимъ его видимъ въ драмахъ, какъ въ картинахъ природы. — Поета плѣняетъ сія рѣшимость, сія побѣда надъ собою; онъ въ восторгѣ; чувство его живо и пламенно: такимъ его видимъ въ одахъ. И такъ еще отличить должно живость чувствованія отъ высоты чувствованій. Говорятъ, что въ природѣ высокое чувство не бываетъ живымъ и быстрымъ, живое — высокимъ. Примѣры, представленные мною выше, сіе нѣкоторымъ образомъ доказываютъ. — Впрочемъ о высокомъ очень много споровъ: это слово, подобно другимъ, принимается въ разныхъ смыслахъ непостоянно; его приписываютъ всѣмъ сочиненіямъ, производящимъ на насъ какое-нибудь впечатлѣніе, точно также какъ названіе прекраснаго приписывается всему, что намъ любезно, или приятно. Извѣстны записки Юлія Цезаря о войнѣ съ Галлами. Ихъ представляютъ образцомъ высокаго, потому что онѣ отличаются простотою, разборчивостію и чистымъ слогомъ. Лонгинъ говоритъ, что высокое зависитъ между прочимъ отъ фигуръ и троповъ, отъ расположенія словъ, отъ выбора, отъ гармоніи. Сіи достоинства относятся болѣе къ слогу возвышенному нежели предметамъ высокимъ, какъ мы докажемъ послѣ. Разсужденіе Лонгина дошло до насъ неполное. Можетъ быть, онъ въ той части, которая потеряна, и говорилъ уже о высокомъ въ надлежащемъ смыслѣ, дабы перейти къ благородному и возвышенному слогу; покрайней мѣрѣ думаютъ такъ всѣ умѣющіе цѣнить нѣжной, образованной вкусъ сего великаго критика.

Гдѣ болѣе встрѣчаете вы примѣры истинно высокаго? — Въ древнихъ писателяхъ. Всѣ согласны, что первые вѣки міра, первые нравы, первая степень образованности весьма благопріятствовали возбужденію сего чувства. — Вознеситесь мыслями до народовъ первобытныхъ, переселитесь въ ихъ лѣсныя сѣни, въ ихъ малыя семейства, отдѣленные другъ отъ друга; тогда человѣкъ былъ еще новъ въ етомъ разнообразномъ, великолѣпномъ чертогѣ: — каждой предметъ возбуждалъ его удивленіе, каждой предметъ приводилъ въ дѣятельность душевныя силы его и страсти. Онъ видѣлъ однѣ явленія; но не могъ проникать до причины: все казалось ему живымъ существомъ ему подобнымъ. — Гласъ вѣтра, свистящаго сквозь густыя

дубравы, подъ сѣнію которой привиталъ онъ, казался ему дуновеніемъ и гласомъ бога враждующаго, угрозами близкаго неприятеля; — гулъ грома, разливающегося въ поднебесной, заставилъ его мыслить о железнѣной и пламенной колесницѣ, на которой несется горній ужасной мститель, — вода въ ближнемъ источникѣ течетъ непрерывно, неумалаясь; ее изливаетъ нѣкій богъ изъ неистощаемой своей урны. — Онъ не могъ понять, или лучше, онъ не подозрѣвалъ, чтобы соки дерева въ устроенныхъ нарочно каналахъ, извлеченные корнемъ изъ земли, могли подниматься вверхъ, умножаться, проникать сквозь кору дерева и образовать цвѣты, листья и плоды; — это Дріада, кая, при появленіи весны, для торжественнаго срътенія бога любви и радостей облакается въ златозеленую свою ризу. — Онъ видѣлъ дѣйствіе огня: это чудовище, это Саламандра, живущая въ пламени и пожирающая все, къ чему ни прикоснется. — Вступившій въ бой съ дикимъ звѣремъ, и повергнувшій его на землю, изобрѣтатель новаго способа защищать, питать, увеселять жизнь человѣка, казался ему существо другой, особенной природы, низшедшимъ съ неба для его благоденствія. Куда бы онъ ни обратился, гдѣ бы ни ступила нога его, чему бы ни прикоснулась его рука; все было священо, таинственно, божественно: благоговѣніе и трепеть вѣяли вокругъ его невидимо. — Тогда то міръ сей былъ храмомъ, или обителью существъ свѣрхъ-естественныхъ, и человѣкъ повсюду окруженъ былъ богомъ.

Въ такомъ состояніи долженъ онъ непреѣнно выражать свои мысли и чувства смѣло и пламенно. — Волнуемая непрерывно душа его, какъ море, изливалась въ порывахъ, въ огнѣ и громахъ: вотъ время благоприятное для высокаго; ибо все было выше силъ нашихъ, все непостижимо, все велико! — Черезъ нѣсколько вѣковъ школа опыта и наблюденій познакомила человѣка короче съ предметами, его окружающими: онъ открылъ нѣкоторыя причины ихъ дѣйствій, ихъ измѣненія, онъ истолковалъ явленія природы, и пересталъ удивляться; ибо таинственная кора съ нихъ спала, необыкновенное сдѣлалось обыкновеннымъ, неизвѣстное извѣстнымъ. Прежній энтузіазмъ замѣнила холодность; воображеніе отдало скиптръ свой разуму, порядку, точности и ясности; — самая привычка отняла у предметовъ весьма много занимательнаго. — Что можетъ быть величественнѣе солнца, исходящаго изъ багрянаго моря утренняго? — Мы не обращаемъ на него вниманія; мы ходимъ и дышемъ въ его свѣтѣ, не думая объ немъ, не вознося къ нему взоровъ. — Такимъ образомъ во всѣхъ наукахъ и искусствахъ успѣхи образованности воспитываютъ геній для исправности и ясности, болѣе нежели для силы и высокаго.

Первая вдохновенная книга, или священное писаніе безъ сомнѣнія есть сокровищница истинно высокаго! Въ ней великими чертами изображено небо, Богъ и человѣкъ. — Такія картины непрекословно выше всего, что писано въ древнія времена и новѣйшія. —

Давидъ, вѣнчанный Пѣснопѣвецъ, бряцавшій на златострунной арфѣ своей, какъ говоритъ Св. Августинъ — одинъ можетъ замѣнить для насъ Пиндара, Алцея и Флакка. Божественная Псалтирь его представляетъ образцы для всѣхъ родовъ лирическаго пѣснопѣнія: для высокаго ли торжественнаго, для спокойнаго, или философскаго, и для элегическаго или печальнаго, нѣжнаго. Жизнь его разнообразна: — величественная и скромная, побѣдоносная и несчастная обогатила его сокровищемъ мыслей и чувствованій различныхъ. Царь и пастухъ, гонимый и торжествующій: вездѣ мудрецъ вдохновенный: учитель царей и народовъ; всегда человѣколюбивый и кроткій, всегда любимецъ Музы Сіонской; — всегда пророкъ своего народа, — онъ перестраивалъ арфу свою на всѣ тоны, и во всѣхъ превосходенъ! — Это плодъ сердца чувствительнаго, признательнаго къ благодѣющему, испытующему вѣрность человѣческую Богу, начальнику нашихъ благъ и золь, управляющему путями нашими! —

Что можетъ быть выше картины, въ которой онъ изображаетъ явленіе Всемогущаго? —

«⁶И внегда скорбѣти ми, призвахъ Господа и къ Богу моему воззвахъ; услыша отъ храма святаго своего гласъ мой, и вопль мой предъ нимъ видеть во уши Его. — И подвижесе и трепетна бысть земля и основанія горъ смятошася и подвигошася, яко прогнѣвася на мя Богъ. Взыде дымъ гнѣвомъ Его, и огнь отъ лица Его воспламенится и угліе возгорѣся отъ Него. — И

⁶ Псалом XVII. № 21 и 22. - Прим. автора.

приклони небеса, и сниде, и ракъ подь ногама Его. — И взыде на Херувимы и летѣ, — летѣ на крилу вѣтрено. — И положи тму за кровь свой, окресть Его селеніе Его, темна вода во облацѣхъ воздушныхъ. Отъ облистанія предъ нимъ облацы проидоша, градъ и угліе огненное. — И возгремѣ съ небесе Господь, и вышній даде гласъ свой, низпосла стрѣлы, и разгна я; и молніи умножи, и смяте я. И явишася источницы водній, и открышася основания вселенная, отъ запрещенія Твоего Господи, отъ дохновенія духа гнѣва Твоего!» —

Кто постигалъ выше и, такъ сказать, ближе чувствовалъ всемогущество Предвѣчнаго, какъ не тотъ, которой воспѣлъ: Небо престоль Его, и земля подножіе ногу Его! Какой Орфей взиралъ такъ на міръ, на его великолѣпіе, на славу Господню, какъ не тотъ, которой воспѣвалъ: «Благослови душе моя Господа; Господи Боже мой, возвеличлся еси зѣло, во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси: — одѣйся свѣтомъ яко ризою, простирай небо, яко кожу; покрывай водами превыспренняя своя, полагай облаки на восхожденіе свое, ходяй на крилу вѣтрено; творяй Ангели своя духи, и слуги своя пламень огненный». Кто лучше изображалъ высокое, облеченное во мракъ и бури? —

Богъ, глаголетъ Псалмопѣвецъ, оковалъ безмолвіемъ волненія моря, и ревъ вѣтровъ, и ропоть народовъ: — соединеніе двухъ великихъ предметовъ, волненія моря и мятежа народнаго, величественно!

Желаете ли видѣть образецъ высокаго въ простотѣ: — внемлите первому историку земли, внемлите Моисею, повѣствующему о дѣлѣ, исключительно и единственно высококомъ, — о созданіи міра. —

Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю. Кто изъ смертныхъ могъ говорить съ такою непринужденною простотою о твореніяхъ столь великихъ, необъятныхъ? — Какая скромность! — Кажется, не человекъ, а Богъ повѣствуетъ о дѣлахъ своихъ, которыхъ Онъ самъ несравненно превыше, и которыя не удивляютъ Его нимало; вѣчная Премудрость, сколь легко и быстро сотворила міръ изъ ничего, столь же легко и быстро вѣщаетъ о своемъ твореніи.

«И сотвори Богъ два свѣтила великая: свѣтило великое въ началѣ дне, и свѣтило меньшее въ начала нощи и звѣзды. И положи я Богъ на тверди небеснѣй; яко свѣтити на землю, и владѣти днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и между тмою, — и бысть вечеръ и бысть утро». — Прочитавъ сіи слова, невольно представляешь себѣ великолѣпіе солнца, — кроткое сіяніе луны, небеса усыянная звѣздами, чудесное ихъ движеніе, порядокъ и стройность вселенная, — и исчезаемъ въ своемъ ничтожествѣ. — «Рече Богъ: да будетъ свѣтъ — и бысть». — Какая быстрота, высота и вмѣстѣ спокойная, всегда себѣ вѣрная, непостижимая важность въ выраженіяхъ! —

Исаія, восточной Гомеръ, изобилуетъ также образцами высокаго. Онъ неистощимъ въ изобрѣтеніи. Какое величіе и простота въ слѣдующемъ мѣстѣ! Глава 14, стихъ 5–28⁽⁷⁾.

Свершилось! — нѣтъ его! — сей градъ,
Гроза и трепеть для вселенной,
Величья паятникъ надмѣнной,
Упалъ!.. еще вдали горять
Остатки роскоши полмертвой! —
Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжество и славы кличъ,
Яремъ позорной сокрушился,
Желѣзной скипетръ преломился,
И изнемогъ народовъ бичъ!

Таковъ Егова, Царь побѣдъ! —
Таковъ предвѣчный правды мститель!

⁽⁷⁾ На разрушеніе Вавилона. - Прим. автора.

Скончался въ мукахъ нашъ мучитель,
Изякло море нашихъ бѣдъ! —
Воскресла радость, миръ блаженный;
Подвигнулся Ливанъ священный,
Главу подьѣмлетъ къ небесамъ;
Въ восторгѣ кедры встрепетали:
Ты умеръ наконецъ, вѣщали,
Теперь чего страшиться намъ?...

Трясется адъ сомнѣнья полнь,
Тебя срѣтая въ мрачны сѣни;
Бѣгутъ испуганныя тѣни,
Какъ въ бурю сонмы бѣлыхъ волнь!
Цари, герои Царствъ отцвѣтшихъ
Встаютъ съ престоловъ потемнѣвшихъ,
Чудовище земли узрѣтъ;
Какъ! ты равнявшійся съ богами,
И ты теперь сравнился съ нами,
Не думавъ вѣчно умереть! —

Почто теперь тебѣ во слѣдъ
Величье, пышность не дерзаетъ! —
Почто теперь не услаждаетъ
Твою надмѣнность звукъ побѣдъ!
Ты не взялъ ничего съ собою;
Какъ тѣнь, исчезло предъ тобою
Волшебство льстивыхъ свѣтлыхъ дней. —
Ты въ жизнь копилъ себѣ мученье.
Твой домъ есть ночь, твой одръ гнѣенье,
Покровъ, кипящій рой червей! —

Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое сіяло;
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло;
Сего дня смотрятъ — блескъ исчезъ. —
Вчера смирялъ — народы въ страхѣ;
Смиренъ сего дня, тлѣешь въ прахѣ!
Вчера мечталъ съ собою ты:
«Взнесусь, пойду надъ облаками;
Поставлю тронъ между звѣздами,
Попру Сіона высоты.

Простру повсюду гнѣвъ и страхъ,
Устрою небеса чертогомъ,
И буду въ немъ всеильнымъ Богомъ!..»
Изрекъ, и превратился въ прахъ!
Идетъ сего дня путникъ бѣдной,
И зреть въ пустынѣ трупъ твой блѣдной,
На пищу брошенной звѣрямъ!
Стоитъ, не вѣрять въ изумленьи;

Потомъ въ сердечномъ сокрушеннѣ
Возводитъ взоръ свой къ небесамъ:

Не се ли ужасъ нашихъ дней! —
Не сей ли варварской десницей
Содѣлалъ цѣлой мѣръ темницей,
Жилищемъ глада, бѣдъ, скорбей?..
Никто предъ смертію не станетъ! —
Но память добрыхъ не увянетъ!
Ихъ прахъ святится отъ сыновъ. —
Благою вѣрой огражденный,
Слезами бѣдныхъ оживленный,
Онъ спитъ въ обители отцовъ! —

Единъ твой трупъ въ позоръ и срамъ
Лежитъ на грозномъ полѣ брани!
Земля послѣдней бѣдной дани
Не хочетъ дать твоимъ костямъ;
Своей земли опустошитель,
Народа своего гонитель,
Лежитъ межъ трупами враговъ,
Лишенный чести погребенья;
А тамъ, — свиститъ духъ бурной мщенья
Противъ сыновъ, твоихъ сыновъ!

Рази, губи, карай, злой рокъ
Прокляты вѣтви корня злова;
Въ нихъ скрыта язва, гибель нова!
Въ нихъ новый плѣнь для насъ растеть! —
Всесильный рекъ: — Я самъ возстану,
Приду, одѣнусь въ бури, гряну,
И истреблю все племя злыхъ;
Въ градахъ ихъ звѣри поселятся,
Ихъ земли моремъ поглотятся,
Погибнетъ съ шумомъ память ихъ!

Изрекъ! — и святъ Его обѣтъ,
И вѣчно нерушимо слово! —
Изрекъ! — событіе готово! —
Израиль! лести въ Богъ нѣтъ!..
Егова сломитъ рогъ тиранства,
И узы тягостныя рабства
Огнемъ и кровію созжетъ;
Подниметъ руку надъ вселенной, —
И кто удержитъ громъ разженной, —
Кто съ Богомъ брани въ брань пойдетъ? —

Гомеръ признанъ также во все времена отъ всехъ критиковъ поетомъ высокимъ; — и что же всегда было одеждою сего высокаго, что характеромъ величественныхъ его описаній? — Простота выраженія. Описание битвъ, быстрота, съ которою пламенной рѣзецъ его начертывалъ

сѣчи, представляютъ читателю образцы истинно высокаго. Боги, участвующіе въ дѣйствіяхъ ратныхъ, еще болѣе возвышаютъ величіе картинъ его! Юпитеръ подвинулъ своею главою, и потрясъ вселенную. Аякъ, застигнутый ношію среди сраженія, поднимаетъ взоръ на небо и вопіетъ къ Юпитеру: возврати намъ день, и самъ сражайся съ нами.

Примѣры избранные мною удовлетворительно показываютъ, что точность и простота выраженія совмѣстны съ высокимъ. Простота избѣгаетъ многихъ украшеній; точность отдѣляетъ все излишнее, все ненужное; безъ сохраненія простоты и точности обезображивается высокое и великое. Украшенія бываютъ въ семь случаѣ тяжестію, бременемъ одеждъ, искажающихъ его, или закрывающихъ отъ взоровъ нашихъ! Разсмотримъ дѣйствіе души въ сію минуту: движеніе, произведенное великимъ предметомъ, возноситъ ее выше обыкновеннаго состоянія; восторгъ, возбужденный симъ чувствованемъ, сладостенъ до тѣхъ поръ пока продолжается: но духъ, окованный земными узами всегда стремится низойти въ то состояніе, изъ котораго вышелъ. Теперь, если писатель, которой возвысилъ насъ, или которой старался возвысить, умножитъ безъ нужды слова; если между многими украшеніями, коими онъ обременяетъ высокое, помѣститъ другія гораздо слабѣйшія, нежели главной образъ: тотчасъ воображеніе простыло, картина обезображена, высокое исчезло, и все перемѣнилось. — Я буду имѣть честь показать это примѣромъ: — когда Цезарь сказалъ перевозчику, медлящему спустить лодку въ море во время бури: Чего боишься? — перевозишь Цезаря. Мы весьма сильно поражены смѣlostію великаго человѣка, и его надеждою на свое дѣло и на свою fortuna. — Сіи немногія слова говорятъ все, и производятъ глубокое впечатлѣніе. Луканъ хотѣлъ распространить и украсить сію мысль; вы замѣтите изволите, какъ онъ ослабилъ ее наборомъ словъ; удаляясь отъ высокаго, онъ ничего не произвелъ наконецъ, кромѣ натяжки и надутости. —

«Презирай угрозы Бореевъ! гласитъ Цезарь: смѣло предавай неистовству моря и бури тлѣнную ладію свою; — если мстительное небо не дозволяетъ тебѣ стремиться въ Италію: я повелѣваю; вся причина страха твоего одна та, что ты не знаешь, кого перевозишь. Ты видишь передъ собою побѣдителя, — того, котораго боги никогда неоставляли, для котораго fortuna уже мало служить, когда не предупреждаетъ его обѣтовъ. — Стремись въ ужасы самой бури; будь безопасенъ; ты подъ моимъ покровительством. — Что нужды небесамъ и бурямъ до твоей ладіи? — Гнетомую Цезаремъ, ее защищаетъ отъ сокрушенія самое бремя, ее берегутъ самыя волны. — Вѣдаешь ли, что знаменуетъ сіе тревоженіе? — Море и небо возмутились для того, чтобы испытать, сколько Цезарь превыше fortuna!» и проч.

Вотъ блистательное суесловіе, которымъ Луканъ старался замѣнить простыя, рѣзкія слова: чего боишься? ты везешь Цезаря!

Кромѣ простоты и точности къ произведенію высокаго, способствуетъ много сила описанія. — Она зависитъ частію отъ точности, частію отъ выбора подробностей и обстоятельствъ, которыя составляютъ картину. — Предметъ долженъ быть представленъ съ самой выгодной точки зрѣнія, дабы онъ произвелъ глубокое впечатлѣніе. — Прекрасная статуя потеряетъ, если не будетъ поставлена на приличномъ, на соразмѣрномъ величинѣ своей пьедесталѣ; если не будетъ отдѣлена отъ другихъ предметовъ, или не окружится такими, которые способны придать ей болѣе блеска и занимательности. Это также составляетъ главное искусство писателя, и великую трудность описаній высокаго. Если описание будетъ простое, обыкновенное, обнаженное отъ всѣхъ обстоятельствъ: то предметъ отличится слабо, и не произведетъ должнаго впечатлѣнія; если писатель размножитъ его ничтожными подробностями: онъ совершенно потеряетъ свою цѣну.

Описаніе свирѣпой бури натурально предметъ высокой; но для сего описанія не довольно истощить всѣ наряды, въ которые обыкновенно стихотворцы облакаютъ свои бури: деревья вырванныя съ корнемъ, дома опроверженные, и проч. Тутъ должно помѣстить обстоятельства, способныя поразить удивленіемъ и ужасомъ. — *Виргиліи* воспѣваетъ: (*Georg. Lib. I, vers. 328*).

*Ipsa pater media nimborum in nocte corusca
Fulmina molitur dextra, quo maxima motu*

Terra tremit, fugere ferae et mortalia corda
Per gentis humilis stravit pavor; ille flagranti
Aut Atho aut Rhodopen aut alta Ceravnia telo
Dejicit; ingeminant Austri et densissimus imber.

Всевышній среди мрачной ноши вознесъ свою руку и потрясъ багряновидныя свои молнии; вострепетала земля въ глубочайшихъ своихъ основахъ, — утѣкають звѣри, отчаянный страхъ поразилъ сердца смертныхъ. — Между тѣмъ пламенныя стрѣлы его низпровергають или Аіонъ, или Родопу, или кремнистые хребты Церавнскіе. Возстенали вѣтры и проливной дождь упалъ на землю.

Всѣ подробности высоки въ семь описаніи; но кажется, что проливной дождь несоотвѣтствуетъ уже величію главнаго предмета. — Что значать при оной пламенной рукѣ, разрушающей высочайшія горы, и ливень вѣтры? —

Нашъ безсмертной Державинъ также позволилъ себѣ нѣкоторыя неровности въ следующемъ высокомъ описаніи:

Представь: по свѣтлости лазуря,
По наклоненію небесъ
Взошла черно-багрова буря,
И грозно возлегла на лѣсъ.
Какъ страшна ночь, надулась чревомъ,
Дохнула съ свистомъ, воемъ, ревомъ,
Помчала воздухъ, прахъ и листь.
Подъ тяжкими ея крылами
Упали кедры вверхъ корнями
И затрещалъ Ливанъ кремнисть.

Ломоносовъ такъ же:

Но если хочешь видѣть ясно,
Коль Росско воинство ужасно,
*
Взойди на брегъ крутой высоко,
Гдѣ кончится землею понть:
Простри свое чрезъ воды око,
Сколь много обнялъ горизонтъ,
Внимай, какъ югъ пучину давить,
Съ пескомъ мутить, зыбь на зыбь ставить,
Касается морскому дну,
На сушу гонить глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ;
Такъ Россъ противныхъ низлагаетъ.

Державинъ, описывая мужественныхъ Россовъ, идущихъ на сраженіе и предводимыхъ вдохновеннымъ пастыремъ, несущимъ въ рукѣ своей крестъ, и благословляющимъ пролить кровь, говорить:

За нимъ вожей рядъ предъ полками,
Какъ бурныхъ дней предъ облаками
Идетъ огнистая заря.

Прекрасно! Но что же тотчасъ слѣдуетъ? —

Идутъ... искусство зрѣть заслугу.
И сколь ихъ духъ былъ тутъ великъ,
Вѣщаетъ слухъ земному кругу; —
Но мнѣ ихъ раздается крикъ...

Этотъ примѣръ показываетъ, сколь трудно для самыхъ великихъ Геніевъ низойти съ высоты съ приятностію, и не показать виду паденія. —

Надѣюсь, что сіи замѣчанія приняты будутъ во благо; я разсматриваю нашихъ Поетовъ на ряду съ Виргиліемъ! У кого же намъ учиться, какъ не у нихъ?..

Правило, мною теперь предлагаемое, в разсужденіи выбора подробностей въ описаніяхъ высокихъ, основано на самой природѣ, и малѣйшее отступленіе отъ него влечетъ за собою дурныя слѣдствія. — Если писатель хочетъ представить только прекрасное: онъ можетъ достигнуть своей цѣли, даже при нѣкоторыхъ недостаткахъ и маловажныхъ погрѣшностяхъ. Блескъ другихъ, лучше выбранныхъ обстоятельствъ, сливаясь въ глазахъ нашихъ, отражается на самыя несовершенства и закрываетъ ихъ; — милые глаза, черные волосы красавицы часто замѣняютъ всѣ другіе недостатки въ глазахъ обвороженного любовника, и для него все становится совершеннымъ, прекраснымъ; не таково представленіе высокаго. — Въ мужахъ великихъ, знаменитыхъ, или имѣющихъ предъ нами преимущественно всѣ пороки видѣе, говоритъ Княжнинъ. — Довольно одного оттѣнка малозначащаго, одной идеи неблагородной: исчезнетъ все обвороженіе, все благоговѣніе; и какъ же иначе? Должно, чтобъ высокое поражало насъ быстро съ нѣкоторымъ насиліемъ; въ противномъ случаѣ, является слабымъ и низкимъ. Мы стремимся возвысить себя за писателемъ; воображеніе наше воспламеняется, принимаетъ выпрѣнный полетъ, которой должно поддерживать. Писатель кидаетъ читателя среди восторга, оттолкнувъ его отъ себя слабымъ словомъ или недостаточною чертою... и бѣдненькой съ ученіемъ и тягостію возвращается на землю, въ холодное прежнее свое состояніе.

Гдѣ источники истинно высокаго? спросите вы. — Вездѣ. Надобно имѣть нѣжное, образованное, благородное сердце, способное къ высокимъ чувствованіямъ, и вездѣ можно найти его. — Что такое природа? Храмъ, или садъ великолѣпной, въ которомъ всякой предметъ носить на себѣ высокое знаменіе вездѣ присутствующей мудрости, безконечной благодати, любви и всемогущества; — всякой предметъ есть вашъ учитель, Екклезіастъ, проповѣдникъ о Богѣ васъ сотворившемъ, васъ сохраняющемъ, о должностяхъ вашихъ, о средствахъ къ истинному вашему благополучію. — Богъ, одѣяйся природою, яко ризою великолѣпною, бесѣдуетъ съ вами вездѣ, во всемъ и всегда. — Слѣдовательно, надобно имѣть слухъ сердечной, чтобы внимать сему гласу, и умныя очи, чтобъ всегда созерцать Невидимаго. Тогда невольно обметъ васъ трепеть благоговѣйной; узы суетности и прихотей спадутъ, кора равнодушія сощѣтеть отъ внутренняго священнаго огня, васъ исполняющаго; сердце ваше воспламенится новыми чувствами, умъ озарится новымъ свѣтомъ; вы будете иначе видѣть, слышать и чувствовать, и все для васъ будетъ или высокимъ, или прекраснымъ, все будетъ для васъ священо, любезно, великолѣпно, отъ былинки до высокихъ кедровъ, отъ червячка до огромныхъ слоновъ, отъ праха вами попираемаго до горъ возвышенныхъ, отъ земли до солнца! — Тогда, подобно Невтону, не произнесете вы имени Бога съ покрытою головою; тогда, подобно Руссо, будете благоговѣть предъ каждымъ цвѣткомъ, предъ каждою пылинкою, предъ угасающимъ на западѣ солнцемъ! все будетъ для васъ оживлено! все ново! все высоко! — Ахъ! какія наслажденія ожидаютъ сердце благовоспитанное, нѣжное!.. Въ самомъ дѣлѣ, что такое называете вы отличнымъ талантомъ, геніемъ въ поэзій, живописи, музыкѣ? — Что такое мудрецъ, достойный совершенно сего названія? — Никто другой, какъ человѣкъ, умѣющийъ воспламеняться предметами, его окружающими, человѣкъ поставившій себя выше обыкновенныхъ прихотей, взирающій на вещи другими глазами, который видитъ въ чувственныхъ предметахъ истины нравственныя! — Сіе-то чувство, о которомъ я говорю теперь, составляетъ существо и основу всѣхъ изящныхъ

талантовъ. Въ немъ заключены и вкусъ и геній. Сіе-то чувство требуется и отъ тѣхъ, которые хотятъ наслаждаться изящными произведеніями. И что такое безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ, которымъ вы удивляетесь? — Вами самими свидѣтельствуюсь, что онѣ состоятъ почти все въ одномъ: въ приспособленіи физическаго міра къ нравственному и нравственнаго къ физическому! — Закрывшій глаза и уши для прелестей природы — не живетъ! — Все, что ни изобрѣлъ свѣтъ своимъ золотомъ, съ своими почестями, никогда не можетъ замѣнить для человѣка удовольствій, доставляемыхъ природою: ничто не разсѣетъ его скуки, ничто не утѣшитъ его, ничто не займетъ его! — Первой человѣкъ былъ поэтъ: первые народы, какъ я замѣтилъ прежде, были способнѣе къ чувствованіямъ высокимъ. Отъ чего? Отъ того что они живо чувствовали природу, и въ природѣ живущаго Бога. — Отступая отъ нее, отступаемъ мы отъ пути добродѣтели и отъ счастья. — Изучайте природу, умѣйте горячо любить ее: — тогда не будете имѣть нужды прибѣгать къ пышности и блеску словъ, къ тропамъ и фигурамъ, которые однѣ производятъ высокаго! — Его сотворить не можно; должно чтобы оно само намъ представилось, чтобы оно было плодомъ сильнаго чувства и пламеннаго воображенія! —

Богъ, Богъ обитаетъ въ насъ! Его дѣйствіемъ воспламеняемся!² —

Великій предметъ, чувство глубокое, восторженное, и выраженіе сильное, разительное, точное: вотъ источники высокаго. —

Драгоценная удача генія, мгновеніе божественное, въ которомъ забываемъ мы все насъ окружающее и несемъ горь... Ахъ! такое чувство весьма рѣдко и не продолжительно! — Бренной человѣкъ не можетъ долго пребывать въ семъ возвышеніи, какъ несвойственномъ ему; все таланты человѣческіе не въ состояніи, безъ большихъ или меньшихъ перерывовъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ представить мыслей высокихъ: сіи порывы духа суть молніи, которыя внезапно блеснутъ, ослѣпятъ и исчезаютъ въ ту же минуту. Но въ однихъ стихотворцахъ встрѣчаются они чаще нежели въ другихъ. Гомеръ, Мильтонъ, Шакспиръ, изобилуютъ ими, а особенно двое первые. — Въ поемахъ Хераскова встрѣчаются мѣста высокія. — Ломоносовъ и въ Одахъ и въ Похвальныхъ рѣчахъ своихъ исполненъ истинно высокихъ мыслей и описаній. Кто изъ Русскихъ не чувствуетъ нѣкотораго благоговѣйнаго потрясенія въ своемъ сердцѣ, когда читаетъ слѣдующія строки, относящіяся къ великому Преобразителю Россіи? — «Я въ полѣ межъ огнемъ; и въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными машинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стenanіемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что не одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча». — И потомъ сдѣлавъ сравненіе Петра Великаго съ величайшими мужами древности, говоритъ: «Кому жъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я: каковъ Тотъ, Которой всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнеть духъ Его и потекутъ воды; прикоснется горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю».

Ораторъ въ мысляхъ и чувствахъ своихъ боготворитъ уже Петра. Но если бы онъ выразилъ свое чувство прямо, открыто: Петръ подобенъ Богу; это бы показалось слишкомъ разительнымъ и внезапнымъ; — и такъ онъ остановился на своей идеѣ, и показываетъ ея великость, и свое дерзновеніе. Часто размышлялъ я: каковъ тотъ... и воздымятся... Онъ сомнѣвается самъ въ себѣ, не далеко ли простеръ свой восторгъ; кажется самъ себя упрекаетъ въ излишествѣ... Прекрасное, высокое сомнѣніе, привлекающее большую нашу довѣренность! Въ очарованномъ, въ приготовленномъ прежде воображеніи слушателя Петръ уже на небѣ между Серафимами, въ приближеніи къ Богу; ибо онъ выше всехъ людей; онъ уже для насъ высшее существо. — Въ то время Ораторъ самъ удерживаетъ нашъ восторгъ; но не охлаждаетъ его; онъ говоритъ: «Но

² Ov. fast. VI, 5; est deus in nobis, agitante calescimus illo.

мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть и пр.» чрезъ сію искусную остановку мы не падаемъ, но только оборачиваемся на самихъ себя, и чувствуемъ все свое возвышеніе: мы судимъ — о чемъ? о послѣднемъ предѣлѣ, отдѣляющемъ человѣка отъ Божества. — И наконецъ спокойно и утвердительно говоримъ съ Ораторомъ. «И такъ если человѣка Богу подобнаго сыскать надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю». — Это мѣсто, съ перваго разу поражаетъ своею высокостію; но еще болѣе восхщааетъ, когда будешь разбирать и чувствованія писателя, и чувствованія нами ощущаемыя при чтеніи. — И чѣмъ болѣе разбираемъ, тѣмъ болѣе возносимся, такъ сказать, до возможной степени высокаго, — при томъ какъ? — не въ порывахъ изступленныхъ, но постепенно, выше и выше. Другіе наши стихотворцы часто на счетъ небснаго Бога ублажаютъ до излишества земныхъ своихъ божковъ; здѣсь сохранено величіе предмета во всей его непостижимости и силѣ. — Благоговѣйный Ораторъ показалъ, какъ онъ мыслить о Петрѣ, какъ онъ мыслить о величествѣ Божиѣмъ... и не далѣ! довольно что единый только Петръ могъ подать идею о сравненіи Бога съ человѣкомъ!.. И когда облагодѣтельствованные Петромъ слушатели сей рѣчи, произнесенной въ Академіи наукъ, всѣ съ Ораторомъ равно возвышались сердцемъ и духомъ (что достовѣрно); то скажите, каковъ имъ показался Петръ?..

Державинъ часто является въ подобныхъ сему, такъ сказать, Серафимскихъ упоеніяхъ, представляя божественную свою Фелицу. Какъ величественъ онъ при всей простотѣ своего слога, когда видитъ Царевну, облокотившуюся на истуканъ Зороастровъ, или на памятникъ Петра Великаго, и возносящую мольбы свои къ Богу! — Одна мысль, представить Екатерину облокотившуюся на памятникъ Петра, есть уже величественна.

Дерзни мнѣ кистію волшебной
Святилище изобразить,
Гдѣ взоровъ смертныхъ удаленной
Благоволить Фелица быть;
Гдѣ тайна перстомъ помаваетъ,
И на уста кладетъ печать,
Гдѣ благочестье предсѣдаетъ,
И долгъ велитъ страстямъ молчать.

Представь ее облокоченну
На Зороастровъ истуканъ,
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огневзвѣздный океанъ,
Вѣщающу: «О Ты! Превѣчный,
Который волею своею
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

Когда Ты есть душа едина
Движенію сихъ огромныхъ тѣлъ;
Но Тыжъ конечно и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;
Тобою Царствы возрастаютъ,
Твое орудіе Цари;
Тобой они и померцаютъ,
Какъ блескъ вечернія зари.

Наставь меня, міровъ Содѣтель!
Да волѣ слѣдую Твоей,

Тебя люблю и добродѣтель
И зижду счастье людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлашу.

Да удостоена любви
Надъ зрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за каждую каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ,
Народа моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла,
И чувствъ души моей сокрытыхъ
Тебя свидѣтелемъ звала».

Вотъ молитва царственнаго Ангела, предстоящаго престолу Божию! Онъ даетъ отчетъ въ благодѣяніяхъ, которыя изливаетъ на насъ. — Но вы хотите видѣть его нисшествіе съ небесъ: —

Представь мнѣ въ мысли восхищенной
Сходила бы съ небесъ она,
Какъ солнце грудь въ ткани зеленой,
Рукой метала сѣмена,
Какъ искры огненны дождились
Златьябъ зерна въ снѣдь птенцамъ;
Орлы молодые разбудились
И воскрилялись бы къ лучамъ.

Вотъ картина просвѣтительницы Отечества. — Вы хотите послѣ видѣть земный храмъ и престолъ ея — онъ передъ вами:

Престолъ ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и златыхъ горахъ
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставь на сорокъ двухъ столбахъ,
Какъ восемь бы зеркалъ стояли
Ея великія моря,
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.

Средь длиннаго сего чертога
И велелѣпной высоты
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога
Ее изобрази мнѣ ты;
Чтобъ сшедъ съ престола, подавала
Скрижаль заповѣдей святыхъ,
Чтобы вселенна принимала
Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ.
Отсюда рекла она — и взоръ сей озарился

Величествомъ ея души,
Хаосъ на сферы раздѣлился

.....

И солнца въ путь свой покатались
И тысячи вокругъ ихъ планетъ,
Изъ праха грады возносились,
Возстали царства — и бысть свѣтъ.

Цари, удивленные славою ея приходятъ въ Русское Царство, яко къ новому Соломону.

Народъ счастливой и блаженный
Ее великою нарекъ; —
Поднесъ ей титмы онъ священны.
Что она рекла въ отвѣтъ?
Я человѣкъ!...

Смѣю увѣрить почтеннѣйшихъ моихъ слушательницъ и слушателей, что Россійская поезія по сію пору имѣетъ уже въ себѣ столько безцѣнныхъ сокровищъ, что заслуживаетъ все ихъ вниманіе. — Не знаю, что представитъ Французская словесность въ сравненіи съ сими простыми и высокими картинами; конечно она образованнѣе, болѣе украшена, правильнѣе. — Но мы уже доказали, что высокое не зависитъ отъ украшеній; конечно нѣтъ ни у Руссо, ни у Вольтера, ни у Корнеля толикой высоты, изображенной въ простотѣ, свойственной древнимъ. А мы такъ мало занимаемся своею Поезіею, и даже почитаемъ недостойною, чтобы обратить на нее свои взоры!...

Заключая мое чтеніе о высокомъ, почитаю долгомъ замѣтить еще, что такъ называемый слогъ возвышенной вообще бываетъ исполненъ погрѣшностей. Д'Аламбертъ говоритъ, что слога возвышеннаго нѣтъ безъ высокаго предмета; ибо одежда ничего незначитъ безъ вещи. Ученикъ неопытный мечтаетъ, что пышныя выраженія, обиліе громкихъ прилагательныхъ, ослѣпляющій блескъ фигуръ и троповъ, способствуютъ къ высокому. — Бѣдная ошибка! — Къ несчастію она забрела и въ театръ нашъ. — Наши Лизы, ниши Ольги являются на ходуляхъ. — мы показали уже, что высокое не въ етомъ состоитъ: — Богъ изрекъ — да будетъ свѣтъ и бысть свѣтъ. Нѣтъ ничего величественнѣе сей мысли. Но выразите ето слогомъ, такъ называемымъ возвышеннымъ; вы скажите на пр. непостижимымъ могуществомъ слова, великій Начальникъ Природы произвелъ свѣтъ: что выйдетъ? — ничего другаго, по словамъ Боало, кромѣ того что мысль столько же потеряетъ, сколько слогъ выигралъ. — Не въ словахъ, а въ мысляхъ высокое; оно конечно чуждо словъ низкихъ, но также — врагъ всякой напыщенности и натяжки: все таинство состоитъ въ умѣннѣи объяснять словами простѣйшими предметы великіе, выразить немногимъ многое.

Пороки противные высокому: холодность и натяжка. Одна описываетъ высокой предметъ или высокое чувство слабо или смѣшнымъ образомъ; другая, обыкновенной предметъ хочетъ сдѣлать великимъ, и возносится выше предѣловъ здраваго разума и смысла. — Первая погрѣшность свойственна людямъ безъ дарованій; другой подвержены бываютъ самые великіе писатели. Ломоносовъ иногда не избѣгалъ ее. —

Почитаю долгомъ сдѣлать еще одно замѣчаніе, которое важно — собственно для меня; ето касается до погрѣшностей или нѣкоторыхъ слабостей [которыя] осмѣливаюсь я иногда замѣ[чать в] твореніяхъ писателей, приобрѣтшихъ великую славу. — Я позволилъ себѣ ето, и впредь буду позволять себѣ: а потому одинъ разъ навсегда объясняюсь, что я никакъ не намѣренъ и не въ силахъ помрачить ихъ славы, или ослаблять должное къ нимъ уваженіе. Почтеннѣйшіе мои слушатели сами свидѣтели, что я при всякомъ случаѣ отдаю прямую

справедливость красотамъ ихъ, и всегда представляю ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ. — Въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго; слѣдовательно можно, безъ оскорбленія, замѣтить въ знаменитомъ писателѣ нѣкоторыя несовершенства. — Если бы я хотѣлъ искать однѣхъ погрѣшностей; то конечно сыскалъ бы ихъ много въ посредственныхъ писателяхъ! Но онѣ бы не были столько полезны, будучи извлечены изъ книгъ, которыхъ не читаютъ. — Мнѣ кажется, что я вспоминая превосходнѣйшихъ нашихъ творцовъ, приношу чрезъ то имъ жертву должнаго своего уваженія: я представляю ихъ, какъ образцы достойные подражанія. По крайней мѣрѣ таковы чувства, которыя управляли и управляютъ мной во всемъ, что касается до пользы и чести словесности Россійской. —

О прекрасномъ

* * *

(Продолженіе)

Въ прошедшее Чтеніе имѣлъ я честь предложить Вамъ, ММ. ГГ. о высококомъ какъ въ природѣ, такъ и въ сочиненіяхъ. — Теперь позвольте мнѣ оставить сію выпренность генія, хотя блистательную, но мгновенную, — для наблюденія другихъ удовольствій вкуса. Изъ горнихъ предѣловъ, гдѣ созерцали мы величіе неба и пареніе орловъ, низпустимся на цвѣтушій, пышный лугъ, украшенный всѣми прелестями весны и лѣта. Отъ величественныхъ чудесъ и ужасовъ творенія низойдемъ въ прекрасной разнообразной садъ, въ земной рай, въ которомъ щедрая Природа разсыпала всѣ свои сокровища; гдѣ стройность и порядокъ расположили ихъ; гдѣ любовь и радость манятъ къ наслажденіямъ; небо безъ тучъ, безъ порывовъ бури, блистательно и кротко; — бархатная долина испещрена безчисленными цвѣтами, разливающимися благовоніе; вдали зеленѣютъ горы, покрытыя сѣнолиственными древами; слышно приятное журчаніе источниковъ, извивающихся по лугу; — солнце склоняясь къ западу, не обливаетъ насъ пламенными лучами; въ ближнемъ лѣсоцкѣ улыбается тѣнь спокойствія. А тамъ, взявшись рука за руку, шествуютъ величественной царь природы, человекъ съ прелестною своею подругою, съ послѣднимъ и совершеннымъ твореніемъ Всеогущаго... Вы безъ сомнѣнія угадали мое намѣреніе: мы теперь будемъ бесѣдовать о красотѣ.

Предметъ неистощимый въ своемъ богатствѣ, необъятной въ разнообразіи, превышающій мои силы! — Но я осмѣлюсь сдѣлать нѣкоторыя только объ немъ замѣчанія, особливо относящіяся къ образованію вкуса, и надѣюсь на снисходительное ко мнѣ благоволеніе почтеннѣйшихъ слушателей, а болѣе почтеннѣйшихъ слушательницъ. Онѣ исключительно мои судіи: ибо имъ принадлежитъ прекрасное!..

Прекрасное послѣ высокаго конечно болѣе всего льститъ нашему воображенію. Движеніе сердца, имъ возбуждаемое, весьма удобно можно отличить отъ того, которое производитъ въ насъ высокое: оно гораздо спокойнѣе, тише; оно разливаетъ въ душѣ нашей какую-то приятную ясность. Впечатлѣніе высокаго быстро и скоро-преходяще; впечатлѣніе прекраснаго удерживается гораздо долѣе. Предѣлы его обширнѣе: оно несравненно разнообразнѣе въ родахъ, видахъ, въ степеняхъ. — Всѣ чувствуютъ прекрасное; однако нѣтъ ничего столь мало опредѣленнаго, какъ слово: красота. Его приписываютъ всѣмъ предметамъ, которые плѣняютъ слухъ или взоръ, всѣмъ приятнымъ сочиненіямъ, всѣмъ добрымъ свойствамъ и дѣйствіямъ нашего духа, и даже предметамъ и знаніямъ отвлеченнымъ. — Какимъ образомъ открыть, при столь величайшемъ разнообразіи вещей, общее, принадлежащее всѣмъ имъ качество, посредствомъ котораго производятъ онѣ въ насъ приятное впечатлѣніе? — Это почти невозможно. — Еще прежде, говоря о выборѣ въ подражаніи, имѣлъ уже я честь замѣтить, что всѣ предметы, называемые прекрасными, нравятся намъ не столько сами по себѣ, сколько по отношенію ихъ къ намъ; скажемъ короче: приятность ихъ основана на различныхъ началахъ собственной нашей природы. — Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, при толикомъ разнообразіи предметовъ, чувство, возбуждаемое ими въ сердцахъ, кажется всегда одно и то же; не смотря на разность причинъ, мы всегда ощущаемъ какую-то сладость, какое-то кроткое, любезное удивленіе въ душѣ, остановившей свое вниманіе на предметѣ приятномъ. —

Человѣкъ сперва наслаждается, послѣ того начинаетъ изслѣдывать свои наслажденія, съ намѣреніемъ ихъ умножить, увеличить. Подобно Невтону, раздробляющему лучи солнечные, беретъ онъ умственную призму, и начинаетъ раздроблять и сравнивать прекрасные предметы, его поразившіе. — Конечно, съ его разсужденіями въ это время случается то же, что съ чувствами восторженнаго любовника: то есть, ему все кажется прекраснымъ въ предметѣ, который произвелъ прекрасное впечатлѣніе. Однако были такіе холодные и осторожные умы, которые оставили намъ остроумнѣйшія предположенія, дабы объяснить общее всѣмъ предметамъ свойство красоты. Упомяну объ одномъ изъ нихъ. Говорятъ, что основа или существенность прекраснаго состоитъ въ однообразіи, или единствѣ, являющемся среди разнообразія. — Великолѣпной домъ съ флигелями и другими частями своими, находящимися въ равномъ разстояніи, въ одинаковомъ отношеніи къ главному предмету, или, какъ говорятъ, въ симметріи; — двѣ горы, стоящія одна противъ другой, и замыкающія въ себѣ тысячу приятныхъ сельскихъ видовъ, представляющихъ родъ нѣкоего сада; однимъ словомъ: красота большей части фигуръ можетъ быть такимъ образомъ истолкована. Душа наша при семъ случаѣ наслаждается двумя способами: — она требуя всегда новой пищи, съ удовольствіемъ переходитъ отъ одного предмета къ другому, и никогда не хочетъ видѣть конца: вотъ удовольствіе разнообразія. — Но она же по слабости своей можетъ и утомиться; а потому, надобно щадить ее, то есть, переводить ее отъ предмета къ предмету по взаимнымъ ихъ связямъ и отношеніямъ между собою, и къ одному цѣлому. — Какое для нее наслажденіе, когда она можетъ, разбирая предметы отдѣльно, вдругъ увидѣть, обнять ихъ однимъ взоромъ, какъ нѣчто цѣлое! — Вотъ удовольствіе однообразія или единства. — Впрочемъ есть многіе предметы, къ которымъ никакъ не можно приноровить сей системы; таковы на примѣръ: цвѣты и движеніе. Красота самыхъ фигуръ зависитъ не всегда отъ сліянія разнообразія и единства: однѣ прелестны, не будучи разнообразны; другіе скучаютъ своей пестротою. — Не станемъ привязываться къ системамъ; будемъ смотрѣть просто на Природу, будемъ разбирать собственныя свои приятныя впечатлѣнія, такъ чтобы усилія ума не охлаждали ихъ, не огорчали ихъ сладости. — Пробѣжимъ предметы, наиболѣе поражающіе насъ своею красою; — можетъ быть, и удастся намъ что-нибудь замѣтить въ нихъ общее прекрасное. Но съ чего начать? Конечно съ цвѣтовъ, которыми украшается весна, которыхъ не пренебрегаютъ самыя Граціи; сама Любовь, не мѣющая нужды ни въ какихъ уборахъ, часто является въ вѣнкѣ изъ розъ, незабудокъ и лилій, собранныхъ на дугахъ маленькими Амурами, — съ цвѣтовъ, которыми убираетъ Геній Поезію, которые были первой жертвою Существу всемогущему и благому, принесенною человѣкомъ! Посмотрите, съ какой роскошью обременена ими золотая лира Державина, какъ осторожно и нехотя гордятся ими Дмитріева Сказки. И такъ начнемъ съ цвѣтовъ, — эмблемы юности и красоты! —

Что представляетъ намъ цвѣтъ? — Характеръ красоты самой простой. — Нѣтъ ни разнообразія, ни однообразія, ни другаго начала, которое можно бы было признать началомъ красоты его. Надобно думать, что прелесть цвѣтовъ зависитъ отъ строенія глаза, принимающаго нѣкоторыя образованія лучей съ большею приятностію нежели другія. Сколь различны у разныхъ людей степени чувствительности въ органѣ глаза, столь же различенъ и выборъ въ цвѣтахъ. Но отъ одного ли етого онъ зависитъ? — Очень вероятно, что совокупленіе идей или средство ихъ имѣетъ на сей выборъ великое вліяніе. Нѣжная супруга, ожидающая своего любезнаго съ поля чести, смотритъ съ удовольствіемъ на зеленой цвѣтъ надежды; имъ препоясанъ легкой станъ ея; онъ же и въ канѣ ея перстня. Зеленой цвѣтъ самъ по себѣ приятенъ, возбуждая въ нашемъ воображеніи картины сельскія, юность природы. Счастливая любовь украшаетъ себя розами: — на нихъ взираемъ съ удовольствіемъ, вспоминая свое счастье; на нихъ взираемъ, и сладко сѣтуемъ, воображая скоротечность его. — Бѣлой сливается съ мыслию нашей о простотѣ и невинности; это цвѣтъ Ангеловъ. Голубой возобновляетъ въ нашемъ воображеніи картину неба чистаго и яснаго. — Къ сему можно присовокупить еще замѣчаніе, похищенное изъ святилища красоты, или все равно съ туалетовъ красавиць: всѣ цвѣты блистательные, яркіе не столь приятны сколько тѣ, которые нѣжны, или имѣютъ нѣжныя

оттѣнки. Вѣрной и тонкой вкусом прелестнаго пола занялъ это правило отъ самой Природы. — Такими цвѣтами украшаетъ она нѣкоторыя неподражаемыя свои творенія, напр. перья птицъ; таково же богатое разнообразіе цвѣтовъ, которыми облекается небо, встрѣчая солнце, выходящее изъ багрянаго шатра зари утренней, или провождая его въ золотые чертоги запада! — Зрѣлище очаровательное, которое во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ было любимѣйшимъ подлинникомъ для живописной Поезій! —

Какое зрѣлище! какой прекрасный пиръ
Открылся всей ему Природы!
Онъ видитъ землю вдругъ, и небеса, и воды,
И блескъ планетъ,
Тонушій тихо въ юный рдяный свѣтъ.
Онъ зрѣлъ, какъ солнцу путь заря уготовляла,
Лиловые ковры съ улыбкой разстилала,
Врата востока отперла,
Крылатыхъ коней запрягла,
И звѣздъ царя, сего вѣчнаго возницу,
Румяною рукой взвела на колесницу;
Какъ хоромъ утреннихъ часовъ окружена,
Подвинулась въ свой путь она,
И возшумѣла вслѣдъ съ колесъ ея волна;
Багряны возжи напряглися
По конскимъ блещущимъ хребтам;
Летятъ вверхъ, пышутъ огонь, свѣтъ мещутъ по странамъ,
И мглы подъ ними улеглись,
Изъ коихъ зыблущихъ сѣдинъ,
Челомъ сверкая золотымъ,
Возстали горы изъ долинъ,
И воскурился сверхъ ихъ тонкій дымъ.
Онъ зрѣлъ, какъ свѣта Богъ съ морями лишь сравнялся,
То алый луч на нихъ восколебался,
Посыпались со скалъ
Рубины, яхонты, кристалъ;
И бисеры перловы
Зажглися на вѣтвяхъ;
Багряны тѣни, бирюзовы,
Слилися съ златомъ въ облакахъ; —
И все сіяніе покрыло!
Онъ видѣлъ, какъ сіе божественно свѣтило
На высоту небесъ внесло свое чело,
И пропастей лице лучаи разцвѣло: —
Открылося морей огнисто протяженье...

Отъ цвѣтовъ перейдемъ къ фигурамъ, которыя представляютъ намъ красоту въ великомъ количествѣ предметовъ. Правильность прежде всего обращаетъ на себя вниманіе; правильною фигурою называю ту, которой части образованы по одному чертежу или правилу, сохраненному во всемъ составѣ цѣлаго. Многія правильныя фигуры приятны взору и воображенію; но не можно сказать, чтобы всѣ фигуры нравились исключительно своею правильностію, и чтобы она была основою красоты; — приятное разнообразіе есть источникъ гораздо обильнѣйшій прекраснаго. Умѣнье управлять симъ разнообразіемъ, сохранять въ немъ мѣру, есть главное

средство очаровывать взоры наши! Вѣроятно, что правильность нравится намъ потому, что возбуждаетъ въ воображеніи нашемъ мысли о порядкѣ, справедливости, точности, приличіяхъ и пользѣ; ибо всѣ сіи качества ума и тѣшанія имѣютъ отношеніе къ образамъ правильнымъ и пропорціональнымъ. — Впрочемъ, человѣкъ слишкомъ правильной въ своихъ поступкахъ, молодая женщина слишкомъ и безпрестанно правильная въ словахъ своихъ, сочиненіе слишкомъ правильное, домъ слишкомъ правильной очень хороши... но не всегда прекрасны. Можетъ быть, особенная привязанность Ломоносова къ сей правильности въ его одахъ, всегда располагаемыхъ по планамъ строгимъ и виднымъ, причиною того, что для многихъ онъ не столько нравится, сколько Державинъ, всегда свободный, всегда разнообразный. Природа, сей безъ сомнѣнія искуснѣйшій художникъ, знающій совершенно тайну нравиться, въ составленіи и украшеніи вещей вездѣ почти предпочитаетъ разнообразіе правильности. Окна, двери, житница, имѣя цѣлю пользу, должны сохранять правила и отношенія пропорціи; но мы видимъ чрезвычайное разнообразіе въ цвѣтахъ, листьяхъ и травахъ. — Прямой каналъ, проведенный по веревкѣ, отвратителенъ въ сравненіи съ рѣкою, извиноющеюся въ долину, между двумя рядами горъ возвышенныхъ. — Пирамиды прекрасны; но какъ жалко сотрѣтъ на бѣдныя деревья, обрѣзанныя пирамидами и конусами! И какъ онѣ прелестны въ натуральной своей свободѣ! — Для удобства жителей нужно, чтобъ домъ всегда расположенъ былъ правильно: но садъ, опредѣленный для удовольствія, потерялъ бы очень много, если бы онъ расположенъ былъ также какъ домъ. — Какъ скучно, ставъ на одномъ концѣ сада, черезъ прямую аллею видѣть учительную загородку, которая ограничиваетъ мое зрѣніе, и говоритъ душѣ моей, что она въ оковахъ, стѣснена!.. Видѣть неограниченно значить вполне обладать и наслаждаться; но зная, гдѣ конецъ, я уже разочарованъ и наслаждаюсь въ половину. — Не то же ли было бы съ нами на этой, болѣе или менѣе цвѣтущей аллее жизни? — Милосердый Творецъ нашъ, желая чтобы мы наслаждались ею, скрылъ отъ насъ конецъ ея, — часъ смерти; мы увѣрены, что она есть: но очарованія, окружающія насъ повсюду, гонять отъ насъ сію мрачную мысль: то виды честолюбія, то виды корысти, то виды прелестей показываются намъ на каждомъ шагу: мы уклоняемся то въ ту, то въ другую сторону, не думая о будущемъ, закрытомъ въ синей отдаленности. Однимъ видомъ наскучили, несемъ къ другому... И такъ въ разныхъ переходахъ, — то по лѣсточкамъ любви и удовольствій, то по зыбкимъ мостикамъ знатности и почестей, то кремнистою тропею несчастія, шествуемъ нечувствительно до тѣхъ поръ, пока станемъ на краю рва, ограничивающаго поприще нашей прогулки въ этомъ мірѣ! — Такъ благоизволилъ всевышній Учредитель вертограда сего! такъ поступаютъ маленькіе вертоградари въ маленькихъ садахъ своихъ, дабы удовлетворить врожденное стремленіе наше къ маленькимъ приятностямъ. Гогартъ въ своемъ Разборѣ красоты говоритъ, что фигуры, опредѣленные кривыми линиями, вообще несравненно прекраснѣе тѣхъ, которыя ограничиваются прямыми линиями и углами. — Онъ представляетъ двѣ линіи, кои, по его мнѣнію, составляютъ красоту фигуръ: одна извиноющаяся или кривая линия, кая то удаляется отъ прямого своего направленія, то приближается къ нему; — онъ называетъ ее линіею красоты. — Она видна въ цвѣтахъ, въ раковинахъ, въ станѣ и строеніи человѣка, какъ прекраснѣйшаго творенія природы; живописецъ, ваятель, изображавшіе мужественныя красоты Аполлона, и очаровательныя прелести Венеры Медицѣйской, во всѣхъ чертахъ сохранили сію линію. Другая линія называется линіею приятностей; она та же самая, обвитая вокругъ твердаго тѣла: таковы колонны, составляющія украшеніе лицевой стороны зданія. И такъ разнообразіе можно почесть существеннымъ началомъ красоты; ибо главная прелесть линей кривой, столько предпочитаемой живописцами, состоитъ въ непрерывныхъ уклоненіяхъ, которыя отдаляютъ ее отъ грубой правильности линей прямыхъ.

Движеніе есть другой источникъ красоты. — Движеніе безъ всякихъ другихъ пособій само собою нравится; и тѣла движущіяся, или въ дѣйствии находящіяся, предпочитаются тѣламъ неподвижнымъ. Прекрасное допускаетъ только умѣренное движеніе; если оно слишкомъ быстро, или насильственно, каковы напр. порывы разлившихся весною водъ; тогда принадлежитъ къ высокому. — Приятно смотрѣть на птицу, которая плыветъ плавно и тихо въ предѣлахъ

горнихъ; быстрой полеть молніи величественъ и ужасенъ. Вы изволите замѣтить, какъ близко здѣсь стекаются высокое и красота. Теченіе рѣки спокойное, ровное, есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ предметовъ Природы; но когда она выходитъ изъ береговъ, наводняетъ долину, съ ревомъ низпровергаетъ все встрѣчающееся: деревни, дома и стада; — тогда прекрасное исчезаетъ, остается высокое. Молодое дерево нравится; древній вѣтвистой дубъ возбуждаетъ нѣкоторое благоговѣніе. — Чистое небо на зарѣ утренней очаровательно, прелестно. — Звѣздная ночь — величественна. Замѣчено, между прочимъ, и совершенно справедливо, что движеніе прямое менѣе прекрасно, нежели движеніе искривленное или волнистое; движеніе въ верхъ болѣе приятно нежели движеніе въ низъ; — въ етомъ особенно удостовѣряють насъ всѣ временно торжествующіе честолюбцы, парящіе и ползущіе на высоты счастья. Взмывающійся къ небу пламень, дымъ клубящійся волнами надъ хижиной — прекрасныя зрѣлища. Всѣ движенія необходимыя, имѣющія предметомъ пользу, совершаются по прямымъ линейкамъ; всѣ предпринимаемыя для удовольствій, слѣдуютъ въ линейкахъ уклоняющихся. Трудъ, знаніе и правота идутъ первою дорогою; — льстецъ, невѣжа и праздной выбрали себѣ другую. Балеты и танцы доказываютъ то же. Орлы летаютъ прямо или въ большихъ кругахъ. Голубки, Амуры, Граціи выются, кружатся около насъ, и опутываютъ сердца сѣтями своими.

И такъ цвѣтъ, фигура, движеніе, сами по себѣ суть начала красоты; но ихъ соединеніе въ большей части предметовъ дѣлаетъ ее болѣе полною, совершеннѣйшею. Кустарники, деревья представляютъ вдругъ нѣжность цвѣтовъ, приятность фигуры и движенія при умѣренномъ вѣтрѣ. Нѣжной цвѣтъ лица, стройность стана, живость характера, составляютъ главныя основы красоты женской. — Представьте себѣ Терпсихору, танцующую на лугу въ хорѣ чистой Діаны. Легкими стопами своими она едва преклоняетъ головки цвѣтовъ и травъ; она летаетъ; скромная, стыдливая улыбка сообразуется съ благородными и вмѣстѣ прелестными движеніями рукъ ея; персты несжатые, нераздѣленные, показываютъ какое-то упоеніе чувствованій, свободное, но тихое; глава преклонена на одно плечо; легкая, бѣлая одежда, какъ туманъ утренній, препоясана златымъ поясомъ: — она волнуется, и въ движеніяхъ своихъ показываетъ удивительную стройность прекраснаго стана; — иногда возвышая величественно, иногда преклоняя свою голову ухищренно и робко, она мещетъ на васъ взоръ свой, сей всеговорящій взоръ, — то стыдливый, то пламенный, то исполненный какого-то сладостнаго томленія. Ни кто не смѣетъ вздохнуть; каждой боится потерять малѣйшее ея движеніе; и взоры и души слѣдуютъ за нею безпрестанно.

Собраніе красотъ, соединенныхъ вмѣстѣ, самое полное, какое только можетъ представить природа, есть безъ сомнѣнія прекрасной сельской видъ, обогащенный многообразіемъ прекрасныхъ предметовъ. — Вы видите поле, украшенное цвѣтами; еще утренніе брилліанты свѣтятся на ихъ листочкахъ. — Вокругъ разбросаны маленькія рощицы, которыя, подобно веселымъ семействамъ, будучи движимы вѣтромъ, шумятъ, какъ будто разговариваютъ между собою; — долину раздѣляетъ рѣка; на берегу ея видите молодого человѣка, держащаго удочку, которая наклонилась круто дугою: знакъ благопріятной. — Вдали мостъ, по которому погонщикъ идетъ за тяжелымъ возомъ. Недалеко хижина, окруженная деревьями; надъ нею вьется голубой дымъ. — Въ отдаленіи великолѣпное зданіе, кровля котораго, отражая лучи солнечныя, кажется пламенною; горы, еще не возставшія изъ мрака ношнаго, ограничиваютъ горизонтъ. — Представляя сѣи предметы, мы наслаждаемся вдругъ и постепенно всѣми чувствованіями, возбуждаемыми красотою въ величайшемъ совершенствѣ. — Тѣ, которые не имѣютъ зора и вкуса образованнаго, опытнаго въ выборѣ сихъ сценъ, которые не имѣютъ богатаго воображенія, тѣ никогда не успѣютъ въ стихотворныхъ описаніяхъ. —

Красота фізіономіи человѣческой болѣе сложна нежели всѣ тѣ, которыя останавливали доселѣ наше вниманіе. Въ ней заключается красота цвѣта, состоящаго въ нѣжности оттѣнковъ и въ красотѣ фигуры, или различныхъ чертъ, ее составляющихъ; но главная прелесть лиценачертанія состоитъ въ какой-то выразительности, какая, кажется, обнаруживаетъ наклонности души, или расположенія сердца, умъ, кротость, живость, откровенность, чувствительность, благорасположеніе и всѣ другія любезныя качества человѣка общественнаго.

Какая причина заставила предполагать столь близкое отношеніе между чертами лица и нѣкоторыми свойствами душевными? — Инстинктъ, или опытъ заставилъ насъ отличать сіе отношеніе, и судить о чувствахъ сердца по движенію, по начертанію лица? — Не мнѣ судить объ етомъ; довольно сказать, что всѣми уже принято и признано, что красота фізіономіи болѣе всего состоитъ въ томъ, что называется выразительностію. — Лице неговорящее, какъ бы оно правильно ни было, то же что гіероглифъ Египетской, я смотрю на вырѣзанныя фигуры и незнаю, что объ нихъ подумать; — онѣ мнѣ чужды.

Чтобы судить о красотѣ человѣка, надобно знать, какое намѣреніе имѣла Природа при его сотвореніи. Она хотѣла, чтобы онъ способенъ былъ трудиться и сражаться; питать и защищать робкую свою подругу и слабыхъ дѣтей своихъ. Станъ и черты человѣка показываютъ дѣятельность, силу, смѣлость, мужество. Мышцы гибкія и сильныя, образованіе открытое, формы, показывающія крѣпость и удобность дѣятельности терпеливой и быстрой; станъ, котораго величавость и стройность не имѣетъ ничего изнѣженнаго, слабаго, тяжелаго; тѣсное отношеніе одной части къ другой; во всемъ симметрія, равновѣсіе столь совершенное, что всѣ механическія работы для него легки и свободны; черты лица, изображающія благородную гордость, самонадѣянность, отвагу, доброту, нѣжность, чувствительность; глаза, въ которыхъ блистаетъ душа и кроткая и великая; уста, готовыя улыбаться любви и природѣ: все это составляетъ характеръ прекраснаго мужчины! — Сказать, что мужчина прекрасенъ, значитъ сказать, что Природа, сотворяя его, знала что дѣлала, и сдѣлала, что хотѣла. —

Я обращаюсь къ изображенію прекраснаго, которое было послѣднимъ твореніемъ Всемогущаго. Съ робостію и недоумѣніемъ дерзаю изловить нѣкоторыя токмо черты прелестнѣйшей подруги человѣка; ибо кто всѣ въ силахъ исчислить! —

Рожденная быть супругою и матерью, для покоя и удовольствія, для умягченія, — скажу болѣе — для образованія нравовъ мужчины, для его счастья, — она сидитъ въ уединенной комнатѣ своей, занятая свойственнымъ прелестному полу рукодѣльемъ. Не буду говорить о красотѣ наружной; она зависитъ отъ мнѣній различныхъ; она болѣе временна, нежели красота мужчины; но за то женщина едва ли не превосходитъ его въ сильномъ чувствованіи дружбы, нѣжнѣйшаго участія и самаго пламеннаго доброжелательства: — это было намѣреніе, съ которымъ создала ее Премудрость предвѣчная, пекущаяся о благѣ семейства. Въ чемъ же, спросите, красота ея? — Взоръ, видъ, поступки: все обнаруживаетъ въ ней кротость любезнѣйшаго владычества. Двѣ могущественнѣйшія прелести любви, страсть и стыдливость, обнаруживаются въ ней милою чувствительностію и скромностію. Мужчина взираетъ на нее, какъ на возмездіе благородной и труднѣйшей побѣды; онъ хочетъ сыскать въ ней любовницу, а не рабу; она является ему, украшенная не столько наружными своими прелестями, сколько чистотою и возвышенностію чувствованій. — И такъ красота ея заключаетъ въ себѣ скромность и гордость вмѣстѣ. Мужчина гордится ею, и тѣмъ живѣе, тѣмъ пламеннѣе чувствуетъ всю высоту и прелесть славы, управлять столь благороднымъ твореніемъ. — Она слаба; она требуетъ подпоры и защиты со стороны мужа: сія самая слабость есть новое обвороженіе для чувствительнаго ея друга; — она дѣлаетъ ее робкою, боязливою! — А робость и боязливость женщины развѣ не прелесть? — Будучи врожденнымъ чувствомъ ея души, сія любезная робость живописуется въ ея томныхъ и полутребовательныхъ взорахъ, дышетъ изъ ея устъ, разликаетъ какую-то милую нѣжность на всѣ черты лица ея: но еще мольба сильнѣе всѣхъ царственныхъ повелѣній на свѣтѣ! — это гласъ божества, вѣщающій въ смиреніи. — Видъ откровенный, чистосердечіе, невинность, приятности простыя, по видимому не умышленныя, которыя, таясь, обнаруживаются, сіи тайны сердечной склонности, скрываемыя, измѣняющія себѣ самимъ нѣжностію улыбки; сей нечаянный огонь въ робкомъ взорѣ, тысячи оттѣнковъ случайныхъ, внезапныхъ въ выраженіи глазъ и лиценачертанія: вотъ что составляетъ разительное краснорѣчіе лица женскаго! — Когда оно холодно, тогда при всей правильности своей нѣмо, и ничего не значитъ. !

Самая величайшая сила женщины надъ сердцемъ мужчины заключается въ быстромъ ея постиженіи, или прониканіи. Она и въ ту пору, когда уступаетъ мужинѣ, чувствуетъ въ тайнѣ

сердца своего всю власть свою, чувствуетъ, что она щадитъ его и себя. Сія живая пронзительность изображается въ хитрыхъ и кроткихъ глазахъ прекрасной женщины, а особенно въ томъ взорѣ, которой проникаетъ въ самые скрытые изгибы нашего сердца, чтобы отличить раждающуюся холодность, чтобы узнать тайную скорбь и облегчить ее, чтобы оживить радость и воспламенить любовь.

Мушина любить; но надобно плѣнить его совершенно, удержать его о непостоянства, отъ пороковъ, отъ скуки... Чтобъ сдѣлать его лучше, нѣжнѣе, чувствительнѣе, добродѣтельнѣе, общежительнѣе, для того, какими неистощимыми средствами одарила женщину Природа! — Она учитъ его, ни мало не оскорбляя самолюбія, способами кроткими, даже нечувствительными! — Она, чтобы избавить его отъ привычки, являетъ ему всегда новыя прелести, и, будучи одна и та же, въ глазахъ возлюбленнаго кажется безпрестанно новою. — Это чудо имѣетъ основу свою въ ея живости, которая придаетъ красотѣ столько блеску и силы. — Легко способная ко всѣмъ движеніямъ воображенія ума и души, она всегда быстро обрѣтаетъ срѣдства; въ ней, какъ въ зеркалѣ, не только все живописуется, но и украшается. —

Можно ли умолчать о красотѣ женщины, какъ друга, какъ матери, какъ сострадательницы, какъ утѣшительницы!..

Характеръ друга прекрасенъ въ мушинѣ; но онъ несравненно прелестнѣе въ женщинѣ. Первой вспомошествоуетъ намъ, дѣлитъ съ нами всѣ трудности, всѣ опасности, но онъ имѣетъ способы и силы къ перенесенію трудностей, къ преодолѣнію опасностей; — въ другой слабость, оживляемая единственно любовію и доброжелательствомъ, дѣлаетъ то же, или еще болѣе. Мушина развлеченный заботами, не такъ быстро предвидитъ, какъ женщина; умъ его не можетъ замѣтить, уловить всѣхъ самыхъ малѣйшихъ подробностей въ угожденіяхъ, которыя чувство женщины различаетъ вдругъ и быстро. Кто можетъ лучше успокоить болѣзнь и старость? — Если бы у Едипа были и добрые сыновья, то одна только Антигона могла рѣшиться странствовать, и покоить такимъ образомъ несчастнаго царственнаго старца. Вотъ красота ея! — Кто лучше можетъ сострадать несчастному, утѣшить сѣтующаго, ободрить унывающаго? — Въ мушинѣ часто основою всякаго добраго дѣла бываетъ честолюбіе и гордость; женщина, по самой природѣ своей, не въ состояніи питать двухъ страстей вмѣстѣ, желанія добра и въ ту же минуту гордости; она можетъ перейти отъ одного къ другому чувству; но самая слабость помѣшаетъ ей питать оба въ одно и то же время. Я вижу ее въ часы своей прогулки, приближающуюся къ маленькому домику, въ которомъ унываетъ нищета и болѣзнь. Закрытая, въ простой одеждѣ, съ простотою сердца приближается она къ постели страданія, и исцѣляетъ раны его, и какъ утѣшитель, или какъ врачъ, или какъ совѣтникъ. — Самой другъ не знаетъ объ ея благотвореніяхъ; но она ничего не скрываетъ отъ него, а бережетъ тайну съ намѣреніемъ, подарить его ею — въ день рожденія, или въ день его именинъ. Тамъ, при повѣствованіи печальнаго происшествія, она проливаетъ слезы; но съ какою быстротою трогается она несчастіемъ, столь же быстро приходитъ въ восторгъ радости, при услышаніи доброй вѣсти о перемѣнѣ фортуны ближняго: — въ ету минуту особенно блистаетъ красота женщины! Справедливо сказалъ Шиллеръ: тотъ не видалъ радости, кто не видалъ красоты радующейя, и тотъ не видалъ красоты, кто не видалъ ее въ слезахъ. Но сверхъ того, развѣ женщины не способны для дѣлъ великихъ, опасныхъ? — Тамъ любовію и вѣрностію подкрепенная Порція учитъ своего супруга умирать, какъ прилично гражданину; тамъ Арісія, твердостію своею избавляетъ мужа отъ позорной смерти. Тамъ юная подруга, не могши перенести разлуки съ своимъ возлюбленнымъ, отказывается отъ всѣхъ удовольствій свѣта; покрытая крепомъ печали, въ томномъ унынїи истощивъ свои слезы, съ погасшими глазами, съ трогательною блѣдностію въ лицѣ, во мракѣ бури, при медленномъ звукѣ колокола ближней церкви, стоитъ она подлѣ памятника своего возлюбленнаго, и дожидается часа радостнаго съ нимъ соединенія. — Въ етой блѣдности, въ етихъ померкшихъ глазахъ сіяетъ надежда, увѣренность въ свиданїи! — Вотъ предметъ прекрасной для живописи! —

А тамъ: — Какое зрѣлище для нѣжныя души,
 О Гріозъ, дай кисть свою, иль самъ ты напиши!
 Въ румяной ясный день, при солнечномъ восходѣ,
 Тогда, какъ все цвѣтеть и нѣжится въ природѣ,
 Все нектаръ пьетъ любви, весной своей гордясь:
 Климена скромная на люльку опускась
 Ни молвить, ни дышать не смѣя,
 Любуется плодомъ безцѣннымъ Гименея,
 Любуется его улыбкою сквозь сонъ,
 И чуть не говорить: какъ милъ!.. и точно онъ!..

Но можно ли счислить всѣ виды красоты женщинъ, какъ сестеръ, какъ дочерей, какъ супруговъ и какъ наставницъ, въ нѣдрахъ семейства, въ обществахъ блистательныхъ и дружескихъ, въ счастіи и несчастіи! — Взять на себя такой трудъ значить то же, что пересчитывать всѣ цвѣты, которыми украшается природа, и всѣ лучи, которые истекаютъ изъ солнца. Гораций видѣлъ красоту сію неизмѣнную, даже возрастающею въ самой жестокости ихъ, въ самой вѣтренности, и даже въ самыхъ измѣнахъ; — и мы не смѣемъ не вѣрить Горацию, хотя и боимся того. Мы въ опроверженіе представляютъ безконечное различіе въ мнѣніяхъ о красотѣ женской. — И я признаюсь въ самомъ дѣлѣ, что суетность, нравы и обычаи, прихоти народныя или частныя, имѣютъ столь величайшее вліяніе на вкусы, что чрезвычайно трудно, разбирая ихъ подвести къ единству начала. — Нужды нѣтъ! — Избѣгая споровъ, мы хотѣли ограничить себя одними только наблюденіями.

Все представленное мною выше подаетъ случай замѣтить, что нѣкоторыя качества сердца и ума возбуждаютъ въ насъ чувствованія, подобныя приятному чувствованію красоты, какъ бы онѣ выражены ни были: словами, дѣйствіемъ, или фигурой. Нравственныя качества раздѣляютъ обыкновенно на два рода: на блистательныя и возвышенныя добродѣтели, требующія чрезвычайнаго усилія, опасностей, терпенія, какъ то воинственная доблесть, великодушіе, презрѣніе удовольствій, презрѣніе смерти. — Это все принадлежитъ къ высокому. Другой классъ заключаетъ въ себѣ добродѣтели мирныя: таковы напр. состраданіе, дружба, кротость, благородство. — Сіи послѣднія въ наблюдателѣ производятъ чувствованіе удовольствія, столько сходное съ тѣмъ, которое ощущаемъ при представленіи предметовъ вещественныхъ прекрасныхъ, что мы можемъ ихъ причислить, не унижая, къ одному и тому же роду. — Это замѣтилъ я, въ оправданіе моего отступленія, можетъ быть, слишкомъ пространнаго, о красотахъ человѣка. Пойдемъ далѣе.

Искусство составляетъ родъ красоты отдѣльной отъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ я посію пору имѣлъ честь предложить. Чувство удовольствія въ семъ случаѣ, собственно сказать, есть слѣдствіе разсмотрѣнія средствъ, сообразныхъ съ намѣреніемъ и съ концомъ вещи, въ которой части всѣ расположены по взаимнымъ ихъ отношеніямъ, дѣйствію и цѣли. — Разсмотрите напр. составъ растѣнія: корень, колось, кора, листья, все способствуетъ его питанію, его растительности. То же точно увидимъ, разбирая части животнаго, или какого либо изобрѣтенія въ искусствахъ, напр. строенія корабля; видя что всѣ части его связаны другъ съ другомъ и споспѣшествуютъ пользѣ цѣлаго, мы чувствуемъ удовольствіе красоты, хотя оно происходитъ отъ причинъ непохожихъ на тѣ, которыя возбуждали въ насъ то же удовольствіе при воззрѣніи на цвѣтокъ, на движеніе фигуры, многоразличіе. Мы представляють часы: металлъ, фигура, или живопись возбуждаютъ чувство красоты въ первомъ смыслѣ сего слова: я удивляюсь блистательному цвѣту, полировкѣ, работѣ нѣжной и точной; потомъ, раскрываю часы и рассматриваю ихъ строеніе; вижу пружины и колеса, дѣйствующія другъ на друга, и посредствомъ сего взаимнаго дѣйствія, производящія собственное независящее отъ силъ постороннихъ мѣрное и постоянное движеніе на извѣстное время: удивленіе и удовольствіе мое возрастають; мы приятно думать объ искусствѣ художника, которой изъ разногласія противодѣйствующихъ силъ составляетъ силу соотвѣтствующую его цѣли. — Вотъ другое, такъ сказать, ученое

чувство красоты, основанное на правильности и сохранении приличий: мы испытываемъ отношенія частей съ цѣлымъ и съ концомъ, которой мы знаемъ, или предполагаемъ, и твореніе нравится по мѣрѣ того, сколько сія правильность и отношенія очевидны; — если етого нѣтъ, вся красота предмета исчезаетъ. —

Разобравъ прекрасное во всѣхъ родахъ, я обязанъ еще приноровить сіе слово къ сочиненіямъ въ стихахъ и въ прозѣ. Вотъ прекрасные стихи! — говорятъ у насъ; вотъ прекрасная проповѣдь! — прекрасная эпиграмма! — Изъ сихъ выраженій видно, что красота въ сочиненіяхъ приписывается всему тому, что нравится по слогу, или по мыслямъ. Въ обыкновенномъ разговорѣ прекрасная поема, или прекрасная рѣчь значить не что иное какъ просто хорошее сочиненіе: это слово не знаменуетъ ни степени совершенства, ни рода. Однако есть другой смыслъ, не столько неопредѣленной, въ которомъ прекрасное или красота слога означаетъ заслугу. — Сямъ словомъ стараются почтить сочиненія приятныя нѣкоторыхъ писателей по оборотамъ мыслей и рѣченій; въ нихъ нѣтъ ни страстнаго, ни высокаго, ни забавнаго, но есть все что возбуждаетъ въ читателѣ движеніе сладостное, подобное тому, которое чувствуемъ мы при появленіи прекраснаго предмета въ природѣ: оно не возвышаетъ нашего духа, не движетъ его сильно, но распространяетъ въ воображеніи какую то прелестную ясность. — Къ числу таковыхъ писателей, на пр.: изъ Французовъ принадлежитъ Лафонтенъ, Фенелонъ, Мармонтель, и другіе. Виргилій, хотя бываетъ иногда высокъ, можетъ также относиться къ сему классу; ибо главное достоинство его состоитъ въ прелестяхъ и красотѣ слога. (227) — Цицеронъ болѣе прекрасенъ въ рѣчахъ, нежели Демосіенъ. — Простота, сила и стремительность послѣдняго дѣлають высокимъ. — Сочиненія Дмитріева по сладости, приятности и чистотѣ слога можно отличить названіемъ прекрасныхъ. Херасковъ въ стихахъ, и особливо въ прозаическихъ своихъ сочиненіяхъ, напр.: въ Кадмѣ и Гармоніи, сохранилъ также сію степень прекраснаго, которая производитъ впечатленіе сладостное. — Богдановичъ имѣетъ такое же достоинство. Въ семъ смыслѣ мы скажемъ очень правильно: прекрасныя пѣсни Нелединскаго-Мелецкаго! прекрасныя бездѣлки Карамзина.

Соединяя всѣ замѣчанія наши о прекрасномъ подъ общую точку зрѣнія, мы видимъ, что оно въ природѣ и искусствахъ дѣйствуетъ на насъ или посредствомъ мыслей, или посредствомъ чувствъ, или просто посредствомъ наружныхъ органовъ. Отсюда три рода прекраснаго: умственное, нравственное, вещественное. Глазъ есть преимущественно органъ красоты физической. Слухъ, по превосходству, органъ красоты нравственной и умственной. Сила, богатство, разумніе, три качества, по которымъ даетъ себя ощущать красота уму, сердцу и чувствамъ. Сила есть способность дѣйствовать, богатство — обиліе въ средствахъ плѣнять; разумніе состоитъ въ искусствѣ полезномъ и благоразумномъ употреблять ихъ. Въ животныхъ находимъ мы три характера красоты, иногда соединенные, иногда раздѣленные, иногда подчиненные одинъ другому. Красота орла, льва, есть сила; въ павлинѣ кратота — богатство; въ человѣкѣ — разумніе, которое должно господствовать.

Въ нравственномъ мірѣ: Сократъ между мудрецами есть прекрасной характеръ; — между героями Цезарь, или Сципіонъ, прекрасной герой; между Царями Маркъ Аврелій — прекрасной образецъ Царей. !

По той же причинѣ, задачи физики, математики, изобрѣтенія механическія, соотвѣтственныя своей цѣли и предполагающія дѣйствія необыкновеннаго ума называются прекрасными.

Сочиненія Державина дышутъ какою-то особенною роскошью, обиліемъ въ мысляхъ и картинахъ, какъ средствахъ нравиться: онѣ прекрасны. — Можно сказать утвердительно обо всѣхъ предметахъ въ природѣ и искусствѣ, что они прекрасны, тогда когда природа или искусство совершенно исполнили въ нихъ свою цѣль, свое намѣреніе.

Къ удовольствіямъ вкуса причисляютъ кромѣ высокаго и красоты — новость. Есть предметы, которые безъ всякаго другаго достоинства, кромѣ рѣдкости, или новости, единственно сею прелестію производятъ чувство живое и приятное. — Таково начало любопытства, свойственнаго всѣмъ людямъ; предметы къ намъ близкіе, знакомые съ давняго времени, производятъ въ насъ слабое впечатлѣніе; все новое, необыкновенное, чрезвычайное пробуждаетъ умъ отъ его сна. Черезъ сіе объясняется удовольствіе, почерпаемое нами въ чтеніи вымышленныхъ происшествій

или романовъ; впрочемъ всегда надобно помнить, что предметъ, отличающійся единственно своею новостію, не имѣетъ прочныхъ прелестей. — Онъ узнавъ; — мода прошла — и забытъ.

У меня спросятъ наконецъ: какой классъ удовольствій вкуса принадлежитъ особенно къ Поезій, или Краснорѣчію? — Исключительно не одинъ: но всё вмѣстѣ. — Все, что можетъ льстить вкусу или воображенію, должно быть подъ рукою стихотворца. Пусть поражаетъ онъ высокостію мыслей и чувствъ, какъ Ломоносовъ, или Державинъ; пусть плѣняетъ красотою, искусствомъ стиховъ, какъ Дмитріевъ, Капнистъ, или Нелединской-Мелецкой; пусть дѣйствуетъ на наши нравы, учитъ насъ благочестію и любви къ Отечеству какъ Херасковъ; пусть забавляется, какъ Фонъ-Визинъ, пусть укоряетъ пороки, какъ Кантемиръ; цѣль достигнута: ему вѣнецъ и слава.

Гимнъ къ дѣятельности

Святая, блаженная дѣятельность! для чего мыслятъ нѣкоторые, что Ты угрюмое, мрачное божество, чуждое всѣхъ удовольствій, всѣхъ радостей? — Для чего представляютъ храмъ Твой кузницею Вулкана? — Говорятъ, что съ чела Твоего течетъ кровавый потъ, отираемый холодною, дрожащею рукою Твоего блѣднаго, престарѣлаго, но всегда неутомимаго товарища, котораго смертные называютъ *Терпеніемъ*. Нѣтъ! я видѣлъ Тебя въ другомъ образѣ: свѣтлое чело Твое сіяло младостію и здравіемъ; на главѣ Твоей вѣнецъ величественный, знаменующій Тебя божествомъ, и войны и мира, обществъ и Царствъ, семействъ и гражданъ, — могущественною Силою, душею всея Природы: — золотыя класы, переплетенныя вѣтвями лавра и дуба, въ тѣни свѣжихъ розъ, окружаются змѣею, эмблемою безсмертія. — Въ одной рукѣ Твоей серпъ, а въ другой скипетръ. — Окрестъ престола Твоего гении Наукъ и Художествъ, Земледѣлія и Торговли. — Предъ Тобою — вдали, въ одной сторонѣ блѣютъ парусами, какъ крилами облеченныя флоты; а въ другой, — великолѣпныя, крѣпкія грады, мирныя села; и еще далѣе, — благодатною тѣнію осяненныя, богатыя жатвы, волнующіяся, подобно морямъ безбрежнымъ. Храмъ Твой — весь міръ, Тобою образованный, облагодѣтельствованный, сохраняемый Тобою!

Движутся моря великія отъ Востока до Запада; высятся и упадаютъ горы; возгораются подземныя огни, потрясается земля, пылаютъ Этны и Везувіи, возстаютъ и исчезаютъ въ безднахъ острова; режутъ бури и громы, шумятъ рѣки съ небесъ; день и ночь, предводимыя зарями румяными, лобзаются, и смѣняются другъ друга; Весна привѣтствуетъ Лѣто, угощаемое за труды свои Осенью, которая, послѣ роскошнаго пиршества, спѣшитъ успокоиться въ холодныхъ и мрачныхъ, но благодѣтельныхъ чертогахъ Зимы, сестры своей... Что все сіе значитъ? — Это Твои преображенія въ природѣ; это Ты мудрый, невидимый Хозяинъ, безпрестанно трудящійся въ своемъ домѣ. — Ты уготовляешь пищу Солнцамъ, и назначаешь быстроту вѣтрамъ, рабамъ Твоимъ, разносящимъ Твои повелѣнія и матеріалы. Ты творишь воды и огонь для оживленія всего растущаго и дышущаго; ни одно зерно не пропадаетъ въ Твоей области. Самая смерть есть Твое орудіе. Воздухъ, огонь и вода — Твои служители; вселенная — художественная Твоя храмина.

Но и малѣйшая часть праха земнаго, отриваемая быстролегчайшимъ вѣтромъ съ дикаго камня скалы, — развѣ также не художественная Твоя храмина, о! всеобъемлющая и въ ничтожной пылинкѣ присутственная *Дѣятельность!* — Начало жизни и красоты *прозябающей*, сѣмя бытія возникаетъ изъ грубаго нѣдра земли, и разстилается въ великолѣпной, зеленоцвѣтной покровъ для своей матери. Питательная, животворная сила Твоя высится отъ корня въ класъ, древѣ и вѣтвяхъ, и преобразуется въ очаровательныя прелести цвѣтовъ и листьевъ. — На одномъ листкѣ тысячи невидимыхъ, едва вооруженнымъ окомъ постигаемыхъ, твореній начинаютъ, продолжаютъ, и оканчиваютъ мгновенное бытіе свое, какъ мы на своей огромной планетѣ. — И въ нихъ трепещетъ сердце; и въ нихъ пылаютъ желанія; и въ нихъ дѣйствуешь Ты по таинственнымъ законамъ Предвѣчнаго! — Что суть сіи незримыя творенія, соединяющія царства Природы между собою, — сіи творенія, наполняющія воздухъ, воду и землю! — Ахъ! и въ нихъ столь же велики и чудесны труды Твои, какъ въ громадѣ слона, какъ въ чувствительной травкѣ, какъ въ произведеніи несокрушимаго алмаза и блистательныхъ металловъ; — какъ въ ульѣ пчелы и въ пещерахъ Антипароса, какъ въ магнитѣ, познающемъ сѣверъ, и въ янтарѣ, которой,

скрываяся на днѣ моря, заключаетъ въ себѣ признаки силъ грома небеснаго; столь же велики, какъ въ мірахъ озаряющихъ неизслѣдныя пустыни горнія, и въ *человѣкъ*, въ семъ маломъ мірѣ, болѣе всѣхъ чудеснѣшемъ! — Ты вливаешь искусство въ муравья, столько хитраго въ домашнемъ устройствѣ своемъ, и всеобъемлющую силу Генія въ Невтона, дающаго законы небесамъ.

Общества разумныхъ существъ давно сдѣлались бы жертвой ничтожества, если бы Твое благодѣтельное могущество не охраняло бытія ихъ. — Волнуются народы, востокъ идетъ противу запада, и сѣверъ устремляется на югъ. Подобно всезаливающимъ морямъ, миллионы смертныхъ переселяются изъ одного края въ другой; воюютъ Готты, Гунны, Германны противъ ослабѣвшей Имперіи; — исчезаютъ Царства, яко страшные величественные призраки; возстаютъ новыя на развалинахъ другихъ Царствъ. — Что значать сіи безпрестанныя разрушенія и воскресенія? — это Ты, въ образѣ Честолюбія, сего великаго агента мыслящей Природы, или въ образѣ Нужды — сего всеозаряющаго учителя человѣковъ, Ты совершаешь толико же обширныя намѣренія, колико обширенъ чертежъ, соответствующій неизмѣримости ПЕРВЫЯ ПРИЧИНЫ. —

Кто воздвигнулъ сіи гордыя пирамиды? кто соединилъ великія рѣки, осушилъ моря, ископалъ горы, очертилъ толпы дикихъ смертныхъ, и сдвинулъ ихъ, такъ сказать, въ одинъ кругъ, чтобы покрыть одною порфиною для ихъ благодѣянія? — *Дѣятельность!* — вѣки были ея служителями; добродѣтели и самыя слабости людей были ея орудіемъ! —

Ты изливаешь всѣ блага, всѣ радости щедрою рукою на тѣхъ, которые Тебя любятъ; непроницаемой щитъ Твой простертъ надъ ними, и никакая болѣзнь, и никакая язва, и никакое несчастіе не прикасается къ нимъ. — Они блаженствуютъ въ богатыхъ, вѣчно цвѣтущихъ садахъ Твоихъ: — имъ принадлежитъ все въ мірѣ, они Твои наслѣдники! Сколь напротивъ того несчастны тѣ, кои отвергають Твои внушенія! Сіи ослѣпленные, уродливые дѣти праздности и распутства, подобно Гарпіямъ, оскверняютъ міръ имъ чуждый; болѣзни и бѣдствія желѣзными бичами гонять ихъ въ поприще отчаянной жизни; они не достойны того воздуха, которымъ дышуть, и той пядени земли, въ которую бросить ихъ смерть, умилостивленная ихъ страданіемъ. Какъ? они снѣдаютъ труды Твои, и не вспомнятъ того, что они въ чуждомъ домѣ!

Для чего не именую я Тебя *Трудомъ, Работою, неусыпною Тщательностію!* — Нѣтъ! Ты дщерь Верховнаго Разума, Ты *дѣйствуешь* по неизмѣннымъ чертежамъ *Отца* своего, и достигаешь однажды положенной цѣли. Весьма много *занятыхъ* непрерывными трудами, и очень мало *дѣятельныхъ!* —

Сколь сладостно быть, Тебѣ посвященнымъ въ самомъ несчастіи! Дни горести проходятъ, какъ сонъ, для того, кто *умѣетъ* трудиться: они быстры и ясны. Но Ты благотворишь еще болѣе человѣчеству: Ты ограждаешь его отъ бурнаго вихря страстей, отъ гибельныхъ чадъ роскоши и лѣности. Въ храмѣ Твоемъ, какъ на небѣ, нѣтъ траты отъ времени. — Оно все принадлежитъ Тебѣ; оно не чувствительно, и оно не потеряно. Каждая минута услаждаетъ трудолюбиваго человѣка болѣе, нежели празднотлюбца цѣлой вѣкъ, влекущійся стопами медленной скуки и болѣзни. Для него все блѣдно и мертво; съ Тобою радость и здравіе; тамъ въ изобиліи бѣдность, среди утѣхъ горестное уныніе; съ Тобою богатство въ бѣдности и отрада въ самомъ несчастіи. Все, что не изъ Твоихъ рукъ бываетъ часто ядомъ для тѣла, а еще чаще ядомъ для души.

Ты соединяешь меня съ друзьями моими. Ты сопровождаешь насъ въ храмъ нашего благополучія и чести, озаряешь умъ и сердце свѣтомъ насъ достойнымъ. Предъ Твоими очами разгнута книга *Природы таинственной*; Ты одна можешь постигать ее, Ты одна можешь и учить ей.

ЧТЕНИЕ ПЯТОЕ

въ Беседахъ Любителей Словесности въ Москвѣ

* * *

Въ прошедшее чтеніе имѣлъ я честь предложить Вамъ, Милостивые Государи и Милостивыя Государыни, о главныхъ основахъ науки вкуса, или о выборѣ въ подражаніи природѣ. Вы безъ сомнѣнія замѣтили, что сіе изящество, сія прелесть предметовъ, избираемыхъ искусствомъ, не заключается собственно въ нихъ самихъ, но въ отношеніи, которое они имѣютъ къ намъ. — Въ природѣ все прекрасно. — Но прекрасное природы не есть прекрасное искусства, какъ я замѣтилъ въ прошедшій разъ. — Виды Поэта не всегда суть виды природы. — Ему не нужно знать, хороша ли вещь сама по себѣ: довольно, естли она способствуетъ къ достиженію предположенной имъ цѣли. — Какая, на пр., красота въ грубомъ Скотининѣ, въ Госпожѣ Простаковой, и простодушномъ ея супругѣ, въ Филаткѣ и во всѣхъ его похожденіяхъ, восхищающихъ раекъ, и въ Феклѣ, занимающей дурачествомъ? — Естли бы сіи характеры встрѣтились съ вами дѣйствительно, и, по несчастію, вы принуждены были имѣть съ ними какое-нибудь дѣло: то навѣрное при первомъ разѣ, вы согнали бы ихъ со двора и никогда не захотѣли видѣть. — Но вы ѣдете въ театръ, разсѣять себя послѣ заботъ, видите тѣхъ же самыхъ людей, которые поутру вамъ наскучили, скучающихъ другимъ, спорящихъ между собою: будучи сами совершенно внѣ опасности, вы смѣетесь, и, зная притомъ, что это, при всей живости и точности подражанія, есть не истинное бытіе, но вымыселъ, вы смѣетесь отъ добраго сердца. Такимъ образомъ Писатель достигнулъ своей цѣли, и ему нѣтъ нужды до существенной красоты предметовъ, какъ и Сочинителямъ сихъ Комедій, которые однако сдѣлали свое дѣло. Они желали только понѣжить забавнымъ образомъ ваше самолюбіе, и угодить ему, представя людей, надъ которыми вы столь много возвышаетесь. Вотъ читаютъ намъ колкую Сатиру, бранятъ пороки и порочныхъ, странности и странныхъ, злодѣйства и злодѣевъ. — Это не мы! но, угадаемъ, кто! говоритъ наше самолюбіе. — Мы не заслужили сихъ укоризнъ! какъ жалки эти люди! — какъ они малы предъ нами! Заботливая гордость наша при семъ случаѣ не довольствуется смѣяться надъ тѣмъ, что только смѣшно; нѣтъ! — Она хочетъ допытаться, съ кого именно сняты сіи портреты: — это настоящій сосѣдъ нашъ! Эту Госпожу Жемакину я вчера видѣлъ у себя! — Балъ, здѣсь осмѣянной, точно балъ гна. Глупона! Сцены, сравненіемъ оживленныя, сдѣлались еще забавнѣе... Мы хохочемъ, и говоримъ: Сатира прекрасна! — Чтожь ее сдѣлало прекрасною? Опять наше самолюбіе. — Такимъ образомъ предметы, каковы бы они ни были, становятся въ подражаніи занимательными. — Въ часы отдохновенія, въ шуму городскомъ, въ заботахъ непрерывныхъ, попались вамъ въ руки Эклоги Виргиліевы. — Онѣ восхищаютъ васъ картинами прелестной жизни, беззаботливости, простоты и свободы, которыхъ вы не имѣете, и которыя вамъ столь драгоценны. — Вы сперва можете подумать: Поэзія живописующая состояніе, совершенно отъ насъ отдаленное, теряетъ свою вѣроятность, и становится бесполезною, незанимательною! — Это не совѣмъ справедливо. — Разберемъ самихъ себя, вспомнимъ, сколько часовъ посвящаемъ мы мечтаніямъ, еще болѣе несбыточнымъ? — и можемъ ли отъ нихъ отказаться, будучи снѣдаемы горестію и заботами дѣйствительнаго своего состоянія, будучи утомлены скукою, жить посреди однихъ и тѣхъ же предметовъ! Не составляютъ ли сіи

мечтанія большей части удовольствіи жизни общественной, цѣлительнаго бальзама въ печаляхъ нашихъ, небеснаго очарованія, съ которымъ только противъ воли нашей разлучаемся? Прелестное состояніе пастуховъ не существуетъ; тѣмъ-то оно занимательнѣе, тѣмъ прочнѣе его существованіе въ нашемъ воображеніи, тѣмъ милѣе воспоминаемъ о немъ! — Мечтая о золотомъ вѣкѣ, мы чувствуемъ такое томное наслажденіе, какое посѣщаетъ насъ при воспоминаніи о миломъ другѣ или братѣ, который давно умеръ, но въ которомъ находили мы щастіе; — такое же наслажденіе, съ которымъ смотритъ нѣжный супругъ на портретъ любезнѣйшей супруги, съ коею, разлучили его жестокіе люди и судьбы непостижимыя. Сколь бы далеко ни увлечены мы были вихремъ страстей и нуждъ, чувствуемъ, что простота есть что-то родное наше: на поля и на лѣса смотримъ, какъ на колыбель, въ которой покоилась невинность нашего младенчества. — Въ деревнѣ отдыхаемъ отъ тяжелаго дыму городскаго, подобно бѣднымъ узникамъ, изведеннымъ изъ мрака темницъ на свѣжій воздухъ — подобно людямъ, которые, будучи заперты въ одномъ покоѣ, выходятъ иногда на балконъ прохладиться!.. Вотъ занимательность пастушеской Поэзіи!.. Уже ли не подходитъ она къ предложенному нами правилу? — Но пойдемъ далѣе: вы читаете сочиненіе, въ которомъ страстной любовникъ или другъ говоритъ о своей участи. Кто не любитъ? — Кто не желаетъ раздѣлить съ нимъ своихъ чувствованій? — Онъ стенаетъ, жалуется на измѣны и жестокости! — Кто не испыталъ этаго, или кто не боится испытать!.. Какъ прелестны картины, напоминающія намъ горести и радости, которыя вкушали, или которыхъ скоро ожидаемъ! — Такимъ образомъ утверждена занимательность Пѣсни, Элегіи, Мадригала и всѣхъ сочиненій нѣжныхъ, любовныхъ? — А сказки? — а романы, — сіи постоянные друзья, не теряющіе нашей къ себѣ привязанности во всѣхъ состояніяхъ, при всѣхъ перемѣнахъ щастія, даже во всѣхъ возрастахъ? Молодой человекъ, котораго бытіе ограничено еще родительскимъ домомъ, и котораго сердце жаждетъ уже разпространиться далѣе мѣста своего рожденія, воображеніемъ расширяетъ кругъ своихъ мыслей, надеждъ и желаній, кругъ своей дѣятельности. Онъ мечтаетъ: — онъ смущенъ, задумчивъ, и кажется нѣсколько разсѣяннымъ, невнимательнымъ къ предметамъ, его окружающимъ! — Добрые друзья, благонамѣренные родители, знакомые хотятъ знать этаго причину! — На что спрашивать? — Человекъ сотворенъ общественнымъ: законы природы священны! — Онъ творитъ свой міръ, дополняющій его одинокость. Сообразно своему характеру пылкому, страстному, или нѣжному, или холодному, онъ вымышляетъ лица, даетъ имъ дѣйствіе, самъ дѣйствующій или страждущій, разговариваетъ съ ними въ мысляхъ, производитъ судъ, торжествуетъ и терпитъ, выигрываетъ и проигрываетъ, благотворитъ и терзаетъ, царствуетъ и рабствуетъ: — однимъ словомъ, онъ сочиняетъ Романъ! — Это всякой испыталъ въ своей молодости, разумѣется болѣе или менѣе, по своему характеру; всякой человекъ романистъ, въ возрастѣ зрѣломъ; — прежде романистъ, нежели онъ читалъ какой-нибудь романъ, и останется имъ даже и тогда, когда притупятся его глаза и охладѣетъ сердце для всѣхъ наслажденій. — Повторю: мечтать себя окруженнымъ милыми предметами, отъ насъ зависящими или имѣющими на насъ вліяніе, столь же натурально, необходимо, какъ жить, какъ дышать. — Вотъ основа занимательности романовъ! и кто не видитъ, что она та же, которую мы прежде предположили: любовь къ самому себѣ, или отношеніе предметовъ къ намъ самимъ, — происшествія, случившіяся съ нашими ближними. Молодые совершаютъ въ мысляхъ своихъ будущія свои приключенія, вымышляютъ щастіе и нещастія, труды и побѣды, успѣхи опасности. — Старики... живутъ тѣмъ же, только на оборотъ. — Ихъ наслажденіе есть воспоминаніе и сожалѣніе о прошедшемъ, а иногда и желаніе возобновить его. — Старый рыцарь съ отпиленною ногою, изможденный, возсѣдая на прадѣдовскомъ креслѣ, слушаетъ о подвигахъ другаго Рыцаря. Румянецъ является на морщиноватомъ и блѣдномъ лицѣ его! — Рука его поднимается... голова, преклоненная къ плечамъ, выпрямливается... глаза блестятъ... онъ весь въ трепетѣ... онъ стучитъ костылемъ въ полъ, встаетъ; кажется, деревяшка, замѣняющая отпиленную ногу, принимаетъ жизнь: онъ маршируетъ и восклицаетъ: такъ точно было при нашемъ другѣ и отцѣ Суворовѣ! — Сладкія чувствованія родства, дружбы, любви великія пожертвованія, добродѣтели или пороки, прелестныя виды природы, картины, доставляемыя прошедшимъ и настоящимъ: все это вмѣстѣ

составляет запасный магазинъ романиста! — хорошо, когда бы Романы всегда устремлены были къ доброй цѣли, когда бы писали ихъ Ричардсоны и Филдинги! — Хорошо, когда бы Романы могли служить путемъ къ величайшей, цѣлою жизнію приобретаемой, наукѣ — къ познанію насъ самихъ, способомъ къ образованію нашей нравственности! — Въ чемъ состоитъ занимательность Басни? — Въ томъ что мы въ ней видимъ самихъ себя подъ другими видами, въ обстоятельствахъ намъ близкихъ. Въ Баснѣ человѣкъ приводится предъ судилище звѣрей. — Злаго наказываетъ волкъ, коварнаго — лисица, робкаго — заяцъ, свирѣпаго — тигръ. Полезная истина, въ ней заключенная, и удовольствіе сравнивать ея съ аллегоріею, въ которую она облакается: Вотъ неизтощимое наслажденіе сего рода сочиненій! Я имѣлъ уже случай въ прошедшій разъ сказать о занимательности Драмы, Поэмы, Оды! — Такимъ образомъ всѣ роды Поэзіи могутъ быть подведены подъ предложенное мною правило объ изящной Словесности. — Кажется, теперь его достовѣрность непреложна. И такъ слѣдуя однажды принятому мною порядку, сначала опредѣлилъ я искусство и его сущность, потомъ старался утвердить основу науки, ея цѣль, ея пространство. — Теперь совершенно видна точка, съ которой начать должно поприще наше, и точка, гдѣ его кончить. — Осталось только снарядить такъ сказать, Атлета Стихотворца, долженствующаго заблаговременно подумать о томъ, что ему особенно нужно, безъ чего онъ обойтись не можетъ въ опасномъ подвигѣ своемъ. Гораций говоритъ: Берите трудъ всегда не выше силъ своихъ, Умѣйте разбирать, судить себя самихъ. Какъ съ берегу пловець объемлетъ путь пространнѣй, Вникайте въ свой предметъ, и будьте постоянны: Тогда уступитъ вамъ Периодъ свѣтлой хоръ, Порядокъ, красоту, пріятностей соборъ! Очень странно то, что у насъ существуетъ еще по сію пору довольно господствующее мнѣніе, будто для Стихотворства гораздо менѣе требуется высшихъ талантовъ, нежели для другой науки. — Иные, представляя Поэта вдохновеннымъ, или, украшая его непонятнымъ титуломъ генія, мыслятъ, что ему чуждо всякое ученье, всѣ занятія. — Для нѣкоторыхъ слово, Стихотворецъ, служитъ синонимомъ умственной вѣтренности, химерическихъ мечтаній, юродствующаго воображенія, занимающагося бездѣлками! — Кто виноватъ, что такъ у насъ думаютъ о любезныхъ чадахъ Аполлона! — не онѣ ли сами? — Многіе ли изъ нашихъ молодыхъ Стихотворцевъ сами понимаютъ надлежащимъ образомъ важность своего искусства? и многіе ли подозреваютъ, что оно имѣетъ постоянную, обширную теорію — плодъ глубочайшихъ изслѣдованій и трудовъ безчисленныхъ? — Не заключаютъ ли у насъ Поэзію въ одномъ механизмѣ стопосложенія? — не пишутъ ли Драмъ, не заботясь узнать то, въ чемъ состоитъ сущность Драмы? — Въ 15 лѣтъ творятъ Поэмы, вѣдая о Поэмѣ только то, что она самое большое изъ всѣхъ стихотворныхъ сочиненій, и раздѣляется на пѣсни; слагаютъ Оды, умѣя только раздѣлять ихъ на строфы по 10 и по 8 стиховъ; пишутъ пѣсни, ограничивая все свое искусство словами: увы! и ах! терплю и люблю. Одинъ отмежуетъ себѣ область басни, другой отрѣжетъ своевольно усадьбу эпитаграмъ; третій, какъ Батій завовываетъ царство Комедій или Трагедій; четвертой опустошаетъ огнемъ и мечемъ плодоносную землю, обработанную Гомеромъ: никто другой не смѣетъ ни писать, и думать о томъ, что угодно было избрать ему своимъ удѣломъ. И каждой хочетъ быть самовластнымъ. Нѣтъ ни на что апелляціи!.. Боже сохрани, усумниться въ совершенствѣ творенія или въ справедливости мнѣнія сихъ великомощныхъ защитниковъ невѣжества! — Напомни о правилѣ: и въ ту минуту извергнуть преступника изъ общества умныхъ громовымъ словомъ педанта, которое на языкѣ сихъ господъ столько же сильно, какъ анаѣма, и въ ту минуту изженуть изъ общества добрыхъ и даже православныхъ. — Такимъ образомъ замедляется совершенствованіе искусства: оно остается въ своемъ младенчествѣ! — Но для чего Публика не отмщааетъ за свои удовольствія?.. Публика почитаетъ это или ниже себя, или не хочетъ озаботить своего вниманія, или очень снисходительна и довольна всемъ, что ей представляютъ. Всѣ знаменитые древнихъ и новыхъ вѣковъ Писатели чувствовали и доказали, сколь многихъ талантовъ соединенныхъ и сколь великихъ трудовъ цѣлою жизни стоило имъ достигнуть той степени совершенства, на которой основали они свое безсмертіе. — Волтеръ говорилъ о себѣ, что онъ одному языку Французскому учится шестьдесятъ лѣтъ! — Но у насъ нѣкоторые въ

разсужденіи сего думаютъ иначе. Не теряя напраснаго труда убѣждать ихъ доказательствами, посмотримъ на примѣръ, такъ ли легко рождаются Ода Гораціева, Ода Ломоносова, или Пѣснь Державина. Плодъ ли она единого токмо энтузіазма, которое живописуетъ все, то видитъ предъ собою безъ выбору, безъ сохраненія отношеній, безъ плана; или имѣетъ планъ постоянной и вѣрной, въ которомъ все связано, все подкрѣпляетъ другое, все споспѣшествуетъ къ усилению того чувства, которое хочетъ возбудить Стихотворецъ въ своемъ слушателѣ? — Случай, или глубокой и осторожной разумъ произвелъ и сложилъ, на примѣръ, слѣдующую Оду, которая, по пылкости своей, кажется, единственнымъ слѣдствіемъ вдохновенія? — Я разберу ея ходъ и планъ, дабы показать недоброжелателямъ ученія, что тайна искусства стихотворнаго открыта только для посвященныхъ, а не для профановъ, а не для модныхъ писцовъ, сочиняющихъ по навыку, такъ какъ не знающіе нотъ, поютъ съ голоса. — Сей разборъ покажетъ намъ между прочимъ и таланты Стихотворца, и его способы пріобрѣтенныя. Предлагаемая мною Ода всѣмъ извѣстна; но, для лучшаго соображенія между частями, почелъ я нужнымъ помѣстить ее здѣсь. Вотъ она:

Пошелъ, и — гдѣ Трестаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады — стали гробы:
Шагнулъ — и царство покорилъ!
О Россѣ! о подвигъ исполина!
О всемогущая жена, —
Безсмертная Екатерина!
Куда — и что еще — уже полна
Великихъ вашихъ дѣлъ вселенна.
Какъ ночью зѣздъ стезя, по небу протяженна,
Дѣяній вашихъ цѣпь въ потомствѣ возблеститъ,
И мудрыхъ удивитъ. —
Ужь ваши имена,
Триумфъ, побѣды, трудъ, не скроютъ времена,
Какъ молнии быстрыя, вкругъ міра будутъ течь.
Полсвѣта очертилъ блистающей вашъ мечъ;
И славы громъ,
Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ,
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ,
И въ вѣчность возвѣститъ,
Кто былъ Суворовъ!
По бранямъ Алексадръ, по доблести Стоикъ,
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ, и въ обоихъ великъ.
Черная туча мрачныя крыла,
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыва,
Вихрь полуночный летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль;
Молнии отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещать;
Ляжетъ на воды — воды кипятъ;
Граду коснется — градъ упадаетъ;

Башни рукою за облакъ кидаетъ;
Дрогнетъ природа, блѣднѣя предъ нимъ,
Слабѣя трости щадятся лишь имъ.
Ты-ль, Геркуесъ нашъ, новый, полночный,
Бурѣ подобный, быстрый и мочный,
Твой ли, Суворовъ се образъ побѣдъ?
Трупы враговъ и лавры твой слѣдъ!
Кѣмъ ты когда бывалъ побѣждаемъ?
Все ты всегда вездѣ превозмогъ!
Новый трофеей твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобою; корона у ногъ,
Царь въ полону! ужасъ ты злбнымъ,
Кто былъ Царицѣ твоей непокорнымъ.
И се въ небесномъ вертоградѣ,
На злчныхъ вижу я холмахъ,
Благоуханныхъ рошь въ прохадѣ,
Въ прозрачныхъ радужныхъ шатрахъ,
Предъ сонмами блаженныхъ Россовъ,
Въ бесѣдѣ ихъ вождей, Царей.
Нашъ звучный Пиндаръ, Ломоносовъ,
Сидитъ; — и лирою своей
Безплотный слухъ ихъ утѣшаетъ;
Поетъ безсмертныя дѣла,
уже, какъ молнѣя, пронзаетъ
Ихъ свѣтлу грудь его хвала;
Златъ медъ блеститъ въ устахъ пунцовыхъ,
Зари играютъ на щекахъ;
На мягкихъ, зыблющихъ, перловыхъ,
Они возлегли облакахъ,
Небесныхъ арфъ и дѣвъ внимаютъ
Поющій тихострунный хоръ.
Въ безмолвьи сладко утопаютъ,
И склабя восхищенный взоръ,
Взираютъ съ высоты небесной
На храбрый, вѣрный свой народъ,
Что доблестью, другимъ безвѣстной,
Еще себѣ вѣнцы беретъ,
Еще на высоту возходитъ,
Всевышняго водимъ рукою,
Великій Петръ къ нимъ взоръ низводитъ;
И въ ревности своей святой,
Какъ трубный громъ межъ горъ гремитъ,
Герой героямъ говоритъ:
О вы, сѣдящи въ сѣни райской!
Одѣньтесь въ свѣтлы днесь зари!
Востань, великій Мужъ Пожарскій!
И на Россію посмотри:
Ты усмирилъ ея крамолу,
Избралъ преемника престолу,
Росадникъ славы насадилъ;

И се рукой Екатерины
Твои теперь пожаты крины,
Которы сжать я укуслил!
Она нашъ домъ разпространила,
И славой всѣхъ насъ превзошла,
Строптиву Польшу покорила,
Которая твой врагъ была.
Прорекъ Монархъ, и скрылся въ сѣнь.
Герои Росски всколебались,
Сѣдымъ челомъ приподнимались,
Чтобы узрѣть Варшавы плѣнь.
Лежить измѣнница, и взоры
Потупя, обращаетъ вокругъ;
Терзають грудь ея укору;
Что раздражала кроткій духъ,
Склонилась на совѣтъ змѣинный,
Отвергла щитъ Екатерины,
Не могли дружбы къ ней зберечь,
И се днесъ надъ Сарматомъ плѣннымъ,
Навѣсясь шлемомъ опереннымъ,
Всесильный Россъ занесъ свой мечъ.
Сидитъ орелъ на гидрѣ злобной;
Подите, отнимите львы!
Стремися съ фуріей сонмъ грозной!
Герой, отъ Лены до Невы,
Возлегши на лавровомъ полѣ,
Ни съ кѣмъ не съединяясь болѣ,
Лишь мудрой правимый главой,
Щитомъ небеснымъ осѣняясь,
На вѣру, вѣрность опираясь,
Одной васъ оттолкнетъ ногой.
О стыдъ! о срамъ неимовѣрный!
Быть Россу другомъ и робѣть!
Пожаръ тушить стараться зѣльный,
И бывъ въ огнѣ, охолодѣть!
Мнить защищать Монарши правы,
И за корысть лишь воевать,
Желать себѣ безсмертной славы,
И не сражаясь отступать;
Слыть недругомъ коварству злему
И чтить его внутри сердца ядъ!
Но ты, народъ, подобно грому,
Котораго мечи въ дали звучать!
Доколѣ твердъ, единодушенъ,
Умѣешь смерть и скорби презирать,
Царю единому послушенъ,
И съ нимъ по вѣрѣ поборать
По правдѣ будешь лишь войною:
Великій духъ! твой Богъ съ тобою!
На что тебѣ союзъ! о Россъ!

Шагни, и вся твоя вселенна.
 О ты, Жена благословенна,
 У коей сынъ такой колоссъ!
 Къ толикимъ скиптрамъ и коронамъ,
 Странамъ, вадѣемымъ Тобой,
 Со звукомъ, громомъ и со звономъ
 Еще одну его рукой
 Приими корону принесенну,
 И грудь во браняхъ утомленну
 Спѣши спокойствомъ врачевать.
 Твое ему едино слово
 Отраду, духъ, геройство ново
 И щастье можетъ даровать!
 А ты, кому и Музы внемлютъ,
 Младый наперсникъ, чашникъ, Кронъ,
 Предъ кѣмъ Орелъ и грома дремлютъ
 И вседряблящій молній огонь!
 Налей мнѣ кубокъ твой сапфирный,
 Звѣздами, перлами кипящъ,
 Да нектаръ твой небесный, сильный,
 На лоно нѣжныхъ Музъ клонящъ,
 На мѣсто громовъ, звуковъ бранныхъ,
 Воспѣть меня возбудить миръ.
 И се уже въ странахъ кристальныхъ
 Несусь, оставя дольний мѣръ;
 Огнистый солнца конь крылатый
 Летитъ по воздуху и ржетъ.
 Съ ноздрей дымъ пышетъ синеватый,
 Со удилъ пѣна клубомъ бьетъ,
 Струями искры сыплютъ взоры:
 Какъ овны, убѣгаютъ въ горы; —
 И въ божескомъ восторгѣ семъ
 Я вижу въ тишинѣ посвѣта! —
 Живи, цти несмѣтныны лѣта,
 О Царствующая на немъ!
 Кто лучшій стальныхъ странъ владѣтель
 Какъ не въ коронѣ добродѣтель?

Пошелъ — и царство покорилъ. Это есть изложеніе цѣлой Оды, музыкальной речитативъ, въ которомъ коротко и сильно показано все ея содержаніе; показана причина отечественной радости и Торжества. — Такъ началъ Моисей свой благодарственный Гимнъ Богу по прехожденіи чрезъ Черное море, единственный и несравненный, какой токмо оставила намъ древность. Онъ начинается: Поимъ Господеви и пр. Я не останавливаюсь на словахъ: пошелъ, шагнулъ, и царство покорилъ. Въ стихахъ сихъ нѣсколько смущается соображеніе близостию словъ неравно-высокихъ: шагнулъ, и покорилъ. Когда Гомеръ представляетъ разъяреннаго Нептуна, сдѣлавшаго только четыре шага до Иліона: я постигаю быстроту движенія; но шагнуть и покорить царство: это не такъ удачно связывается, и не такъ, какъ въ прекрасныхъ словахъ Юлія Цезаря: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ, гдѣ быстрая постепенность очевидна: ибо въ словѣ покорять заключается уже продолженіе времени. Впрочемъ, краткость и сила періода замѣняетъ съ обольщающимъ избыткомъ сію маленькую неточность. — Спокойной, холодной Прозаистъ

сталъ бы насъ медленно вводитъ въ сію сцену. Онъ бы объявилъ: кто пошелъ, какъ пошелъ. Стихотворецъ восторженный вдругъ видитъ себя посреди сцены, посреди ужасовъ боя, посреди торжества побѣды, и, обнимая все сіе очами воображенія, страсти, не можетъ думать, чтобъ и всѣ его слушатели не созерцали же того, что онъ созерцаетъ, и не чувствовали того, что онъ чувствуетъ. — Такъ сестра, восхищенная нечаяннымъ возвращеніемъ брата, или другъ, обрадованный прибытіемъ друга, вбѣгаетъ въ комнату своихъ родителей, и не въ силахъ произнести его имени, говоритъ только: онъ пріѣхалъ, онъ пріѣхалъ, онъ! онъ! какъ будто всѣ должны знать, кто долженъ быть онъ, тотъ любезнѣйшій. — Восторгъ естественно и просто выраженный, производящій полное свое дѣйствіе! Столь же естественъ переходъ отъ сего изложенія или речитатива къ слѣдующему, какъ будто къ нѣкоторой аріи, изъясняющей вмѣстѣ радость и удивленіе: О Россѣ о подвигъ исполина — Царицѣ твоей непокорнымъ. Въ вопросахъ: куда и что еще, заключается особенная сила. — Державинъ представляетъ не какъ живописецъ, но какъ Поетъ, лица свои въ дѣйствіи. — Симъ, едва вѣроятнымъ подвигомъ Царица и водимый Ею побѣдитель не утомились; преодоленіе величайшей трудности не останавливаетъ ихъ: они готовы, они стремятся далѣе къ новымъ подвигамъ. — Изображеніе опочившаго среди триумфовъ Героя было бы не столь пріятно, не столь возвышенно. — Уже полна великихъ вашихъ дѣлъ вселенна. — Просто и прекрасно. — Не разпространяюсь о блистательномъ сравненіи: какъ ночью звѣздъ стезя — и мудрыхъ удивить; оно конечно скорѣе восхититъ молодыхъ поэтовъ, но, кажется мнѣ, нѣсколько выисканнымъ для сердца восторженнаго, особливо сія блестящая цѣпь дѣяній. Я замѣчу здѣсь съ большимъ удовольствіемъ тонкую, благородную черту, заключающуюся въ одномъ словѣ: вашихъ, которое умышленно Стихотворцемъ повторено нѣсколько разъ — Державинъ, какъ патриотъ и Поэтъ, не славитъ одну токмо Государыню: онъ сливаетъ труды Ея съ трудами подданнаго, Ея славу съ его славою, Ея имя съ его именемъ. Какъ сладостно должно быть такое чувство и для Екатерины, и для Ея достойнаго Росса! — Щастливы Монархи, которыхъ слава при жизни и въ самое позднее время не отдѣляется отъ славы народа! — И мудрыхъ удивить. — Въ словѣ: мудрыхъ, заключается сила: она, цѣпь и пр. изумитъ самую мудрость, коя видитъ далѣе, судитъ строго. Грамматика охотно прощаетъ Стихотворцу, что онъ, вмѣсто именъ, поставилъ имена; очень вѣроятно, что и Риторика извинитъ эту непостепенность: Триумфъ, побѣды, трудъ и свѣтила, названныя молніями, ибо молнія освѣщаетъ вдругъ, а не течетъ вокругъ міра. — Прекрасная мысль! дѣла, имена Екатерины и Росса будутъ новыми свѣтилами, озаряющими нравственный миръ! Но каковъ этотъ мечъ, который очертилъ полвселенны! какова рука, которая должна управлять имъ! — Кажется, я вижу вождя Небесныхъ Силъ Михаила, изъ селеній горныхъ устремляющагося на мятежниковъ ада! кажется, вижу его копіе, простирающееся отъ Востока до Запада! Таковы должны быть стихотворныя образы! они возвышаютъ и поражаютъ душу какимъ то яркимъ свѣтомъ! И славы громъ — Суворовъ. Картина для слуха и для зора! но, кажется, есть въ ней подробности, не столь разительныя для читателя опытнаго, какъ предыдущія. Можемъ ли мы услаждаться игрою словъ, смотрѣть на холмъ и дебри, какъ слухъ прокатится, и тутъ же пройдетъ и тутъ же промчится; и тутъ же прозвучитъ изъ дола въ доль, съ холма на холмъ, смотрѣть при этомъ ужасномъ мечѣ, при сіяніи свѣтилъ, обтекающихъ вселенную, при этой стезѣ звѣздъ по небесамъ, столь велѣпно ихъ препоясавшей лучезарною, огненною полосою! — Мысль не успѣваетъ за Державинимъ. Захочетъ ли потомство узнать характеръ Суворова? — Онъ живописуется весь въ одномъ стихѣ:

По бранямъ Александръ, по доблести Стоикъ, и въ обоихъ великъ.

Но Стихотворецъ не доволенъ симъ опредѣленіемъ; онъ видитъ Героя своего въ буряхъ: (Черная туча мрачныя крыла — кто былъ Царицѣ твоей непокорнымъ.) Это, безъ всякаго сомнѣнія, прекрасное мѣсто показываетъ впрочемъ, какъ трудно быть непрерывно возвышеннымъ безъ натяжки, или безъ утомленія. Одинъ изъ древнихъ Поэтовъ представилъ Энцилада, который

ставилъ горы на горы для того, чтобы взойти на небо. Онъ поднялъ на плеча свои Оссу, чтобъ вознести ее на Пеліонъ, и въ ту самую минуту полилась по хребту его цѣлая рѣка, произтекающая изъ сей горы: вотъ смѣшная черта, которая испортила всю картину, столько возвышенную! — Миѣ кажется также, не передаютъ ничего великолѣпной картинѣ Державина стихи такіе, какъ: башни рукою за облакъ бросаетъ; это слишкомъ игриво для бурнаго вѣтра; также: градъ упадаетъ, когда коснулась буря; градъ въ семь смыслѣ можетъ разрушиться а не упасть; также: кѣмъ ты бывалъ, когда побѣждаемъ, все ты всегда вездѣ превозмогъ и пр. Душа наша въ своихъ наслажденіяхъ чрезвычайно нѣжна и раздражительна: одинъ звукъ неровной, вышедшій изъ тона, или не столь сильной, тотчасъ разрушаетъ ее очарованіе. — Но Державинъ опять уже на высотѣ паренія своего. Что можетъ быть сильнѣе слѣдующихъ краткихъ словъ: Тронъ подъ тобой, корона у ногъ, Царь въ полону! — Можно ли послѣ сихъ выразнѣй критиковать: ужасъ ты злбнымъ, кто и пр.? — Покореніе Варшавы тѣмъ было для насъ пріятнѣе, что оно заключало въ себѣ праведное мщеніе за безчисленныя обиды, нѣкогда причиненныя Поляками нашимъ предкамъ. Это была война за отечественную славу, нѣкогда оскорбленную; это триумфъ, посвященный потомками предкамъ. Надобно, чтобы они соединили съ нами свою радость, чтобы утѣшились въ горестяхъ, нѣкогда и пртерпѣнныхъ. — Посмотрите: Поеть отверзаетъ вамъ небеса, и вы ихъ видите подобно вамъ торжествующихъ: они слышатъ васъ — сіи любезнѣйшія тѣни рздѣляютъ съ вами ваши удовольствія! онѣ благословляютъ васъ: И се въ небесномъ вертоградѣ — чтобы узрѣть Варшавы плѣнъ. Не лзя сказать, что болѣе высокое благоразуміе, или воображеніе изобрѣло и украсило эту картину. Вы видите по связи, что она не родилась сама собою, но приготовлена, непременно должна быть прежде обдумана, измѣрена и расположена! — Не лзя изобрѣсть ничего приличнѣе, натуральнѣе! — Сколько прекраснѣйшихъ мѣстъ, на которыхъ такъ пріятно покоится наше воображеніе! — Я люблю видѣть сихъ вождей и Царей, которые и тамъ, на небесахъ, обитаютъ посреди прежнихъ своихъ любимыхъ подданныхъ, посреди прежнихъ товарищей своихъ на битвѣ, вмѣстѣ нѣкогда страдавшихъ за Вѣру и Отечество, и теперь вмѣстѣ веселятся тѣмъ же семействомъ, тѣмъ же обществомъ! Люблю видѣть Ломоносова вмѣстѣ съ Державинымъ: одинъ поеть на небѣ, другой показываетъ намъ поющаго! — Два великія Генія стоятъ на ряду! — Люблю видѣть нѣкоторыя черты старинныхъ нашихъ обычаевъ, старинныхъ пиршествъ! Этотъ Руской нектаръ, золотой медъ въ устахъ пунцовыхъ, эти перловыя, мягкія облака, сіи небесныя ковры, сіи небесныя дѣвы и арфы: — какая небесная роскошь! — Теперь пусть говорятъ, что отъ Оды не возможно требовать плана! Онъ долженъ быть и есть въ твореніяхъ великихъ Писателей; тѣмъ труднѣе сохранить его, что онъ скрытъ, и имѣетъ всѣ наружныя признаки безпорядка, столь свойственнаго изступленному воображенію и пламеннымъ чувствамъ. Пускай говорятъ, что чувства свободны отъ всякаго плана, отъ всякаго стѣсненія; это не справедливо. Природа и въ самую бурю, когда все, кажется, готово разрушиться, не теряетъ своей стройности, или лучше, самая буря имѣетъ свои законы, начало, переходы и конецъ; почему же не должны имѣть сего порядка, сихъ законовъ бури сердечныя? — Въ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная: еето долженъ открыть и исполнить Стихотворецъ. — Но... вспомнимъ, что мы въ сѣни райской, гдѣ объ системахъ не спорять... Не чувствуете ли сладкаго благоговѣнія, потрясающаго вашу душу? Преклонитесь: это Петръ, обновитель, образователь своего Отечества! Онъ учреждаетъ торжество небесъ, Онъ судитъ подвиги Екатерины, побѣды Суворова! — и съ кѣмъ судить — съ Пожарскимъ, бичемъ Поляковъ, спасителемъ трона, независимости Россійской! — Сколько идей возбуждается сими великими именами! — Открывается бездна несчастій, въ которую ввержена была Россія, и скрежешетъ еще лютость варваровъ, и слышны еще стenanія измощенной Москвы, — но се, процвѣла ея свобода, — образование Отечества, утверженіе Россіи между политическими державами, огражденіе предѣловъ, внутреннее устройство; — рядъ великихъ Гоударей, слѣдующихъ единому великому плану Петра Перваго и наконецъ Екатерина, совершающая то, что предложили ей предшественники сіи благодѣтели Отечества: рай мыслей сладостныхъ, утѣшительныхъ! — Кто прежде былъ страшенъ, тотъ лежитъ теперь попранный, окованный узами униженія! Что мы прежде были и что теперь, усмиривъ столь сильнаго, столь

безпокойнаго непріятели!!! Можно ли хвалить вмѣстѣ такъ пріятно, и такъ нѣжно! и — Петръ Первый говорить:

Она нашъ домъ разпространила,
И славою всѣхъ насъ превзошла;
Строптиву Польшу покорила,
Которая твой врагъ была... *

(Изрекъ Монархъ, и скрылся въ сѣнь!) Непрiятно разставаться съ Особою, предъ которой благоговѣшь и Которую любишь; въ семъ отношеніи черта: скрылся въ сѣнь, не имѣетъ полного своего эстетическаго дѣйствiя; но она гораздо пріятнѣ Ангеловъ, смотрящихъ сквозь хрустальную дверь небесъ на торжествующихъ смертныхъ. Здѣсь величіе Героя не унижено. Въ этомъ замѣчаніи виноватъ самъ живописецъ: для чего онъ такъ прелестно пишетъ? — Для чего показавъ картину очаровательную, отнимаетъ ее такъ скоро? — Слѣдующая картина вознаграждаетъ васъ за вашу патріотическую ревность! — Радость о низложеніи непріятельницы пролетѣла въ сонмахъ блаженныхъ Героевъ. — Они возколебались, чтобы узрѣть ея плѣненіе. — Прекрасно! Но нужно ли представлять ихъ, приподнимающихъ чела свои? они смотрятъ съ высоты небесъ. — Впрочемъ это показываетъ, можетъ быть, святое нетерпѣніе праведниковъ, увидѣть скорѣе славу отечественную! — Все прекрасно! — Что еще сказать выше и болѣе въ похвалу Монархини? — Но Геній обрѣтаетъ новое средство, и обрѣтаетъ его въ глубинѣ сердца человѣческаго. Велика побѣда надъ сильнымъ, ожесточеннымъ непріателемъ; но гораздо большая, — заставитъ его самага раскaiваться въ своихъ несправедливостяхъ, заставитъ его, оправдывать свою Побѣдительницу, удивляться Ей, благоговѣть предъ Нею: вотъ вѣнецъ, драгоценнѣйшій для всѣхъ завоевателей! Искусство краснорѣчія торжествуетъ: Лежитъ измѣнница — одной васъ оттолкнетъ ногой). Стихотворное изображеніе! Но въ сихъ двухъ строфахъ заключаются двѣ картины, которыя, будучи обѣ мастерскія, не могутъ, кажется, слѣдовать одна за другою. — Лежитъ измѣнница и, взоры потупя, обращаетъ вкругъ и пр. Потомъ непосредственно плѣнный Сарматъ, надъ которымъ всесильный Россъ занесъ свой мечъ; (плѣннаго не сѣкутъ, не рубятъ: и потомъ Орелъ, возсѣдѣвшій на злобной гидрѣ, при защищеніи львовъ, вѣроятно тогдашнихъ крамольныхъ ея защитниковъ, отражаемыхъ Героемъ, простершимся отъ Лены до Невы. Трудно все это помѣстить въ одной рамѣ. Измѣнница, Сарматъ, Гидра все таже Польша; все говорится объ одномъ и только подъ разными образами, изъ которыхъ, еще повторяю, каждой очень хорошъ; но всѣ вмѣстѣ мешаютъ другъ другу. И какъ гидру защищать, или отнимать львамъ? — Когда представляемъ мы въ аллегоріи звѣрей, то, кажется, непременно должны охранять ихъ естественныя между собою отношенія; между гидрой и львами нѣтъ отношеній и связей. — Потомъ употребивъ аллегорію, должно ее выдержать. — Пѣснопѣвецъ вышелъ уже изъ нее, говоря объ Россѣ, занесшемъ ужасной мечъ; еще болѣе отъ нее удалился, переѣхавъ совершенно сцену представленія Героя, возлежащаго отъ Лены до Невы, и толкающаго львовъ ногою! — Замѣтимъ и здѣсь искусство Пѣснопѣвца; онъ представляетъ низверженную измѣнницу въ состояніи раскаянія; грудь ея терзаютъ укoры за то, что раздражила кроткій духъ Екатерины, что отвергла я покровительство, и за то единственно теперь наказывается! — Самая кара становится не мщеніе, но исправленіе, дѣйствіе божественнаго правосудія! — Какъ блистательно явлены дѣла благотворительной Побѣдительницы! Усомнясь нѣсколько въ столь близкомъ соединеніи разнородныхъ картинъ, еще не могу умолчать о красотѣ одной изъ нихъ, разсматриваемой отдѣльно, о семъ холодномъ мужствѣ Росса, который, будучи управляемъ мудрою Главою, осѣненный щитомъ небеснымъ, опершись на Вѣру и вѣрность, безъ всякой посторонней помощи съ презрѣніемъ женетъ отъ себя враговъ своихъ. — Вся эта картина понравится всегда патріотическому сердцу, кромѣ, можетъ быть, послѣдняго стиха, которой не въ тонѣ Оды. Теперь Стихотворецъ, какъ лице, участвующее во всѣхъ прежде представленныхъ сценахъ, говоритъ самъ отъ себя вѣроломному народу, и послѣ побѣдителямъ Россіянамъ. — Таковъ священный санъ Барда; театръ его: вселенная и вѣки, ему внимаютъ Цари и народы. —

* Безсмертный Пѣснопѣвецъ!.. а теперь? — сколько предметовъ для Твоей златострунной лиры?..

О стыдъ, о срамъ немоуѣрный — О ты въ женахъ и пр.) Но мы должны прежде замѣтить удивительный переходъ, которой сдѣлалъ Державинъ отъ первыхъ картинъ къ послѣднимъ. — Всего пріятнѣе для души нашей, когда она возвышается, и чувствуетъ свое возвышеніе. И такъ, перенося ее въ небо, Стихотворецъ исполнялъ ее величественнымъ удовольствіемъ; но какимъ образомъ спустилъ онъ ее съ небесъ, на сію брѣнную землю, не давъ ей почувствовать неудовольствія, проистекавшаго отъ разлуки съ пріятнѣйшими мечтами? — Должно признаться, что это самой труднѣйшій подвигъ. Превосходнѣйшіе Писатели рѣдко совершали его удачно. — Обыкновенно, въ такомъ мѣстѣ ставили точку: конецъ. — Державинъ очаровалъ насъ, и не далъ намъ примѣтить перехода. Гдѣ же онъ насъ низводитъ? — Тамъ, гдѣ: Герои Росски взколебались — лежитъ измѣнница, и взоры потупя, обращаетъ вкругъ. — Вы обращаетесь на предметъ самой для васъ торжественной; ибо на униженную непріятельницу пріятно обратиться. Вы, или взоры ваши спускалися не одни, но вмѣстѣ со взорами блаженныхъ Героевъ прадѣдовъ. — Не пріятно ли быть вмѣстѣ съ ними?.. Небеса не закрылись; вы отъ нихъ не отдѣлены: и сцена въ воображеніи осталась вся та же, какая была прежде: отверстое небо, на облакахъ Герои, а на земли Россы торжествующіе. Естьлибъ не было этого перехода, то піеса должна или кончиться, или все прочее не относилось бы къ главному предмету; другими словами, нарушилось бы единство. — Самое лучшее средство для всѣхъ писателей Оды, стараться всегда изъ своихъ мыслей, чувствованій и картинъ представлять драматическую сцену съ Актерами и зрѣлищемъ. — Дайте всему пристойное положеніе, а сами будьте на время зрителями: тотчасъ откроется, что прилично, что не прилично, что въ своемъ мѣстѣ, и что нѣтъ. И такъ натурально, что при настоящемъ торжествѣ обитателей небесныхъ, возлежащихъ на облакахъ, и жителей земныхъ, ликующихъ о столь знаменитыхъ завоеваніяхъ предъ очами скованной плѣнницы, терзающей себя въ отчаяніи, предсталъ священный пророкъ, или вдохновенный Бардъ къ народамъ. — Такимъ образомъ утверждена связь между предыдущею и слѣдующею строфою, и доказано, что Стихотворецъ ни мало не унизился въ ходѣ своей Оды, начавъ говорить отъ своего лица: — О стыдъ! о срамъ немоуѣрный — и чтить его внутри сердца ядъ. — Что можетъ быть натуральнѣе, какъ послѣ путешествія по морю, вышедши на берегъ, вспоминать о прошедшихъ опасностяхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, которыхъ пловцы избѣжали? Что пріятнѣе для война, какъ вспоминать прошедшія бури брани, всѣ ужасы, напасти, измѣны, вѣроломства друзей, и когда при всемъ этомъ война кончилась счастливо? Чувство сея радости и чувство патриотическаго негодованія къ немоуѣрнымъ союзникамъ, которые повергли опасностямъ нашихъ братій и друзей, начертало сію строфу. — Въ связи ли она съ предыдущими? Конечно. Это не что иное, какъ новой способъ, возвысить важность побѣды, 1) тѣмъ, что она окончана была покореніемъ цѣлаго Царства; 2) тѣмъ, что отмщены предки: 3) тѣмъ, что приобрѣтена собственными силами безъ всякаго помощи, и притомъ при коварныхъ умыслахъ союзниковъ, которыхъ усилія остались тщетными. Вы изволили примѣтить, что Стихотворецъ обращается около своего предмета безпрестанно въ то время, когда, по видимому, онъ будто бы покинулъ его, и говоритъ безъ всякаго намѣренія о Союзникахъ, кои не держатъ своего слова: новое искусство закрыть планъ! — (Но какая тебѣ нужда въ нихъ, о Россѣ! Но ты народъ — и вся твоя вселенна.) Особенно пріятно встрѣчать въ самыхъ торжественныхъ Одахъ Державина всегда черты правоучительныя. — Похваляя Росса, онъ напоминаетъ, какъ Патриотъ, при всякомъ случаѣ и тѣ доброты, которыми Россѣ возвысился, и тѣ силы вспомогательныя, на которыхъ основано его величіе и благоденствіе: твердость, единодушіе, презрѣніе скорби и смерти, повиновеніе власти, правду, вѣру и Бога! съ сими неизмѣнными друзьями конечно: шагни — и вся твоя вселенна! — Обращеніе къ Великой Императрицѣ также очень трогательно... Примѣтно нѣкоторое утомленіе Поэта, но не паденіе, не слабость... Да не подумаютъ почтеннѣйшіе мои Слушатели, чтобы чрезъ это утомленіе разумѣлъ я недостатокъ: напротивъ того! во многихъ знаменитѣйшихъ Писателяхъ въ концѣ Оды сей отгѣнокъ есть искусственной. Ибо что такое Пѣвецъ? — Тоже, что Пиоія, сѣдящая на треножникѣ и дающая отвѣты. Она ожидаетъ бога Аполлона, которой исполняетъ ее своимъ духомъ. Сіи вдохновенія бываютъ, и должны быть

кратковременны; сіи усилія превозмогають слабую природу человѣческую. — Поэтъ совершилъ свое откровеніе, и долженъ казаться утомленнымъ; ибо былъ обителію силы сверхъестественной, обителію бога. Въ противномъ случаѣ онъ вышелъ бы изъ предѣловъ вѣроятія. — Горацийъ всегда, Державинъ во многихъ случаяхъ сохраняютъ сіе правило, почерпнутое ими конечно не изъ книгъ, но въ самомъ своемъ сердцѣ. — Поручивъ побѣдоноснаго Росса храненію и врачеванію благодѣтельной Монархини-Матери, Поэтъ обращается къ Ганимеду. А ты — возбудишь пѣть мирь.) И могъ ли небесный виночерпій отказать генію Державина! Ему принадлежитъ амврозія, или безсмертіе, — пламень вдохновенія, вино стихотворнаго пророчества! Писатель разумѣлъ безъ сомнѣнія сей небесной даръ, потребной для прославленія мира, котораго онъ желалъ, какъ сынъ Отечества, и которой близокъ былъ по обстоятельствамъ. — Пусть было бы это одно желаніе: оно уже драгоцѣнно! И въ какомъ приличномъ, по сердцу Писателя, мѣстѣ! Услышана молитва Державина: и се уже въ странахъ эфирныхъ — Я вижу въ тишинѣ полсвѣта. Теперь очевидно, что онъ ни мало не ослабѣлъ въ своемъ пареніи. Обращеніе къ Государынѣ столь простое, не украшенное потому натурально, что оно изображаетъ чувство благоговѣнія и нѣкоторой боязни, раждающейся въ насъ, при воззрѣніи на лице великаго, могущественнаго человѣка! Державинъ кончилъ столь же высоко, какъ началъ, хотя въ срединѣ иногда, и казался ниже обыкновеннаго своего паренія. Довольно, что онъ достигнулъ своей цѣли. Прекрасно сравниваетъ Капельветро Пиндара съ кораблемъ, вынесеннымъ изъ гавани бурей. — Сперва онъ былъ видимъ во всемъ своемъ блескѣ; — буря усилилась: — онъ является то на поверхности воды, то подъ водою — то въ пламени, то во мракѣ. — Стоящіе на берегу почитали его уже погибшимъ, потонувшимъ; но вдругъ небо просіяло, море утихло, и корабль стоитъ на берегу. — Сравненіе хорошо для Оды; но оно же показываетъ и излишнія отступленія Пиндара отъ своего предмета, многія темноты, которыя чувствовали даже его современники, излишнюю свободу въ порядкѣ и ходѣ. — Прочитанная мною теперь Ода Державина, при всѣхъ своихъ порывахъ, свободна и отъ сего излишества. — Онъ ни на минуту не скрывался отъ взоровъ. Во всей Одѣ одна сцена: небо и земля, вмѣстѣ лнкующія. — Въ послѣднихъ стихахъ чувствителенъ пламень обѣтовъ усердныхъ подданнаго къ Императрицѣ, сына къ Матери; — и какъ можно лучше кончить? — Живи — добродѣтель. Прекрасную Пѣснь сію разбиралъ я только въ одномъ планѣ и ходѣ, для того наиболѣе, чтобы опровергнуть мнѣнія о Стихотворствѣ тѣхъ, которые думаютъ, что оно состоитъ въ одномъ механическомъ устройствѣ стопъ и въ римахъ! — Чувствую, что мнѣ говорить объ этомъ стыдно при почтеннѣйшихъ Слушателяхъ и Слушательницахъ; но я говорю противъ вреднаго мнѣнія, и долженъ былъ позволить себѣ безнужныя нѣкоторыя подробности. — Пусть знаютъ, что быть Стихотворцемъ, не только требуется великаго отъ природы дарованія, но сверхъ того многотруднаго изученія правилъ, искусства, природы и человѣка, великихъ пособій изъ другихъ наукъ; — короче, пусть молодые поэты знаютъ что, духъ Философа, Стихотворца, Политика одинъ и тотъ же духъ. Что въ разсужденіи искусства замѣтили вы въ сей Одѣ, то самое есть и въ хорошей баснѣ и въ хорошей пѣснѣ, и во всякой стихотворной бездѣлкѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ стиховъ, которую правильно написать такъ же трудно, какъ и большое сочиненіе. — Я часто слышалъ, какъ хвалятъ нашихъ лучшихъ Сочинителей: — Какъ громко пишетъ Ломоносовъ! какъ гладко изъясняется Державинъ! какъ плавны стихи Дмитріева! какъ нѣжно пишетъ Сумароковъ! какъ чисто пишетъ Карамзинъ! какъ легко это переведено, или сочинено! — Милостивые Государи! вы не хвалите, а оскорбляете вашихъ любезныхъ Поэтовъ. У насъ теперь, благодаря времени и привычкѣ, всѣ уже почти пишутъ гладко и чисто: но какъ же вы отличите первыхъ Писателей отъ посредственныхъ? — Гладкость, плавность, чистота, легкость, громкость, точность: все это вмѣстѣ не что иное, какъ только начала ихъ искусства. Ищите далѣе своихъ наслажденій, и вы найдете ихъ въ тѣхъ же самыхъ Поэтахъ, если рѣшитесь испытать и науку, и собственные ваши чувства. — На вопросъ мой: какова Комедія, отвѣчаютъ мнѣ съ восторгомъ: чисто написано! — какова Трагедія? — Отвѣчаютъ: прекрасные стихи, и тотчасъ прочтутъ ихъ; но красота Трагедіи и Комедіи состоитъ не въ однихъ только прекрасныхъ стихахъ. — Какова Сатира? —

Отвѣчаютъ: ну, ужь ѣдка: всѣхъ перебралъ! — Но это не все еще для Сатиры. — Надъ чемъ Стихотворецъ болѣе трудится, что болѣе всего обнаруживаетъ его таланты: планъ, характеры, дѣйствія, сохраненіе, измѣненіе тоновъ: — объ этомъ никто не говоритъ ни слова, какъ о такомъ дѣлѣ, которое ничего не значитъ. — Теперь и питомецъ Музъ, не самозванецъ, скажетъ: для когожь я тружусь!.. И вотъ причина, отъ чего театръ нашъ наполненъ по большей части эпическими Трагедіями и Комедіями безъ характеровъ и дѣйствія; аплодируютъ слову, не думая объ томъ, прилично ли оно, и на своемъ ли мѣстѣ! — Я видѣлъ въ одной Руской Драмѣ, пріобрѣтшей благоволеніе Публики, какъ любовникъ услышавъ внезапно, что любовница его бросилась въ прудъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать избавить ее, или утонуть вмѣстѣ съ нею, со всею набожностію становится на колѣни, и читаетъ продолжительную молитву о сохраненіи жизни ея. И многіе безъ памяти радовались, можетъ быть впрочемъ, и хорошей сеѣ рѣчи, произнесенной со всѣми движеніями страстнаго человѣка! — Публика школа писателя. — Ахъ, въ какой школѣ учились Расинъ и Корнель! — Уважимъ самихъ себя, уважимъ науку и талантъ Стихотворца изъ любви къ самимъ себѣ, и очистимъ чрезъ то собственныя наши удовольствія!

Сіи бесѣды начались въ 1812 году, и продолжались весь Великой Постъ по два раза въ недѣлю. — Въ десять собраній прочтена вся Георія изящныхъ Наукъ. Я побужденъ былъ къ открытію оныхъ Его Сіятельствомъ, Княземъ Борисомъ Владимировичемъ Голицынымъ, истиннымъ Патріотомъ, который славно окончилъ поприще жизни своей на полѣ брани за Отечество. Сей почтенный Мужъ, объѣхавшій всю просвѣщенную Европу, какъ ученый и любитель отечественной Словесности, по возвращеніи своемъ, изъ особенной ко мнѣ благосклонности, назначилъ въ собственномъ домѣ огромную и прекрасную залу для сихъ бесѣдъ, которыя удостоены были посѣщенія многими знаменитѣйшими жителями Столицы. Первые четыре бесѣды напечатаны были въ Вестникѣ Европы, въ концѣ 1813 года. — Слѣдующая теперь есть продолженіе предыдущей, имѣющей предметомъ своимъ опредѣленіе Изящнаго вообще. — По важности и нерѣшительности мнѣній, въ разсужденіи сего вопроса Эстетики, я долженъ былъ разбирать всѣ предположенія Ученыхъ, и выбралъ наконецъ одно, которое казалось мнѣ болѣе подходящимъ къ истинѣ, и такимъ, которое простѣе и удобнѣе можно было принаровить ко всѣмъ родамъ Поэзій. Это есть: при надлежащей стройности, правильности и точности подражанія, Занимательность предмета, основанная на отношеніи его къ намъ самимъ. Предлагаемое при семъ чтеніе есть нѣкоторымъ образомъ доказательство предыдущаго, почерпнутое изъ разбора одной изъ прекраснѣйшихъ Одъ Гна. Державина. — Будучи ободренъ многими почтеннѣйшими Мужами, я, можетъ быть, съ наступленіемъ настоящей зимы открою вновь мои бесѣды, которыхъ содержаніемъ будетъ разборъ знаменитѣйшихъ нашихъ Стихотворцовъ, особливо драматическихъ. И сіи чтенія будутъ, еслили обстоятельства позволять, также печатаемы, дабы изъ нихъ составился нѣкоторый родъ курса Словесности, котораго первую Часть составляла Георія, а другая будетъ заключать Критику.

М.

Біографія Мерзлякова изъ «Энциклопедіи Брокгауза-Ефрона»

Мерзляков Алексей Федорович — известный критик и поэт (1778-1830). Родился в небогатой купеческой семье. Учился в Пермском народном училище, где обратил на себя внимание «Одой на заключение мира со шведами», дошедшей до императрицы Екатерины II. Его на казенный счет определили в университетскую Московскую гимназию. Студентом он сблизился с Жуковским и был членом «Дружеского литературного общества», задавшего целью «очищать вкус, развивать и определять понятия обо всем, что изящно, что превосходно». Многим обязан он советам Дмитриева. Первые поэтические опыты Мерзлякова появились в журнале Подшивалова: «Приятное и полезное препровождение времени» (1796). Молодой поэт подражал Ломоносову, Державину, Карамзину. В «Утренней Заре» Мерзляков поместил оду: «Непостижимому», явно рассчитанную на соревнование с одой Державина «Бог». Здесь напечатаны «Песнь Моисеева по прохождении Чермного моря», имевшая особенный успех, и перевод «Ars Poetica» («Наука Стихотворения») Горация. В 1804 г. Мерзляков получил степень магистра и кафедру российского красноречия и поэзии, которую занимал в Московском университете до самой смерти. В начале 1812 г. Мерзляков открыл серию публичных лекций, собиравших цвет литературного и аристократического общества. Прерванные нашествием Наполеона, лекции возобновились в 1816 г. и дали разбор популярнейших произведений тогдашней русской литературы. В общем Мерзляков был самым видным представителем университетской словесной науки в течение первой трети XIX в. При вступлении на кафедру он не нашел в русской литературе господства какой-либо одной определенной и общественной школы. Авторитет Сумарокова казался непоколебимым, имя Ломоносова как поэта — священным. «Россиада» Хераскова считалась последним словом русского эпического гения; с другой стороны, публика зачитывалась балладами Жуковского, и вместе с ним проникали туманные образы немецкого романтизма. Немного позже, в самый зрелый период профессуры Мерзлякова, стали появляться первые произведения Пушкина. Природный, весьма развитой художественный вкус помешал Мерзлякову замкнуться в классическую схоластику. Он первый отделил преподавание русской словесности от древних литератур и сообщил кафедре русской литературы самостоятельное значение. До Мерзлякова разбор образцов отечественного слова происходил на основании латинских риторик. Мерзляков внес в преподавание личный критический талант, выдвинул на первый план национальное содержание русских произведений и старые руководства заменил новыми. Но реформа дальше не пошла. У Мерзлякова не оказалось достаточно смелости и энергии, чтобы окончательно порвать с традициями педантизма. Он положил в основу своего преподавания сочинение немецкого эстетика Эшенбурга. Составленные им «Краткое начертание теории изящной словесности» и «Краткая риторика» представляли перевод или пересказ идей Эшенбурга; но переводчик нередко вставлял в текст такие мысли, которые мало соответствовали подлиннику: «Произведения изящных искусств, — писал, например, Мерзляков, — как предмет чувствования и вкуса, не подвержены строгим правилам и не могут, кажется, иметь постоянной системы или науки изящного». Несравненно важнее всяких правил — критика вкуса. Эта двойственность идей и приемов проходит через всю деятельность Мерзлякова. В теории он, например, согласно Горацию, делил

всю поэзию на два рода — эпический и драматический, а лирическую поэзию включал в разряд эпической. Больше оригинальности и исторического значения представляют критические статьи Мерзлякова, появившиеся в «Трудах Общества Любителей Российской Словесности», в «Вестнике Европы» Каченовского и в журнале «Амфион», который издавал Мерзляков вместе с Ф. Ф. Ивановым и С. В. Смирновым. Встречающиеся здесь отзывы о важнейших писателях русской литературы часто отличаются большой критической пронизательностью и художественным чутьем. В статье: «Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии» («Труды», 1812, I) Мерзляков характеризует деятельность Тредьяковского, Сумарокова, Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, Крылова, совершенно независимо от теоретических пиитик. Значение «Телемахида» Тредьяковского он старается определить с исторической точки зрения: по поводу Сумарокова и Озерова читает резкую отповедь подражанию французам, «умственному рабству» русских писателей; по поводу Ломоносова высказывает порицание пристрастию к торжественным одам, так как «человек всего занимательнее для человека»; с этой же точки зрения восхваляется Державин за употребление будничных, народных выражений. В «Вестнике Европы» Мерзляков напечатал пространные разборы сочинений Сумарокова, трагедий Озерова, «Мельника» Аблесимова (1817, части 91-94), в «Трудах» — статью о Державине (1820, XVIII) и «Письмо из Сибири» (1818, XI). Эти статьи следует считать наиболее полным отражением критического таланта Мерзлякова. В развенчивании произведений Сумарокова, в более точном и рассудительном определении поэтических заслуг Ломоносова и художественного таланта Державина Мерзляков явился предшественником Надеждина и Белинского. Ему недоставало, однако, цельности и последовательности руководящих принципов. «Вот где система», говорил он своим слушателям, указывая на сердце и сводя критику, таким образом, к впечатлениям, которым вдобавок предстояло мириться с неизменными толками профессора о «правилах». Отсюда противоречия и сбивчивость представлений, на что и указал современник Мерзлякова, Веневитинов. Молодой критик отметил еще и другой, едва ли не более существенный, недостаток эстетики Мерзлякова: профессор не следил за развитием своей науки, с течением времени даже совсем покинул изучение ее, лекции свои превратил в импровизации, в разборе произведений Ломоносова или Державина, случайно попадающихся на глаза при раскрытии книги на кафедре. Вновь возникавшие явления в области литературы заставляли Мерзлякова врасплох: он или подвергал их суду с узкой схоластической точки зрения, или обнаруживал растерянность критической мысли. Так, в «Письме из Сибири» он напал на баллады и на «дух германских поэтов» на таком основании: «Что это за дух, который разрушает все правила пиитики, смешивает вместе все роды, комедии с трагедией, песни с сатирой, балладу с одой и пр. и пр.?» Появление Пушкина повергло Мерзлякова в смущение. Очевидцы рассказывают, что, читая «Кавказского пленника», Мерзляков плакал: «Он чувствовал, что это прекрасно, но не мог отдать себе отчета в этой красоте и — безмолвствовал». Двойственность и недоконченность отмечают Мерзлякова и как поэта. Он — лирик, совместивший все жанры, от классической оды до простой песни, легко становившейся достоянием даже нелитературной публики. Упражняясь в торжественном жанре Ломоносова и Державина, Мерзляков выражает патриотические и религиозные чувства посредством самых изысканных риторических фигур и в «высоком стиле». Довольно обширен у Мерзлякова отдел стихотворений на академические торжества; здесь напыщенная форма искупается восторженной верой автора в науку. Гораздо большим поэтическим достоинством обладают песни и романсы Мерзлякова; многие из них положены на музыку. Иногда сентиментальный тон вредит глубине чувства; условные восклицания, шаблонные обороты встречаются часто — но некоторые песни Мерзлякова напоминают лучшие Кольцовские песни. Таковы, например, «Я не думала ни о чем в свете тужить», «Чернобровой, черноглазой молодец удалой», «Ожиданье» («Тошно девице ждать мила друга»), знаменитое «Одиночество» («Среди долины ровныя»). В стихотворениях для детей отразилась гуманная натура автора; особенной живостью отличается «хор детей маленькой Наташи». Мерзляков много переводил. Лучшие

из его переводов — «Эклоги» Вергилия и Теокрита. Статьи и лекции Мерзлякова до сих пор не изданы. Поэтические произведения изданы Обществом любителей русской словесности в Москве в 1867 г., в двух частях, с примечаниями М. Н. Лонгинова. Биография Мерзлякова — в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Московского университета» (Москва, 1855, ч. II); сведения о нем в книге М. Дмитриева «Мелочи из запаса моей памяти» (2-е изд., М., 1869). Оценку Мерзлякова, как теоретика и критика, см. у И. М. Белоруссова «Зачатки русской литературной критики» (вып. 2-й, 1888). — Ср. П. Н. Сакулин «Князь В. Ф. Одоевский» (т. I, ч. 1, стр. 49-56). Новые архивные материалы — у В.М. Истрина, в статьях о Дружеском литературном обществе и младшем Тургеневском кружке («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1910, № 8, и 1913, № 3); «Архив братьев Тургеневых» (вып. 2-й, 1911).